

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU58688331

891.87 V88

Istoriia slovatskoi

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Н М
Муромов
Ярославъ Вѣлчекъ.

ИСТОРИЯ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРЕВОДЪ
А. ОПФЕРМАНА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ проф. Т. Флоринскаго.

Изданіе Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

—~~~~~—
Кіевъ.

Въ типографіи В. І. Завадзкаго. Бол.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1889.

Сл. 2

~~Допущено~~

891.87
V88

Допущено пещурю. Киев, 11 Сентября 1889 года.

824.
1961

OK
JUN 15 1962

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской наукѣ и литературѣ давно уже признана потребность основательнаго, разносторонняго и глубокаго изученія славянскаго міра. Но для удовлетворенія этой потребности у насъ сдѣлано и дѣлается все еще очень мало. Правда литература наша ежегодно обогащается болѣе или менѣе цѣнными спеціальными изслѣдованіями по славяновѣдѣнію, тѣмъ не менѣе въ ней чувствуется недостатокъ въ доступныхъ трудахъ болѣе общаго характера, изъ которыхъ широкая публика и учащіеся могли бы черпать вѣрныя и точныя свѣдѣнія о родственныхъ славянскихъ народахъ, ихъ историческихъ судьбахъ и современномъ положеніи, ихъ отношеніяхъ къ міру западному и Россіи, ихъ бытѣ и образованности, ихъ политическихъ и національныхъ стремленій. У насъ все еще нѣтъ сколько нибудь удовлетворительныхъ обзоровъ ни исторіи, ни географіи западнаго и южнаго Славянства, ни въ цѣломъ видѣ ни по отдѣльнымъ странамъ и народамъ, нѣтъ обстоятельныхъ, научныхъ этнографическихъ описаній Славянства, ни систематическихъ обо-

зрѣній славянскихъ литературъ, ни даже грамматикъ и словарей для многихъ славянскихъ языковъ. Что же касается имѣющихся въ литературѣ капитальныхъ трудовъ общаго характера нашихъ славистовъ, какъ то Григоровича, Гильфердинга, Ламанскаго, Макушева, Пыпина и др. то они большею частью недоступны публикѣ, такъ какъ или вышли изъ продажи, или разсѣяны по періодическимъ изданіямъ, или же отличаются высокой цѣной. Отсюда не удивительно, что у насъ нерѣдко въ весьма образованныхъ кругахъ приходится наблюдать самыя смутныя представленія о Славянствѣ или даже полное отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о немъ. Неудивительными становятся и раздающіяся часто со стороны студентовъ—филологовъ и вообще со стороны лицъ, интересующихся Славянствомъ, жалобы на скудость имѣющихся въ обращеніи пособій по славяновѣдѣнію.

Кіевское Славянское Общество, имѣя въ виду указанные важные недочеты и пробѣлы въ русской литературѣ, всегда усматривало важнѣйшую задачу своей дѣятельности въ распространеніи на Руси свѣдѣній о Славянствѣ и удѣляло значительную часть своихъ скромныхъ средствъ на изданія по славяновѣдѣнію. Сколь ни маловажны на первый взглядъ эти изданія („Славянскіе Ежегодники,“ Исторія чешской литературы, „Славянская Бесѣда“) сколь ни велики ихъ недостатки, они все же приносили и приносятъ извѣстную долю пользы. Къ сожалѣнію недостатковъ рабочихъ силъ въ провинціальномъ городѣ, ограниченность издательскаго бюджета и нѣкоторыя другія причины, коренившіяся въ самой орга-

низаціи издательскаго дѣла, мѣшали членамъ Общества, стоявшимъ наиболѣе близко къ этому дѣлу, вести изданія такъ, какъ слѣдовало бы для наилучшаго достиженія вышеуказанной цѣли. Въ настоящее время, когда становится все замѣтнѣе общее оживленіе въ трудахъ Общества, позволительно надѣяться, что его издательская дѣятельность расширится и приметъ болѣе стройную и упорядоченную систему. Главная цѣль, которую должны преслѣдовать изданія Славянскаго Общества, по нашему мнѣнію, должна состоять въ томъ, чтобы доставить широкой читающей публикѣ разностороннія, вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Славянствѣ. Такимъ образомъ прежде всего желательно появленіе общихъ трудовъ, оригинальныхъ или переводныхъ по разнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія, основанныхъ на точномъ строго-научномъ, объективномъ изученіи того или другого предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ изложенныхъ общедоступно. Къ сочиненіямъ такого рода относится данная книга, имѣющая цѣлью познакомить русскихъ читателей съ объемомъ и содержаніемъ одной изъ самыхъ юныхъ и замѣчательныхъ славянскихъ литературъ.

* * *

Словаки принадлежатъ къ числу славянскихъ народностей наименѣе извѣстныхъ читающей русской публикѣ. Имя Словаковъ очень рѣдко встрѣчается на страницахъ нашихъ газетъ и журналовъ. Происходитъ это, быть можетъ, оттого, что въ политической сторонѣ славянскаго вопроса, которою у насъ интересуются болѣе всего, Словаки имѣютъ очень слабое отношеніе. Представляя собой далеко не самый ма-

лочисленный народъ въ Австро-Венгріи (ок. 3,000,000), они, однако, не играютъ въ ней никакой политической роли. Это — самый забитый, униженный, безправный народъ, хотя и живущій въ предѣлахъ государства, которое хвалится своей либеральной конституціей, свободой и равноправностью своихъ народовъ. Трудно представить себѣ болѣе тяжелое, болѣе безвыходное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся Словаки. У нихъ отнято буквально все, что только можно отнять у народа. Самое существованіе Словаковъ какъ этнографической особи не признается государствомъ. Всякій, именующій себя Словакомъ, открыто говорящій по-словацки, уже считается измѣнникомъ отечеству и врагомъ государства и подвергается явнымъ и тайнымъ преслѣдованіямъ со стороны властей. Поэтому не удивительно, что Словаки не имѣютъ ни одного представителя ни въ сеймѣ, ни въ мѣстной администраціи, не имѣютъ ни одной средней школы, ни одного учено-литературнаго общества или учрежденія, ни библіотеки, ни театра; они должны забыть свой языкъ и вынуждены всюду: и въ судѣ, и въ школѣ, и на почтѣ и даже въ церкви (за послѣднее время) пользоваться мадыарскою рѣчью; они утратили свое нѣкогда сильное и богатое дворянство, которое омадырилось и идетъ за одно съ врагами своего народа; они лишились лучшей своей земли, которая перешла въ руки Мадыаръ, Мадыароновъ и Евреевъ и переносятъ невыносимый матеріальный гнетъ то стороны этихъ трехъ элементовъ, дѣйствующихъ въ полномъ согласіи всякій разъ какъ только идетъ вопросъ о приниженіи и уничтоженіи бѣднаго сло-

вацкаго ¹⁾ народа. Омадьяреніе чудной словацкой земли, это-го наслѣдія нѣкогда знаменитаго Велико-моравскаго вняжества, стало высшей государственной задачей современнаго мадьярскаго правительства и общества, и съ каждымъ днемъ дѣлаетъ все бѣльшіе успѣхи. Для достиженія этой задачи, какъ извѣстно, считаются дозволенными всякія средства, какъ бы ни были они гнусны, не исключая и такихъ напр. какъ недавно раскрытый систематическій захватъ и уводъ въ мадьярскій полонъ сильныхъ и здоровыхъ словацкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Вполнѣ понятно, что при такомъ тяжеломъ гнетѣ Словаки являются безгласнымъ, безотвѣтнымъ, совсѣмъ незамѣтнымъ членомъ въ семьѣ народовъ Австро-Венгріи. О нихъ мало пишутъ и говорятъ даже славянскія газеты и журналы, выходящіе въ предѣлахъ монархіи Габсбурговъ, не говоря уже о нѣмецкой и мадьярской печати. Все это, однако, не представляетъ достаточныхъ основаній для того, чтобы мы Русскіе относились къ Словакамъ съ слабымъ вниманіемъ или даже полнымъ равнодушіемъ. Думаемъ, напротивъ, что народъ этотъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія и сочувствія и не только потому, что онъ давно и много страдаетъ, но и по другимъ причинамъ. Русскими славистами уже неоднократно было указываемо на особенное мѣсто, какое

¹⁾ Мы вездѣ употребляемъ прилагательное „Словацкій“ какъ болѣе соответствующее русскому производству отъ Словакъ вмѣсто мѣстнаго „словенскій“, уже принятаго въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ. Такое употребленіе объясняется также стремленіемъ не давать повода къ смѣшенію Словаковъ со Словенцами (въ Штиріи, Хорутаніи, Крайні, Ю. Зап. Венгріи).

Словаки занимаютъ въ семьѣ западно-славянскихъ народовъ. Народъ этотъ, кстати сказать, непосредственный сосѣдь русскаго народа (именно той его части, которая живетъ въ сѣверо-восточной под-Карпатской Венгріи), не смотря на всѣ пережитыя имъ невзгоды, удивительнымъ образомъ сохранилъ свой столь богатый оригинальными этнографическими чертами славянскій типъ. Оказавъ сильное культурное вліяніе на Мадьяръ, сами Словаки въ своей массѣ, за исключеніемъ высшихъ слоевъ, не поддались чужеземному вліянію. Нерѣдко у нихъ оказываются въ неприкосновенномъ видѣ такіа драгоценныя особенности народнаго быта и характера, которые приходится встрѣчать далеко не у всѣхъ австрійскихъ Славянъ. Здѣсь, въ словацкой землѣ, наблюдаются замѣчательное богатство и разнообразіе народныхъ пѣсенъ, стародавніе народные обычаи, обряды и вѣрованія, удивительно чистый, чуждый постороннихъ примѣсей, звучный и выразительный славянскій языкъ, особенное характерное міровозрѣніе народа какъ въ массѣ, такъ у интеллигентныхъ представителей его, поражающее своею разумностью и внутренней правдой. Искони живя подъ чужеземнымъ игомъ, Словаки не питаютъ никакихъ широкихъ политическихъ плановъ, не мечтаютъ, подобно многимъ другимъ славянскимъ народамъ Австро-Венгріи, о созданіи своего сильнаго государства, не посягаютъ на права другихъ братскихъ народовъ. За то они живо сознаютъ свое племенное и духовное родство со всѣмъ славянскимъ міромъ, желаютъ свободы и всякаго блага всѣмъ членамъ этого міра. Быть можетъ, нигдѣ въ Австро-Венгріи,

славянская идея не пустила такъ глубокой корней, какъ въ словацкомъ народѣ. Не даромъ же этотъ народъ выставилъ такихъ великихъ поборниковъ этой идеи, какъ Шафарикъ, Колларъ и Людевитъ Штуръ. Съ другой стороны нигдѣ, быть можетъ, не наблюдается столь чистыхъ, безкорыстныхъ симпатій, такого сознательнаго уваженія къ Россіи и русскому народу какъ у Словаковъ. Намъ удалось въ разное время посѣтить большую часть земель сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ Славянъ и мы можемъ вполне искренне сказать, что нигдѣ намъ не чувствовалось такъ хорошо какъ у Словаковъ, нигдѣ мы не встрѣчали столько близкаго, роднаго, дорогаго русскому сердцу какъ у этого симпатичнѣйшаго изъ славянскихъ народовъ.

* * *

Какъ характерная черта Словаковъ должна быть отмѣчена значительная даровитость народа, выразившаяся, между прочимъ, въ созданіи довольно богатой и замѣчательной литературы. Словацкая литература—явленіе новое; она существуетъ всего около ста лѣтъ и своимъ развитіемъ обязана главнѣйше тому великому политическому и культурному движенію нынѣшняго столѣтія, которое извѣстно подъ именемъ „славянскаго возрожденія.“ Какъ ни тяжела была внѣшняя обстановка, при которой создавалась эта литература и при которой она существуетъ въ настоящее время, она все же окрѣпла, разцвѣла и завоевала себѣ видное мѣсто въ ряду другихъ западнославянскихъ литературъ. Не смотря на все еще продолжающіеся энергическіе протесты Чеховъ противъ

литературной самостоятельности Словаковъ, теперь однако едва ли возможно оспаривать у послѣднихъ право имѣть свою литературу, и по той простой причинѣ, что они дѣйствительно имѣютъ ее. Для признанія этого факта достаточно припомнить хотя бы напр. то, что именно словацкой литературѣ принадлежатъ такіе крупные поэтическіе таланты какъ Сладковичъ, С. Халупка, Краль, Ботто, Гурбанъ-Ваянскій, Гвѣздославъ-Орсагъ, служащіе истиннымъ украшеніемъ славянской лирики.

Двѣ черты особенно опредѣляютъ достоинство и значеніе словацкой литературы. Это—литература по преимуществу народная въ широкомъ смыслѣ этого слова: она воспроизводитъ жизнь народа, его прошлое и настоящее, его идеалы и стремленія, вообще отличается народнымъ духомъ и въ формѣ, и содержаніи. Съ другой стороны она отражаетъ въ себѣ славянскую идею, которая, какъ было указано, такъ присуща словацкому народу. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ литературу этого маленькаго народа достойной вниманія русскихъ образованныхъ людей.

* * *

На русскомъ языкѣ, кромѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ статей—монографій, по словацкой литературѣ имѣются два труда болѣе общаго характера: А. Н. Пыпина, „Литература Словаковъ“ во второмъ томѣ его извѣстнаго сочиненія „Исторія славянскихъ литературъ“ (Спб. 1881 г.), и Л. Пича „Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ“ (Славянскій сборникъ Т. I, III. 1877). Но пер-

вый изъ нихъ имѣеть преимущественно біографическій и би-
бліографическій характеръ и мало знакомить съ самымъ со-
держаніемъ литературы; сверхъ того онъ не отличается пол-
нотой и малодоступенъ вслѣдствіе дороговизны изданія, въ
которомъ помѣщенъ. Второй—прекрасная, но неоконченная,
далеко не исчерпывающая предметъ, работа, притомъ опять
помѣщенная въ сборникъ и не вышедшая отдѣльнымъ изда-
ніемъ.

Такимъ образомъ издаваемая Кіевскимъ Славянскимъ
Обществомъ книга, намъ думается, должна пополнить одинъ
изъ существенныхъ пробѣловъ въ нашей литературѣ по сла-
вяновѣдѣнію. Трудъ г. Ярослава Болчка, родомъ Словака, пре-
подавателя пражскаго реального училища, представляетъ
цѣльный обстоятельный очеркъ исторіи словацкой литературы,
написанный весьма красиво и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ
не только знакомить съ главными фактами и дѣятелями лите-
ратуры Словаковъ, но и вводитъ читателя въ содержаніе важ-
нѣйшихъ произведеній. Нельзя только не пожалѣть, что въ
этомъ отношеніи очень мало мѣста удѣлено новѣйшимъ круп-
нымъ писателямъ, какъ Св. Гурбанъ-Ваянскій и Орсакъ-Гвѣз-
дославъ. Ознакомленіе русскихъ читателей съ художе-
ственными созданіями этихъ славныхъ поэтовъ положительно не-
обходимо. Первое изданіе сочиненія г. Болчка явилось на
чешскомъ языкѣ еще въ 1881 г. Издаваемый здѣсь переводъ
сдѣланъ съ рукописи приготавлиаемаго авторомъ къ печати
второго изданія на словацкомъ языкѣ. Мы считаемъ пріят-
ною для себя обязанностью принести здѣсь г. Болчку отъ име-

ни Славянскаго общества искреннюю благодарность за любезную готовность, съ которой онъ сообщилъ намъ исправленный и дополненный оригиналь своего прекраснаго труда.

Проф. Т. Флоринскій.

Кіевъ.

1 Сентября 1889 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе	1—4
Періодъ первый. Словацкая литература отъ Берно- лака до Людевита Штура	5—27
Протестантизмъ въ словацкой землѣ. Первыя по- пытки введенія словацкаго языка въ литературу. Пи- лярикъ. Горчичка. Бель. Керманъ. Бернолакъ и его ла. Соперничество католиковъ и протестантовъ. Га- шкомулякъ. Таблицъ и Палковичъ.	5—13
Янъ Голый, первый поэтъ Словаковъ	13—27
Періодъ второй. Словацкая литература отъ Людевита Штура до нашихъ дней	28—198
Борьба за самостоятельность словацкой литерату- ры. Нападки Чеховъ. Заслуги Гурбана, Штура и Годжи.	28—32
Школа Штура	32—43
Изданія Штура и Гурбана. Возстаніе 1848 г.	43—48
Исправленіе литературнаго языка. Упадокъ лите- ратуры. Новое движеніе.	48—54
Эпоха новыхъ бѣдствій	54—59
I. Эпось и лирика	59—164
Л. Штуръ	61—68
Андрей Сладковичъ	68—96
Само Халупка	96—102
Янко Краль	103—108
Богутъ Незабудовъ	109—110

Я. Грайхманъ, Янъ Матушка, Паулини Ладиславъ, Янъ Францисци, Павелъ Добшинскій, Петръ Забой Кельнеръ-Гостинскій	110—115
Янъ Ботто	115—119
Вилемъ Паулини-Тотъ и Микулашъ. Догнанный	119—125
Карлъ Кузмани	125—128
М. М. Годжа	128—130
Іосифъ Гурбанъ	130—135
Самуилъ Томашикъ, Цтибогъ Зоухъ, Да- ниилъ Мароти, Іосифъ Янчо, Іонашъ Заборскій, Само Гробонъ, Желло.	136—150
Шестидесятые годы. Людевитъ Куба- ни. Чаякъ, Лойко, Цапко, Думный	151—161
1870—1888 г. А. Белла. Орсагъ-Гвѣздо- славъ. Гурбанъ-Ваянскій	161—164
II. Драма.	164—181
Янъ Халупка. Догнанный. Подградскій.	165—181
Янъ Палярикъ	169—174
Вилемъ Паулини-Тото, Ормись, Заборскій, Кель- неръ Гостинскій	174—181
III. Новелла и Романъ	181—198
Калинчакъ. Іосифъ Гурбанъ	181—189
М. Ферьенчикъ, Паулини-Тотъ и др.	189—193
Новеллисты шестидесятыхъ годовъ: Зехентеръ, Кубани, Думный	194—195
1870—1888. Гурбанъ-Ваянскій и другіе но- вѣйшіе писатели. Заключение	195—198
Указатель личныхъ именъ	199—202
Опечатки и поправки	203—204

ВВЕДЕНІЕ.

Въ колыбели Славянства, въ мѣстности, расположенной между Татрою и Дунаемъ (отъ Яблункова до Новыхъ Замковъ и отъ Пресбурга до Шаришскаго Потока), въ пятнадцати сѣверо-западныхъ жупахъ нынѣшняго Угорскаго королевства, живетъ одно изъ сравнительно меньшихъ славянскихъ племенъ, *Словаки*, въ количествѣ 2,800,000 душъ; отдѣльныя поселенія ихъ, впрочемъ, глубоко врѣзываются еще за Дунай и въ Нижнюю страну. Замѣчательно сохранившійся (въ фонетическомъ и фразеологическомъ отношеніяхъ), звучный, выразительный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій языкъ Словаковъ дѣлится на множество подрѣчій, среди которыхъ можно отличить три главнѣйшія группы: нарѣчіе западное или чешско-словенское, среднее или собственно словацкое и сѣверо-восточное или польско-русское ¹⁾.

Лишенные силою оружія на Пожунскомъ полѣ политической самостоятельности, Словаки съ тѣхъ поръ уже не имѣли ея никогда. Не смотря на то, что въ теченіе тысячелѣтій они обогащали и до сихъ поръ обогащаютъ Угорскую землю въ культурномъ и литературномъ отношеніяхъ, снаб-

¹⁾ Šafařík. „Slovanský národopis.“ V Praze 1842 г. стр. 96—100; Hodža. „Větin o slovenčine. V Levoči. 1848 г. стр. 46—60.

жая ее военною силою, шляхтою и труженниками мысли, отечественная исторія тѣмъ не менѣе умалчиваетъ о ихъ самостоятельной, индивидуальной жизни.

Со времени паденія Велико-Моравскаго княжества одно лишь имя ярко сіяетъ во тѣмъ словацкой исторіи; это имя Матуша Чака изъ Тренчина, повелителя долины Вага и Татръ, пытавшагося въ началѣ XIV столѣтія соединить удѣльное княжество Словацкое съ Чешскимъ королевствомъ ¹⁾.

Всѣ остальные моменты самостоятельной жизни и національныхъ различій, со временъ св. Стефана вплоть до конца XVIII столѣтія, сокрыты подъ покровомъ латыни.

Подобно тому, какъ политическая дѣятельность Словаковъ осталась безслѣдною въ исторіи, точно такъ же не получила у нихъ самостоятельнаго развитія и жизнь *литературная*. Дважды повторающаяся колонизація чешскихъ гуситовъ и протестантовъ (первая въ XV вѣкѣ, послѣ битвы у Липанъ, и вторая—200 лѣтъ спустя, послѣ Бѣдогорской битвы) на время, правда, какъ-бы оживляютъ Словенско: часть Словаковъ принимаютъ ихъ вѣру и съ нею чешскій литургическій языкъ. Пришельцы заводятъ книгопечатни и школы, издають канціоналы, молитвенники, проповѣди, апологіи своего ученія и поддерживаютъ такимъ образомъ связь со своею прежнею отчизной;—но эта догматическая, апологетическая и полемическая чешская литература не оказываетъ никакого вліянія на народъ.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ чешскій языкъ сходитъ со сцены политической и литературной жизни чешскаго королевства, будучи искусственно сохраняемъ развѣ лишь кое-гдѣ

¹⁾ О немъ говорятъ: Петръ Гостинскій (Sokol, III, 1864), Іонашъ Заборняскій (Básne dramaticke, 1865, с. 107—120) Самуилъ и Ормизъ (введеніе къ нов. Паулини „Trenčiansky Matuš“, 1871, с. 27—32).

на чужбинѣ, да въ отпятаѣ восточной части страны. На этомъ словацкомъ востокѣ первый толчокъ внутреннему литературному движенію былъ данъ со стороны католиковъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія католическое духовенство, главнымъ образомъ Тернавскіе іезуиты, сначала спорадически, а затѣмъ и съ большею послѣдовательностью, начинаютъ вносить въ свои популярно-религіозныя книги мѣстный діалектъ ¹⁾.

Первоначальная цѣль этого предпріятія носила на себѣ характеръ чисто агитаціонный, противъ-протестантскій, но новое время придало этому движенію иной видъ и значеніе.

Французскіе энциклопедисты и революція, просвѣщенный либерализмъ Іосифа II-го и насильственная германизация, возрожденіе славянскихъ литературъ на сѣверо-востокѣ и югѣ,—все это не могло не оказать извѣстнаго дѣйствія и на Словенско. Первые глашатае словацкаго возрожденія, католики Фанди, Байза и Бернолакъ, не связанные съ вымиравшею уже чешскою рѣчью никакими литературными традиціями, съ почтеніемъ и любовью преклонились предъ живымъ народнымъ языкомъ и ввели его въ литературу. Бернолакъ написалъ грамматику и словарь, Голый почти самъ по себѣ создалъ цѣлую поэтическую литературу, Руднай, Палковичъ и другіе меценаты щедрою рукою поддерживали дѣло изданія словацкихъ книгъ.

Но грамматическая и лексикографическая попытка Бернолака не привилась среди Словаковъ. Взглядъ его на дѣло былъ слишкомъ одностороненъ. Западное нарѣчіе, на которомъ писали Словаки-католики, можно назвать развѣ лишь

¹⁾ Что книга Мачая „*Panes primitiarum aneb Chleby prvotin*“, изд. въ Тернавѣ (1718 г.), не была *первою словацкою книгою*, каковою она обыкновенно считалась до сихъ поръ въ исторіи литературы, обстоятельно доказано Яномъ Велколинскимъ въ „*Živena*“, 1885 г., стр. 230—238.

переходнымъ отъ книжнаго чешскаго языка къ языку среднему, собственно словацкому; кругъ его употребленія ограничивался исключительно лишь католическою партією.

Потребности народа между тѣмъ росли. Сказывалась необходимость обратиться къ великимъ его массамъ на его же живомъ языкѣ. Тогда снова былъ разслѣдованъ принципъ Бернолака, и вотъ, въ 1845-мъ году, Людевитъ Штуръ, Юсифъ Гурбанъ и Михаилъ Милославъ Годжа, подъ восторженные аплодисменты словацкой молодежи и энергическіе протесты Чеховъ, стали писать свои произведенія на языкѣ восьми среднихъ словацкихъ жупъ. Годжа устранилъ прежнее неправильное, принятое было Штуромъ, правописаніе, а филологическій стѣздъ въ Пресбургѣ (1852), руководствуясь талантливыми указаніями Годжи, окончательно установилъ нынѣ употребляемый въ словацкой литературѣ языкъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, обѣ партіи: католическая (позже Бернолакова) и евангелическая (позже Штурова) соединились на почвѣ единой литературной рѣчи, которая, какъ самая младшая сестра, и заняла свое мѣсто въ ряду славянскихъ литературъ.

И такъ собственно словацкая литература, существующая уже цѣлое столѣтіе, распадается на два періода:

первый—отъ изданія Бернолаковой книги до Людевита Штура (1787—1844) и

второй—отъ Штура до нашихъ дней (1845—1888).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Пріюють, полученный многочисленными чешско-моравскими эмигрантами послѣ Бѣлогорской битвы у протестантскихъ Словаковъ, былъ причиною, вызвавшею ожесточенную борьбу между католическою и евангелическою партіями. Народъ и писатели (лица духовныя) распались на два враждебныхъ другъ другу лагеря. Церковное раздѣленіе въ XVI-мъ вѣкѣ не вызвало такой сильной вражды между лицами этихъ двухъ вѣроисповѣданій, взаимно пополнявшихъ другъ друга: въ то время не было такого попиранія всяческихъ правъ, такихъ издѣвательствъ одной партіи надъ другою, такихъ интригъ по дѣламъ службы, ни такихъ подозрѣній и пристрастія. Иное дѣло теперь. Междоусобная война, поднятая Юріемъ Ракочи, пріобрѣла характеръ преимущественно религіозный. Никакіе мирные договоры (Вѣнскій, Линцскій), никакія привилегіи, даваемые протестантамъ по случаю коронаціи того или другого короля, никакія законодательныя рѣшенія сеймовъ и указы не имѣли достаточно силы, дабы удержать обѣ партіи въ предѣлахъ мира. Во времена Эмерика Тѣтели (въ 1681 г.) и Франца Ракочи (въ 1704 г.) въ странѣ, наряду съ турецкими погромами, вспыхнула ожесточенная гражданская война. При такихъ условіяхъ едва лишь зарождавшаяся словацкая литература, которою занималось главнымъ обра-

зомъ преслѣдуемое евангелическое духовенство, никоимъ образомъ не могла подвигаться впередъ.

По мѣрѣ того, какъ XVII-ое столѣтіе подходило къ концу, словацкая мысль все глубже и глубже погружалась въ бездну тяжкаго унынія; произведенія этой эпохи полны грусти; убѣжденія стѣснены узкими рамками ожесточенной полемики; всюду слышатся плачь и скрежетъ зубовъ, проклятія и тяжкія обвиненія. Среди этой пустоши примѣтны только два писателя: одинъ—**Степанъ Пилярикъ** (Pilárik, род. въ 1616 г. въ Очовѣ, Зволенской жупы, ум. изгнанникомъ въ Нейзальцѣ въ 1674 г.), гонимый турками и соотечественниками, справца чешскихъ эмигрантовъ и еванг. священникъ, писавшій стихи; другой—учитель **Даніиль Горчичка-Синапиусъ** (Hogčičba-Sinapius, родомъ изъ Турочскихъ Сучанъ), написавшій „Neoforum latino-slavonicum“ или Новый латино-словацкій Базаръ“ (1678), богатое собраніе словацкихъ пословицъ и поговорокъ, съ достопамятнымъ латинскимъ предисловіемъ. Въ немъ онъ старается пробудить въ Словакахъ любовь къ изученію своего народа, разбираетъ съ исторической точки зрѣнія давность пребыванія Славянъ въ Европѣ, гордится всѣми славянскими народами въ отдѣльности, отзываясь о нихъ съ великою похвалою, приводитъ свидѣтельства древнихъ писателей и въ концѣ обращается „ad nobilissimos adolescentes,“ къ полной жизни молодежи изъ благородныхъ семей, призывая ихъ служить народному дѣлу. Произведенія небогословскаго характера у Словаковъ въ это время—рѣдкое явленіе. „Окованная цѣпями мысль не могла парить надъ горами человѣческихъ костей“¹⁾.

¹⁾ Оставляя въ сторонѣ Горчичку, Пилярика и нѣкоторыхъ другихъ, мы видимъ, что этотъ вѣкъ представляетъ одно лишь рыданье и проклятье. Домашній очагъ и спокойный кусокъ хлѣба—обуславливаются извѣстной работой духа.

Теологическіе отголоски прошлыхъ временъ долго еще слышатся и въ XVIII-мъ вѣкѣ, хотя въ произведеніяхъ Беля, Кермана, Амвросія Грушковича мы замѣчаемъ уже больше мысли и гуманистическаго направленія.

Восемнадцатый вѣкъ имѣетъ даже свою поэзію и оригинальныхъ личностей, каковы: прекрасный дипломатъ—космополитъ **Матвій Бель** (Bel, Belius, 1684—1749 г.), родомъ изъ словацкой Очовы, извѣстный словацкій панегиристъ, основатель перваго литературно-періодическаго изданія у Словаковъ (въпрочемъ еще по-латыни, 1722 г.), писавшій на нѣмецкомъ, латинскомъ и мадьярскомъ языкахъ; безстрашный про-

У Словаковъ-же энергія, нравственныхъ силъ, самопожертвованія ради идеи, знанія, утѣшенія среди бѣдствій и достаточной любви къ своей народности въ эту эпоху не существовало. Самая эмиграція зиждилась не столько на силѣ характера, растущей съ увеличеніемъ числа враговъ, сколько на легкомысліи, на несогласіи протестантовъ съ правительствомъ и современнымъ порядкомъ вещей, на нерѣзительности и филистерствѣ Словаковъ, благодаря которымъ они не могли подняться до идеала своей жизни. Въ дѣлѣ перенесенія всяческихъ бѣдствій у этихъ словацкихъ изгнанниковъ отсутствовала народный духъ, судьба ихъ не была связана съ симпатіями временъ грядущихъ; отсутствіе энтузіазма дѣлало ихъ просто плачущимися на судьбу Овидіями. Этихъ людей нельзя даже и сравнивать съ величественными образами чешскихъ изгнанниковъ, этими мужами, мощными своею идеєю, гигантами мысли, носителями народныхъ стремленій, которые не оплакивали своей судьбы, но оплакивали отечество, оставленное ими обнищавшимъ, оплакивали забытый, разсѣянный повсюду, приниженный и лишенный своихъ вѣрныхъ сыновъ, народъ. По этому-то и въ изгнаніи всѣ ихъ труды были посвящены памяти и славѣ этого народа; они не гибли здѣсь отъ печали, но воплощали ее въ тѣхъ фактахъ, которые дѣлаютъ только честь чешскому имени. Они оставили по себѣ память не только въ литературѣ, но и на поприщѣ военнаго и строительнаго искусства, въ видѣ разныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ Гонтѣ, Гевешѣ, Боршодѣ, въ жупахъ: Саладской, Шомодской, Бихарской, Новоградской и др. Такого духа тщетно стали-бы мы искать въ то время у Словаковъ. То, что пробуждалось, было тѣмъ-то заноснымъ извнѣ, не было живымъ доказательствомъ національнаго самосознанія, ни иниціативою самого ядра Словачины („Slovenské Pohl'ady“, 1847, I. томъ, II, стр. 10, 11, статья Гурбана „Slovensko a jeho život literarný“).

тестантскій суперинтендентъ, **Даніилъ Керманъ** (Kрман, послѣ цѣлаго ряда пытокъ казнень 17-го сентября 1740-го года), благословившій знамена Рабочаго, переводчикъ библіи, авторъ многихъ произведеній;—и нѣсколько другихъ стихотворцевъ. Но, собственно говоря, въ точномъ смыслѣ, и это былъ лишь наружный блескъ и *pium desiderium*. Ядро Словенска спало.

Болѣе свободная жизнь начинается лишь съ воцаренія Маріи Терези и Іосифа II-го. Свобода всякаго исповѣданія признана закономъ; число писателей умножается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и литература начинаетъ, наконецъ, выступать изъ рамокъ богословія; пробуждается интересъ къ вопросамъ дѣйствительной жизни, интересъ къ идеаламъ, потребностямъ и стремленіямъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ и общечеловѣческимъ. Чувство человѣческое растетъ, а съ нимъ на равнѣ расширяется и умственный кругозоръ и свобода мысли. „Отъ тѣхъ временъ дошли до насъ не одни только печальные псалмы, но и веселые свадебные диоирамбы, вольные гимны или же сатиры. Со времени паденія Великой Моравіи, мы слышимъ, теперь впервые раздаются голоса вполне талантливые, народные и даже славянскіе“ ¹⁾. Эти желанія и мечты, это примѣтное стремленіе къ удобопонятности всего лучше можно замѣтить въ формѣ появлявшихся тогда произведеній. Словацкія слова, обороты, выраженія силою врываются въ каноническій языкъ Библіи,—явленіе создавшее такой языкъ, на которомъ никто и нигдѣ не говорили.

Толчокъ однако былъ данъ и здѣсь: народное самосознаніе уже пробуждалось въ лучшихъ умахъ, не доставало лишь властнаго духа, который пустилъ-бы въ ходъ болѣе смѣлыя и дѣйствительныя средства.

Таковымъ явился **Вернолакъ**.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 14.

Этотъ мужъ, изучивъ тщательно славянскія нарѣчія, пришелъ къ тому убѣжденію, что только народный языкъ въ состояніи вызвать въ жизни отдѣльныя вѣтви Славянъ, и что языкъ этотъ является единственнымъ средствомъ для просвѣщенія, которое по причинѣ ли дѣйствительнаго невниманія, или умышеннаго пренебреженія въ родному языку, сдѣлалось для словацкаго народа совершенно недоступнымъ. Въ виду всего этого Бернолакъ направилъ всѣ свои силы для достиженія той цѣли, что-бы всякія литературныя произведенія Словаковъ писались на словацкомъ-же языкѣ.

Первымъ словомъ, вышедшимъ изъ устъ Антонина Бернолака (католич. священ. изъ дворянской семьи, род. 4-го октября 1762 г., въ Сланицѣ, Оравской столицы и умеръ въ Новыхъ Замкахъ 15-го января 1813 г.), былъ его трудъ по языковѣдѣнію „Dissertatio philologico-critica de literis Slavogum“, изданный въ 1787 году, въ Пресбургѣ.

Съ этого года и начинается исторія собственно словацкой литературы.

„Голосъ этотъ уже не былъ болѣе гласомъ вопіющаго въ пустынь, ибо сотни голосовъ откликнулись на него и привѣтствовали молодого человѣка, котораго незнавшіе его представляли себѣ 70-ти лѣтнимъ старцемъ, съ ногъ до головы покрытымъ прахомъ старинныхъ библіотекъ, но котораго тѣмъ не менѣе и знавшіе и незнавшіе его называли своимъ отцомъ, вождемъ и патріархомъ литературы. Первый голосъ, обращенный къ Бернолаку, былъ голосомъ, требовавшимъ отъ писателя, что-бы онъ далъ Словакамъ ихъ словацкую грамматику, словарь, просодію, короче, отъ него требовали, что-бы онъ, провозласивъ словацкую идею, осуществилъ-бы ее и на дѣлѣ. И вотъ впервые по истеченіи цѣлыхъ столѣтій въ землѣ Словаковъ юный умъ сталъ работать надъ грамматикою народнаго языка, словаремъ и весь отдался дѣлу распространенія лите-

ратурной идеи въ міръ дѣйствительномъ“¹⁾. Въ 1790-мъ году вышла изъ печати въ Пресбургѣ грамматика Бернолака (*Grammatica slavica*), извѣстная еще раньше выхода въ свѣтъ среди его пріятелей и молодежи, въ устной и рукописной передачѣ; надъ громаднымъ-же словаремъ Бернолакъ трудился всю свою жизнь, не дождавшись появленія его въ свѣтъ („Словацкій чешско-латино-нѣмецко-мадьярскій словарь“ 6 томовъ, 1825—27 г. въ Будѣ). Любителей словацкой литературы въ Пресбургской, Нитранской и Тренчинской столицахъ Бернолакъ собиралъ въ кружки, цѣлью которыхъ было приобрѣтеніе словацкихъ книгъ²⁾. Такихъ обществъ было основано имъ значительное количество, и хотя существованіе ихъ не было долговременно, тѣмъ не менѣе они вполне добросовѣстно поддерживали начинавшуюся новую дѣятельность; кромѣ религіозныхъ книгъ они издавали предпочтительно книги съ научнымъ содержаніемъ, по лингвистикѣ. Дѣлу изданія въ матеріальномъ отношеніи вполне поощенатски помогали: кардиналъ князь-примасъ Угрии Александръ Руднай, извѣстный своимъ изреченіемъ: „*Slavus sum; et si in cathedra Petri forem: Slavus ego!*“, каноникъ Палковичъ, издатель Бернолакова Словаря, Фуексъ, Вурумъ, Габель, Иллешгази и др. Благодаря указаннымъ обществамъ увидѣлъ свѣтъ и альманахъ „*Zora*“, который выходилъ съ 1835-го по 1840-ый годъ, возвѣщая весну словацкой поэзіи.

Важнѣйшими изъ такихъ обществъ были: 1) „*Tovaryšstvo literného umeňa slovenského*“, основанное въ 1793-мъ году и поставившее своею цѣлью изданіе словацкихъ книгъ; главнымъ средоточіемъ его былъ г. Тернава, но отдѣленія его

¹⁾ Тамъ-же, стр. 25.

²⁾ Срви. Михаила Храстека „*O dosiaľ'ných pokusoch literárneho spolčovania sa na Slovensku*“ (*Letopis Matice Slovenskej*, I. 1864, стр. III—VIII).

существовали также въ Нитрѣ, Ровномъ (Тренч. стол.), Баньской Быстрицѣ, Ягрѣ и Рожнавѣ, и 2) „Spolek milovníkov reči a literatury slovenskej“, основанный на акціяхъ въ Пештѣ, въ 1834-мъ году, предприимчивымъ Гамульякомъ ¹⁾. Янъ Колларъ, нѣкоторое время предсѣдатель этого общества, былъ въ немъ единственнымъ протестантомъ. Цѣлью этого учрежденія была обработка языка и распространеніе словацкой литературы, особенно при посредствѣ альманаха „Zora“ и другихъ забавно-поучительныхъ изданій, писанныхъ бернолачиною.

Поощряемые такимъ усердіемъ къ дѣлу со стороны католическихъ Словаковъ, протестанты тоже послѣдовали ихъ примѣру. Такъ почти одновременно съ учрежденіемъ перваго католическаго товарищества, М. Гамульяръ (Hamuliar), Л. Бартоломейдесъ, С. Чернянскій, М. Годра (старшій), Богу-

¹⁾ *Мартинъ Гамульякъ* (Hamuliak, 1789—1859), бывшій корол. чиновникъ, является однимъ изъ заслуженнѣйшихъ словацкихъ патріотовъ; болѣе 30 лѣтъ онъ оказывалъ свое благотворное вліяніе на разцвѣтъ литературы и вообще жизни Словаковъ, пробуждалъ, особенно среди молодежи, любовь къ роду и его языку, съ необыкновеннымъ тактомъ отстаивалъ его интересы, неутомимо собиралъ словацкія книги, рукописи и другія достопамятности, заботился о печатаніи и исправленіи народныхъ произведеній, распространялъ словацкія книги, короче, личнымъ пожертвованіемъ и усердіемъ, какія мыслимы только у индивидуальныхъ лицъ, онъ проводилъ словацкую литературу въ жизнь. Въ обществѣ, основанномъ имъ, считались членами многіе епископы и каноники. Этому обществу, между прочимъ, обязаны мы единственнымъ до сихъ поръ изданіемъ полнаго собранія соч. Яна Голаго, въ 4-хъ частяхъ (1841—1843) и другихъ очень хорошихъ книгъ, которыя оно издавало въ продолженіи своего 10-ти лѣтняго существованія. Достойна также замѣчанія и бібліотека Гамульяка, насчитывающая 2471 томъ, завѣщанная имъ бывшей „Словенской Матицѣ“ и помѣнявшаяся тамъ. Біографія этого замѣчательнаго чловѣка помѣщена въ „Sokol'ф“ Паулини, томъ II 1863 г., стр. 5—8. Тамъ же помѣщена замѣтка и о томъ, что изреченіе: „Народъ, который не забываетъ самого себя, не бываетъ забытъ,“ не принадлежитъ Голому, а именно сказанному воскресителю культурной жизни Словаковъ.

славъ Таблицъ ¹⁾ и Юрій Палковичъ основали „Spolek literatury slovenské,“ который, впрочемъ, по недостатку членовъ и ихъ крайней бѣдности, скоро прекратилъ свое существованіе. Въмѣсто него, въ 1803-мъ году, въ Пресбургѣ, стараніемъ и изживеніемъ тѣхъ-же вышеназванныхъ протестантовъ и съ участіемъ многихъ патріотовъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, было открыто новое учрежденіе для распространенія чешско-словенскаго языка и литературы „Institutum linguae et literaturae slavicae,“ съ которымъ была соединена каѳедра тѣхъ-же языка и литературы въ тамошнемъ еванг. лицейѣ. Каѳедра эта, на развалинахъ связаннаго съ нею „Ученаго Пресбургскаго Дружества“ (издававшего нѣсколько трудовъ на чешскомъ языкѣ и тоже скоро распавшагося благодаря равнодушію или, скорѣе, скарденности ²⁾ болѣе зажиточныхъ своихъ членовъ), достигла позже въ рукахъ Людевита Штура высшаго своего процвѣтанія. Послѣднимъ протестантско-словацкимъ обществомъ была „Slovenská literární spoločnosť baňská,“ возникшая въ 1812-мъ году благодаря

¹⁾ Этотъ еванг. священникъ (1769—1832) былъ единственнымъ въ свое время писателемъ, который взиралъ на будущее Словаковъ болѣе свѣтлыми очами и съ необыкновеннымъ умѣніемъ затрогивалъ народное чувство, тогда еще глубоко скрывавшееся въ душахъ. Рѣчь его исполнена чувства, языкъ цвѣтистъ; въ каждой его книгѣ замѣтно желаніе отрѣшиться ото всего, что могло-бы потрясти народную жизнь. Онъ создалъ себѣ какой-то фантастическій міръ, среди котораго забылъ о мірѣ дѣйствительномъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлался для Словенска поэтомъ, біографомъ, критикомъ, сатирикомъ, ораторомъ, врачомъ и переводчикомъ. Изъ его произведеній мы упомянемъ о двухъ главнѣйшихъ: „Роевіе,“ 4 части (1806—1812), одинъ изъ самыхъ лучшихъ источниковъ для исторіи чешско-словенской литературы, начиная съ XVI в. (въ этомъ сочиненіи помѣщено много прекрасныхъ біографій словацкихъ писателей и ихъ болѣе выдающіеся труды) и „Slovenšti Veršovci,“ 2 части (1804—1809), заключающее въ себѣ избранныя поэтическія произведенія временъ минувшихъ, близкихъ къ забвенію. Срвн. „Slovenské Pohl'ady.“ 1851 г. I, 3, стр. 92—94.

²⁾ „Slovenské Pohl'ady,“ 1851 г. I, 3 стр. 95: „Skrbci literarní.“

стараніямъ Ловиха, Рибал, Голубаго, Таблица, Себерини и др.; при содѣйствіи этого общества въ протестантскомъ Баньско-Штявницкомъ лицѣѣ тоже открылись чтенія по той-же литературѣ.

Наравнѣ съ католиками, имѣвшими своихъ поэтовъ и беллетристовъ, протестанты тоже пишутъ и издають свои произведенія; писатели ихъ впрочемъ почти всѣ принадлежать уже къ новому поколѣнію: Кузмани, Шкультети, Слота, Карль Штуръ, Годра, Желло, Само Халупка, Годжа, Гробонъ и самъ, будущій реформаторъ литературнаго языка, Людевитъ Штуръ.

Но какъ въ прозѣ старшихъ, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ позднѣйшихъ писателей мы видимъ лишь стремленіе къ усовершенствованію языка, искусства владѣть которыми въ совершенствѣ можно достигъ лишь постояннымъ упражненіемъ. Ни одинъ стихъ изъ этихъ произведеній опытовъ не принадлежитъ литературѣ. Впрочемъ, среди этихъ писателей появился одинъ пѣвецъ, который на своемъ родномъ языкѣ сталъ пѣть про чувства своего сердца и идеалы своей души; онъ одинъ является представителемъ словацкой поэзіи до самаго появленія Людевита Штура.

Янъ Голый.

Личность Яна Голаго (Holly) представляетъ высокій историко-литературный интересъ ¹⁾.

¹⁾ Біографич. и бібліографич. данія см.: 3-й томъ „Básně Jana Hollého“, изд. Общ. любит. словацкой литерат. и языка, въ Будаѣ, 1842 г. и въ изданіи соч. Голаго, сдѣланномъ Іос. Викторинимъ, въ Пештѣ, 1863 г. Оцѣнку литерат. дѣятельности см.: „Slov. Poh'ľady“, 1847 г. I, 2, и 1851, I, 4. (Д-ра Гурбана); „Kritická Příklad“ къ „Narod. List.“ 1864 г. стр. 171—и слѣд.; въ юбилейныхъ номерахъ „Народныхъ Новинъ“ 1885 г. № 35 и 38, (статьи Валяскаго и Шкультети) и въ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1886 г.

Онъ началъ свою оригинальную поэтическую дѣятельность въ концѣ 20-хъ годовъ, когда въ европейскихъ литературахъ уже болѣе четверти вѣка господствовалъ и процвѣталъ романтизмъ. Всевозможные диссонансы и гармоніи нашего, склоннаго къ субъективности, міровой скорби и скептическому анализу, вѣка, весь этотъ богатый контрастами міръ идей и чувствъ тогда уже успѣлъ отразиться въ Фаустѣ, Чайльдъ Гарольдѣ и Манфредѣ, въ произведеніяхъ Гюго и Леопарди, въ сладкозвучныхъ стихахъ Пушкина и кокетливой поэзіи Гейне. Ложно-классическая традиція повсюду уже уступила свое мѣсто новому принципу въ формѣ,—и вотъ, среди этихъ новыхъ міровъ, словацкій поэтъ, въ полнѣйшей гармоніи чувства и мысли, съ классическимъ спокойствіемъ духа, съ изумительнымъ искусствомъ и послѣдовательностью, создаетъ почти цѣлую литературу въ строго-античномъ стилѣ. Явленіе это дѣйствительно необычайное!

Но не непонятное. Юность Голаго протекла среди уединенныхъ стѣнъ духовной семинаріи, а остатки дней своихъ онъ провелъ въ тиши отдаленной деревни. Какъ-же могло новѣйшее литературное движеніе оказать на него свое вліяніе? Чѣмъ могъ быть замѣненъ для него недостатокъ общенія съ великими умственными литературными центрами? Литература семинарской библіотеки: Гомеръ и Виргилій, Теоокритъ и Гораций, Овидій и Мильтонъ,—вотъ весь его поэтическій міръ; по нимъ онъ учился, ихъ переводилъ, съ ними соперничалъ.

Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, романтизмъ XIX вѣка коснулся и Голаго. Въ форму эпоса доисторическихъ временъ, въ идилліи и аллегію вѣковъ минувшихъ онъ облакалъ свои

„Янъ Голый, поэтъ Словаковъ, и его литературная дѣятельность“ (Александра Опфермана).

чисто національныя и славянскія идеи: его классически построенныя строфы звучат скромнымъ сентаментализмомъ Руссо и Гесснера. Но воспѣвать словацкій и славянскій міръ въ то время, внутри страны, даже и въ такой формѣ, во всякомъ случаѣ было шагомъ смѣлымъ. По прошествіи цѣлыхъ вѣковъ впервые у Словаковъ раздалось слово объ этомъ мірѣ. Эта-то мощная національная идея въ пѣсняхъ Голаго парализуетъ художественный анахронизмъ ихъ; она является тѣмъ волшебнымъ ключомъ, которой открываетъ намъ врата его поэзіи, и безъ котораго врата эти остались-бы на вѣки заколдованными.

Янъ Голый родился 24-го марта въ деревнѣ Борахъ св. Миеулаша, недалеко отъ города Шаштина, въ Пресбургской столицѣ. Рукоположенный въ 1808 году въ священники, онъ служилъ сначала въ деревнѣ Нитранскомъ Побѣдимѣ и мѣстечкѣ Глоговцѣ, откуда въ 1814 г. перешелъ въ Мадунцкій приходъ, на Поважѣ. Здѣсь, на лонѣ роскошной природы и среди невозмутимой тишины, поэтъ нашъ провелъ почти всю свою жизнь. Въ 1842 году, однако, его постигло большое несчастье: на пожарѣ, случившемся въ приходскомъ его домѣ, онъ получилъ значительные обжоги и вскорѣ почти совсѣмъ лишился зрѣнія. Горько было полуслѣпому пѣвцу разставаться съ чуднымъ Поважьемъ, съ воспѣтою имъ рощею Мличемъ, гдѣ подъ вѣковымъ дубомъ онъ сложилъ большую часть своихъ пѣсенъ: необходимость заставляла его переселиться на покой къ своему другу, приходскому священнику въ Добрыхъ Водахъ. Вскорѣ послѣ того Доброводскіе лѣса прикрыли его своею тѣнью: совсѣмъ слѣпой, онъ скончался 14-го апрѣля 1849 года. Прекрасный памятникъ, воздвигнутый ему народомъ, украшаетъ его могилу.

Первыя стихотворныя попытки Голага относятся ко времени пребыванія его въ семинаріи; это преимущественно пе-

реводы отрывковъ изъ Виргилія, Теокрыта, Гомера, Овидія, Тиртея и Горация; въ послѣдствіи имъ была переведена вся Энеида. Произведенія эти были изданы (въ Тернавѣ, 1824—28) изданиемъ Остригомскаго каноника Юрія Палковича, переводчика Библии и издателя Бернолакова Словаря. Означенные труды Голаго весьма цѣнны: мы изумляемся представляемой ими вѣрности перевода, ихъ просодическому совершенству и богатой дивціи, которую поэтъ создалъ самъ, не имѣя ни предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, ни образцовъ.

Подготовившись такимъ образомъ и запасшись необходимыми историческими свѣдѣніями, Голый уже въ зрѣломъ возрастѣ началъ писать свою первую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую большую поэму „Svatopluk,“ героическій эпосъ, въ 12 пѣсняхъ. Написанная въ 1827—30 г., поэма эта вышла въ свѣтъ въ 1833 году въ Тернавѣ, на средства того-же Палковича.

Исторія и міеологія взаимно пополняютъ другъ друга въ этомъ произведеніи.

Въ тяжкихъ оковахъ томится Святополкъ въ своей темницѣ. Нѣмцы измѣннически захватили его; это награда ему за услуги, которыя онъ имъ оказалъ. „Что значить королевскій скипетръ, что—человѣческое счастье? Не завиднѣли удѣлъ простаго пастыря“? Такъ размышляетъ несчастный государь, взывая къ небесамъ о спасеніи. Богъ услышалъ смиренную молитву. Подобно молніи, разсѣкая небесныя сферы, проносится вѣстникъ Божій къ дому нѣмецкаго короля Карломана и объявляетъ послѣднему волю Всевышняго. Карломанъ, рассказавъ собранію свой сонъ, освобождаетъ Святополка изъ тюрьмы и опутываетъ своего новаго друга и вассала золотыми цѣпами любви, женя его на своей дочери. Шумными пирами и играми справляется новый союзъ. Баварскій дворъ оглашается пѣснями о происхожденіи Нѣмцовъ и Славянъ. Между тѣмъ Чернобогъ, утратившій прежній почетъ, которымъ нѣкогда

пользовался у Словаковъ, принявшихъ крещеніе отъ св. Меѳодіа, выломилъ огромныя врата ада и навелъ Словенскою своею дружиною. Онъ убѣждаетъ народъ снова воздвигнуть ему капища, сожженные Святополкомъ, тоскуетъ по благоуханію тучныхъ жертвъ и гаму хвалебныхъ пѣсень,—но народъ съ насмѣшкою отвращается отъ него. Разгнѣванный, пылая местью къ св. Меѳодію, онъ отправляется въ Паннонію, но здѣсь его ожидаетъ новый сюрпризъ: по всей странѣ воины точатъ оружіе, коуютъ лошадей, бранные люди стекаются со всѣхъ сторонъ. Святополкъ идетъ походомъ на своего соперника Славимира. Чернобогъ возвращается назадъ и спѣшитъ въ Дѣвинъ, гдѣ въ образѣ Ростислава является спящему Славимиру и объявляетъ ему объ угрожающей опасности. Адская дружина снова разлетается по Словацкой землѣ и старается воспламенить въ народѣ ненависть ко врагу. Если Словаки останутся побѣдителями, думаетъ Чернобогъ, то они снова вернутся къ язычеству. Цвѣтъ Великой Моравіи собирается подъ стѣнами Дѣвина. Нѣмцы, предводимые Святополкомъ, уже не далеко. Чернобогъ вызываетъ страшную бурю, которая производитъ разливъ рѣки Моравы. Прохода нѣтъ. Нѣмцы строятъ плоты и перебѣгаютъ на другой берегъ, уже въ волнахъ получая грозное возмездіе: вода дѣлается красною отъ крови убитыхъ. Святополкъ съ отрядомъ войска обходитъ рѣку, нападаетъ съ боку на своихъ соотечественниковъ и гонитъ ихъ къ Дѣвину. Укрѣпленный лагерь Нѣмцовъ и словацкій городъ стоятъ другъ противъ друга: оба неприступны. Начинаются переговоры. Святополкъ рѣшается лично идти въ Дѣвинъ, что-бы предложить условія. Но тутъ дѣло принимаетъ иной оборотъ! Во время переговоровъ народъ требуетъ, чтобы Святополкъ покинулъ Нѣмцевъ, снова взялъ власть надъ своими и велъ ихъ на непріятеля. Страшный гнѣвъ охватываетъ Нѣмцевъ и воинство ада: ненавистный поборникъ христіанства примирился съ народомъ; язычество погибло! Чернобогъ клянется мстить, но св. Кириллъ охра-

няютъ свой народъ. Богъ по просьбѣ Святаго посылаетъ архангела Михаила, и огненный мечъ его свергаетъ нечистыхъ духовъ въ бездну ада. Между тѣмъ Нѣмцы идутъ на приступъ, битва происходитъ у стѣнъ города. Подобно вѣковымъ дубамъ падаютъ старые, закаленные воины,—гордость народа, какъ нѣжный цвѣтокъ никнуть долу молодые борцы,—надежда матерей и дѣвъ. Ряды рѣдѣютъ, но побѣда еще не рѣшена. Наконецъ въ пылу битвы встрѣчаются оба вождя: Святополкъ и Бритвальдъ, полные силы и мужества. Долго борются они, доспѣхи ихъ стали уже негодными, тѣла покрыты зияющими ранами, но вдругъ мечъ Святополка, подобно змѣѣ, проскальзываетъ въ горло нѣмецкаго исполина, и, какъ вѣковая сосна Татранскихъ лѣсовъ, падаетъ Бритвальдъ.

Святополкъ Голаго—не историческій Святополкъ. Поэтъ выбралъ только свѣтлыя стороны этого, достойнаго удивленія, государя Великой Моравіи; мрачныя стороны его онъ оставилъ въ сторонѣ. Честолюбивый политическій интриганъ, врагъ своего великаго дяди Ростислава и непреклонный гонитель славянской литургіи превратился подъ перомъ Голаго въ идеальнаго героя, мудраго правителя и Божьяго избранника. Осаду сильной крѣпости Велеграда поэтъ приурочилъ къ находящемуся по близости его Дѣвину; бѣдную въ описываемое время страну превратилъ въ богатый, густо населенный, край; еще живой въ то время древнеязыческій культъ онъ прикрылъ покровомъ христіанскаго единства, запутанную борьбу политическихъ и религіозныхъ интересовъ, среди которыхъ важную роль при Велико-Моравскомъ дворѣ играли интрига и тайное или явное насиліе, онъ замѣнилъ борьбою небесныхъ и адскихъ силъ: христіанское небо у поэта защищаетъ интересы Великой Моравіи противъ Нѣмцевъ, а низверженный языческій богъ является agent provocateur.

Эпосъ о Святополкѣ отъкрываетъ передъ нами отдаленный міръ; теченіе его подобно теченію широкой рѣки. Въ немъ слышится не одинъ лишь звонъ оружія; мы видимъ тутъ военные совѣты, блестящія игры и царскіе пиры, тенденціозныя пѣсни и пророческіе сны, адскія возни и помощь ангеловъ, эпизоды военной храбрости и трогательныя семейныя сцены. Дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ много, но немногія изъ нихъ удерживаются въ памяти: Голый не индивидуализовалъ ихъ и довольствовался обыкновенно лишь описаніемъ вѣщности и именемъ. Одинъ лишь Святополкъ, да нѣсколько другихъ лицъ болѣе рельефно выдѣляются изъ исполинскихъ и пестрыхъ рамокъ поэмы. За то въ ней нѣтъ недостатка въ грандіозныхъ, полныхъ поэтической силы, картинахъ. Полетъ ангела съ велѣніемъ Бога къ Карломану, появленіе діаволовъ, пѣснь Святополка о происхожденіи Славянъ (на половину вымыселъ и средневѣковая сказка, на половину—наукою признанный фактъ), мобилизація войскъ, ночное посѣщеніе непріятельскаго лагеря и поединокъ Святополка съ Бритвальдомъ,—поистинѣ прекрасныя, мастерски начертанныя, картины. Отсутствуетъ въ поэмѣ лишь любовный элементъ: авторъ умышленно устранилъ всѣ поводы къ нему.

Въ каждомъ стихѣ Голаго замѣтенъ ученикъ Гомера и Виргилія; много онъ позаимствовалъ отъ нихъ. Какъ и они, взываетъ онъ ко всевѣдущей Музѣ и прославляетъ героевъ; подобно имъ разбиваетъ онъ цѣльныя картины битвъ на однообразныя стереотипныя поединки; какъ они, двойтъ онъ боговъ по ихъ личнымъ интересамъ, предоставляетъ имъ являться во снѣ и на яву, рѣшать грядущую судьбу народовъ и возвышать ихъ славу. Образцомъ для Чернобога послужили Поссейдонъ и Юнона, для вѣстника Божія—Ирида, Гермесъ и Меркурій, для Святополка—богоподобный Ахиллъ, для сце-

ны его поединка съ Бритвальдомъ — поединокъ Гевтора съ Аянтомъ и Энея съ Турномъ, для сцены приготовления къ бою и вооруженія—снаряжающійся въ битву Агамемнонъ, для сцены ночнаго посѣщенія непріятельскаго лагеря—поѣздка Діомеда и Одиссея, или-же Маза и Эвриала въ ставку Рутуловъ. Знаменитый щитъ Ахилла былъ образцомъ для щита Святополкова, а извѣстный каталогъ военныхъ доспѣховъ у Гомера и Виргилія—для такого-же католога у нашего поэта. Постоянныя обращенія Голага, его *epiteta organia*, его обширныя эпическія сравненія являются чисто Гомеровскими и Виргиліевыми. Безъ Мильтонова „Потеряннаго рая“ тоже не явилось-бы нѣсколькихъ прекрасныхъ мѣстъ въ поэмѣ, каковы: сошествіе небеснаго посла на землю, сцены, описывающія, какъ сатана разламываетъ двери ада, какъ падшіе духи (даже съ Мильтоновскимъ анахронизмомъ—огнестрѣльнымъ оружіемъ!) ведутъ съ ангеломъ кровопролитный бой. Все это, конечно, послужило въ пользу для поэмы. Но далеко не въ пользу ея сдѣлалъ поэтъ, когда, слѣдуя Гомеру, Виргилію и Мильтону, смѣшалъ міръ боговъ съ міромъ людей. Мифологическій періодъ Грековъ и Римлянъ, христіанскій міръ о первомъ человѣчествѣ и исторически свѣтлый періодъ XIX столѣтія—что за громадная разница? Тамъ полумракъ титаническихъ битвъ, легендарныхъ походовъ и сценъ, соединявшихъ людей-боговъ съ богами-людьми въ одинъ своеобразный міръ, а здѣсь—дѣйствительность, ярко озаренная хронологією, гдѣ участіе боговъ является элементомъ совершенно чуждымъ.

Послѣ „Святополка“ Голый написалъ свои идилліи (Selanky), числомъ до пятидесяти (1830—1835 г.); напечатаны онѣ въ I и II томахъ альманаха „Zora“.

Идилліи составлены тоже въ древне-классическомъ духѣ. Это не тѣ современныя идилліи, которыя находятъ благодар-

ную для себя тему въ тишинѣ всякой реальной жизни, природы и общества, каковыми онѣ являются у Гёте и Теннисона, но это и не фальшивыя сладенькія созданія пастушеской поэзіи XVI—XVIII вѣковъ, каковыми мы видимъ ихъ у Гварини и Геснера; это просто картины изъ благословенной жизни пастуховъ, людей, которымъ не присущи ни великія страсти, ни великія жизненныя цѣли и стремленія, которые знаютъ лишь свой незамысловатый трудъ, словомъ, изъ жизни такихъ людей, какими ихъ описывали Теокрытъ, Біонъ и Мосхъ, изображая мифологическій „золотой вѣкъ“.

Передъ взорами Голаго разстигалась прекрасная Мадунницкая равнина, съ яснымъ, тихимъ Вагомъ, съ плодородными полями и тучными пастбищами, съ богатыми стадами коровъ и овецъ, съ красивымъ, веселымъ, пѣснелюбивымъ пастушескимъ народомъ. Душа поэта, исполненная красотъ этого идиллическаго міра, перенеслась въ золотые вѣка Славянъ-язычниковъ и въ холодной формѣ классицизма, сохраняя однако яркіе краски жизненной правды, создала 21 картину, полную солнечнаго блеску, благоуханія степныхъ травъ и пѣсенъ счастливыхъ людей и птицъ. Разнообразія въ темахъ мало. Идилліи Голаго прославляютъ пастуховъ и ихъ цвѣтущее хозяйство. Онѣ воспѣваютъ весеннюю природу, оплакиваютъ смерть прославленнаго цѣвца, привѣтствуютъ юную чегу, ѣдущую въ вѣнцу, повѣствуютъ о водяныхъ и русалкахъ. Передъ нашими взорами проходятъ картины, изображающія борьбу двухъ знаменитыхъ силачей, состязаніе въ пѣніи молодыхъ пастушковъ; поэтъ описываетъ печаль отверженнаго любовника, сборъ винограда, преимущества деревенской жизни, свадьбу, прародителя—Слава. Идилліи противоплагаютъ суетному блеску большого города тишину пастушеской жизни, ведутъ насъ за умершимъ пастыремъ въ край блаженства, за живымъ—на свиданіе съ милой, весною пе-

реносить насъ въ полевой палашъ, въ осени—снова въ избу, и въ концѣ концовъ приводить насъ въ яслямъ Виолемеа.

Но и въ этомъ не особенно обширномъ кругу темъ, поэтъ нашъ нигдѣ не является однообразнымъ. Постоянно новыя и новыя образы и сцены вытекаютъ изъ подъ его пера; ситуации и дѣйствующія лица, хотя зачастую и одни и тѣ-же, тѣмъ не менѣе всегда выставлены въ иномъ, новомъ свѣтѣ. Но болѣе всего заслуживаетъ похвалы, это умѣніе автора всегда и ловко избѣгать неестественности и безжизненныхъ описаній, этихъ подводныхъ камней идиллической поэзіи.

Его пастухи и пастушки—дѣйствительные люди; ихъ занятія, труды или игры являются вѣрнымъ отраженіемъ реальной жизни, и тамъ, гдѣ воспѣвается природа такъ вдохновенно и возвышенно, какъ напримѣръ въ „Ярославѣ“, „Краскѣ“ или „Полиславѣ“,—вся атмосфера произведенія дышетъ такою простонародною теплотой, что иллюзія остается ненарушимой.

Въ описаніяхъ Голага тоже замѣтенъ ученикъ Гомера. Весьма часто даже великіе поэты погрѣшаютъ въ этой формѣ литературнаго творчества; мы видимъ у нихъ нерѣдко много величественной пестроты, много свѣта и тѣни, но все это не дѣйствуетъ на душу; описанія ихъ пластичны, безжизненны и неподвижны, въ душѣ читателя по прочтеніи ихъ не остается ничего. Иное дѣло Голый: онъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно мастеръ-художникъ. Прочтите только описаніе весенней природы въ его „Ярославѣ“. Какъ быстро чередуются тутъ явленія, какъ ясно отражаются они въ умѣ читателя. Мы видимъ, что вся эта залитая яркимъ сіяніемъ картина не создана лишь для нея самой, не стремится соперничать съ живою природою, но желаетъ лишь вызвать въ читателѣ чувство нѣги, прелести и очарованія. Взгляните на сцену борьбы двухъ пастуховъ въ идилліи „Состязаніе“. Двое

борцовъ, окруженные зрителями, сбросивъ свое верхнее платье, стали на мѣстѣ, усыпанномъ пескомъ; плечо оперлось о плечо, пальцы впились въ плечи противника, спины изогнулись... Начинается горячая борьба и длится до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ борющихся, будучи побѣжденъ въ третій разъ, не сдается; каждое движеніе, каждый прыжокъ, выраженіе лицъ—изображены художественно. Или вотъ, взгляните въ описаніе буковой чаши („Честиславъ“), этого сосуда ремесленниковъ: она составлена изъ девяти меньшихъ и меньшихъ частей, и каждая изъ нихъ украшена иными рѣзными изображеніями. Тутъ нельзя не замѣтить, какъ глубоко проникло въ душу поэта художественное описаніе Ахиллова щита у Гомера! А что сказать о прелести поэтическихъ образовъ Голаго? Его тропы, будь-то антитеза, сравненіе или метафора, всегда являются дѣйствительно поэтическимъ украшеніемъ описанія. Не мало обогатился также и словарь словацкаго языка благодаря идиліямъ Голаго. Не безъ причины авторъ помѣстилъ ихъ на первомъ мѣстѣ въ собраніи своихъ произведеній. Онѣ служили ему какъ бы оазисомъ, на которомъ онъ отдыхалъ, пока снова не расправилъ своихъ крыльевъ въ мощному поэтическому полету.

Годъ 1835-й принесъ съ собою другую героическую поэму Голаго, въ шести пѣсняхъ „Кирилло-Меоодіаду;“ она вышла въ Будѣ, съ приложеніемъ житія обоихъ апостоловъ, преданій языческихъ Славянъ и комментаріевъ къ поэмѣ. На этотъ разъ авторъ почти ничего не прибавилъ къ историческому связанію.

Ростиславъ призываетъ въ свою землю славянскихъ апостоловъ. Братья—Константинъ (въ Татрахъ) и Меоодій (въ Моравіи) повсюду учатъ народъ и разрушаютъ языческія капища и кумиры. Построивъ множество церквей со славянскимъ обрядомъ и приготовивъ значительное число моло-

дѣхъ людей къ священническому званію, Кириллъ поселяется въ Нитрѣ, а Месодій въ Велеградѣ. Нѣмцы обвиняютъ ихъ въ распространеніи якобы ложнаго ученія передъ Римомъ, куда они оба и отправляются. Оправдавшись здѣсь и получивъ санъ епископа славянскихъ земель, они снова возвращаются къ своему народу.

Здѣсь снова на сцену выступаетъ борьба двухъ принциповъ, но борьба эта уже совсѣмъ иного характера, нежели въ „Святополкѣадѣ;“ здѣсь мы видимъ побѣду христіанства надъ язычествомъ и среди борьбы отголоски протеста противъ чужеземцевъ и узурпаціи Нѣмцевъ въ славянской церкви. Камня претяженія въ изложеніи разныхъ догматическихъ и дидактическихъ вопросовъ Голый избѣжалъ съ истиннымъ тактомъ и умѣніемъ художника, обративъ все свое вниманіе главнымъ образомъ на историческіе и художественные моменты. Впрочемъ тамъ, гдѣ главный моментъ не удовлетворялъ требованіямъ обширной возвышенной задачи большого эпоса, слѣдовало-бы поэту пользоваться эпизодами болѣе богатыми эпическимъ элементомъ. Въ этомъ-то собственно и заключается главный, впрочемъ уже самою темою обусловленный, недостатокъ даннаго сочиненія, недостатокъ, котораго не въ состояніи заслонить ни многочисленныя художественныя описанія, ни блестящія рѣчи, ни многія дѣйствительно прекрасныя мѣста поэмы.

Въ 1839 году Голый издалъ свою третью и последнюю героическую поэму „Славъ,“ тоже въ шести пѣсняхъ; напечатана она въ III томѣ „Zora.“ Изъ всѣхъ трехъ поэмъ въ этой именно авторъ дальше всего углубляется въ прошлое словацкаго народа, и тутъ уже фантазія была почти единственною его путеводительницею.

Бондоръ, король пустынной Чуди, ожидаетъ свои войска, высланныя имъ въ походъ на Словенско съ цѣлью

грабежа и насилія, но вмѣсто воиновъ къ нему приходятъ недобрыя вѣсти, что войска его разбиты на голову. Разгнѣванный король повелѣваетъ, дабы весь чудскій народъ, что только носить оружіе, снова напалъ на Словаковъ. Передъ выступленіемъ въ походъ, когда всѣ уже собрались, онъ отправляется въ мрачное капище помолиться чудскому богу войны, обѣщая принести ему въ жертву сто словацкихъ душъ. Посовѣтовавшись затѣмъ со старѣйшинами, онъ торжественно призываетъ свою Чудь, чтобы она истребила и полонила всѣхъ непріятелей и „безъ людей и имуществъ оставила-бы опустошенное Татранско.“ Чудь вторгается въ землю Словаковъ. На пути войска встрѣчаютъ оставшагося въ живыхъ отъ предыдущаго похода Дизаба, который рассказываетъ имъ о понесенномъ пораженіи, что ихъ еще больше воспаляетъ. И вотъ въ землѣ Словаковъ начались такіе ужасы, что сама мать Жива, сжалившись, стала умолять Перуна спасти Словенско отъ окончательной гибели. Перунъ посылаетъ на землю Святовита, который охраняетъ Татранцевъ въ бою, и Ослава, который развлекаетъ непріятеля въ его лагерьѣ пиршествами и попойками. Тогда Славъ, герой поэмы, ведомый самимъ Святовитомъ, поражаетъ на голову иноплеменниковъ, убивъ на поединкѣ Бондора, который еще одинъ изъ всей непріязненной Чуди оставался въ живыхъ на полѣ брани.

Въ этой поэмѣ уже лишь мѣстами, только кое-гдѣ, прозвучитъ слово мира и мелькнетъ идиллическая сценка, какъ-бы отголосокъ идиллическаго настроенія поэта. Въ финалѣ слышится исключительно лишь громъ войны. Кровавыя сцены, непрерывно слѣдующія одна за другою, почти безо всякихъ успокоительныхъ переходовъ и мирныхъ эпизодовъ, положительно не даютъ возможности отдохнуть хоть на время отъ тяжелыхъ впечатлѣній и ужасовъ. Поэтъ напрягъ всѣ силы своего воображенія, что-бы изобразить тѣ жестокости, которыя господствовали въ отдаленныя времена язычества, и изо-

бразилъ ихъ рукою Мивель-Анджело. Творчество его своею силою и изобрѣтательностью въ построеніи пестрыхъ группировокъ иногда превосходитъ всякіе предѣлы, но все-же въ цѣломъ въ значительной степени чувствуется недостатокъ разнообразія,—цѣлое производитъ впечатлѣніе какой-то вариации на военныя темы ¹⁾).

„Славомъ“ исчерпывается вся эпика Голаго.

Голый закончилъ свою поэтическую дѣятельность элегіями, одами и метрическимъ католическимъ канціоналомъ. Первые были напечатаны въ „Zora“ 1839 и 1840 г., а послѣдній въ собраніи сочиненій поэта, которое въ 1841—42 г. было издано въ Будѣ, въ 4-хъ томахъ, „Обществомъ любителей словацкаго языка и литературы“. Элегіи большею частью представляютъ собой думы о древней минувшей славѣ Великой Моравіи. Воспѣвъ въ эпикѣ воинственные дѣла словацкаго государства, въ элегіяхъ поэтъ съ грустью размышляетъ о трагическомъ паденіи этого государства. Мать Слава рыдаетъ надъ Ростиславомъ, Мойміромъ, Святополкомъ, надъ измѣною, бездѣятельностью и бѣдствіями своихъ родныхъ сыновъ. Всѣ избранныя поэтомъ темы глубоко прочувствованы; горячія слезы святой скорби искрятся въ его холодныхъ двустихьяхъ. Многія изъ этихъ послѣднихъ сдѣлались національнымъ лозунгомъ Словаковъ. Оды Голаго уже не стоятъ на такой высотѣ поэтическаго творчества; многія изъ нихъ писаны по случаю разныхъ событій. Это ничто иное, какъ должная честь, которую поэтъ воздаетъ своимъ меценатамъ и друзьямъ, заслужившимъ его благодарность. Но и въ этихъ стихахъ найдется не мало кое-чего такого, что имѣетъ и болѣе широкое значеніе. Ода „Антонину Бернолаву“ есть пламенная филиппика противъ внижнаго чешскаго

¹⁾ См. Критич. Приложение къ „Narod. List.“ 1884 г. стр. 172.

языка у Словаковъ; въ одѣ „Андрею Рипаку“ Голый свободнымъ, смѣлымъ классическимъ слогомъ охарактеризовалъ себя и свою поэтическую дѣятельность. Наконецъ, въ одѣ „Словацкому народу“ поэтъ съ силою и чувствомъ произнесъ свое славянское „Вѣрую“ и произнесъ его отъ имени трехъ милліоновъ душъ своего народа.

Память Голага не изгладится въ исторіи словацкой литературы. Онъ поднялъ народный языкъ изъ ничтожества и усовершенствовалъ его въ высшихъ образцахъ словесности въ самомъ началѣ развитія словацкой рѣчи, онъ обогатилъ ея литературу настоящею эпикою высокаго достоинства и лирикою глубокихъ идей. Правда, въ отношеніи внѣшней формы его поэзія была запоздавшимъ отголоскомъ античныхъ образцовъ. „Стансы Аріоста“ (какъ прекрасно говоритъ Ваянскій) поэтъ гондольеръ, разсѣвая веслами свѣтлое лоно морскихъ водъ, но гексаметръ Голага никогда не сдѣлается популярнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ духовномъ отношеніи, Голый шелъ во главѣ своего времени, какъ и другіе великіе современники его у Славянъ. Народная идея сильно отражается на широкой глади его эпики и лирики; ее-же, естатистъ сказать, онъ проводитъ и въ своихъ талантливыхъ ученыхъ произведеніяхъ: въ комментаріяхъ въ „Святополку“ и „Кирилло-Меоодіадѣ“, въ міеологіи Славянъ-язычниковъ и въ житіи славянскихъ апостоловъ. Исторія литературы, наконецъ, съ благодарностью отмѣтитъ также и тотъ фактъ, что поэтъ этотъ, по крайней мѣрѣ хотя въ своемъ посмертномъ произведеніи сыскалъ такіи принципъ стихосложенія новаго времени: въ то время, когда Андрей Сладковичъ, величайшій поэтъ Штуровской школы, воспѣлъ весь жаръ юнаго поколѣнія въ чудныхъ рифмованныхъ стихахъ своей „Марины“, угасающій, полуслѣпой старіеъ-поэтъ, находясь въ уединеніи Добрыхъ Водъ, закончилъ свой другой католическій канціональ-рифмованный.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Когда въ 1844 году молодой евангелическій священникъ въ Глубокомъ, Іосифъ Милославъ Гурбанъ, издалъ въ Пресбургѣ II-й томъ альманаха „Nitra“ на словацкомъ языкѣ, заявляя, что „онъ уже покидаетъ путь, доступный словацкому народу только послѣ многолѣтней подготовки, и вступаетъ отнынѣ на тотъ путь, на которомъ онъ сразу соединится съ народомъ, излагая его печали и упованія на его же родномъ языкѣ“ (стр. 310),—то этотъ поступокъ Гурбана встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Чеховъ и нѣкоторыхъ старшихъ евангелическихъ Словаковъ. Слабые нѣкогда попреки за Бернолаковы новшества перешли теперь въ брань и пререканія. Вскорѣ примѣру Гурбана послѣдовали: обожаемый любимецъ словацкой учащейся молодежи, Людевитъ Штуръ со своею „*Naukou reči slovenskej*“ (Пресб. 1846 г.) и аналогическимъ соч. „*Nárečia slovenskô alebo potreba písania v tomto nárečí*“ (тамъ-же); высоко-талантливый Годжа со своими книгами: „*Epigenes slovenicus*“ (въ Левочѣхъ, 1847 г.), „*Dobrô slovo Slovákom, súcim na slovo*“ и „*Vétin o slovenčine*“ (тамъ-же, 1847 и 1848 гг.); затѣмъ газеты и журналы: политич. „*Slovenské narodné noviny*“, беллетристич. „*Orol Tatransky*“, ученый журналъ „*Slovenské Pohľady na vedy, umenia a literaturu*“ (всѣ въ 1845—46 гг.)

и другія изданія для народа и интеллигенціи; короче, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, словно изъ земли выросла, возникла цѣлая словацкая литература.

Чего-же собственно добивались указанные три реформатора: Гурбанъ, Штуръ и Годжа?

Они желали объединить литературу, распавшуюся было на двѣ части: *бернولاкову и библейскую*, объединить ее путемъ возврата къ единой, общей всѣмъ, домашней рѣчи, отъ которой современный чешскій книжный языкъ успѣлъ уже значительно удалиться.

Они желали обучать свой народъ на томъ языкѣ, на которомъ уже цѣлые вѣка говорить онъ у себя въ семьѣ и въ обществѣ, на которомъ онъ поетъ свои пѣсни въ поляхъ, ведетъ бесѣду у домашнего очага и на которомъ онъ славословить Бога, если передъ очами его не лежатъ Кралицкая библія или канціональ Трановскаго.

Они желали ввести въ кругъ славянскихъ литературъ типъ нарѣчія, до сихъ поръ не обслѣдованнаго, но замѣчательно сохранившагося въ своей фонетикѣ, богатаго во фразеологіи и левсикографіи, типъ нарѣчія, которое по словамъ даже завзятаго его противника Коллара „въ логическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ болѣе совершенно, нежели нарѣчіе чешское“ ¹⁾).

Они желали вмѣсто иностраннаго языка, который былъ преслѣдуемъ властями и вызывалъ подозрѣніе, ввести домашнюю рѣчь и посредствомъ ея снова привлечь на сторону народа измѣнившую ему словацкую шляхту ²⁾).

Они желали, наконецъ, сослужить службу дѣлу славянской взаимности и идеалу общаго литературнаго языка:—по-

¹⁾ „Cestopis“, стр. 211.

²⁾ „Dobrô slovo“, стр. 73—75.

добно тому, какъ Татры являются колыбелью и центромъ всего Славянства, такъ точно и словацкій языкъ представляетъ собой изображеніе въ миниатюрѣ всѣхъ славянскихъ языковъ, одинаково близко къ всѣмъ имъ, открываетъ легкій доступъ къ всѣмъ славянскимъ литературамъ. „Человѣкъ, воспитанный на этомъ языкѣ,—уже готовый панславистъ“³⁾).

Какъ-бы то ни было, дѣло это не нашло одобренія среди чеховъ. Опасаясь ослабленія національнаго единства, чешскіе писатели всѣми способами, во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ и книгахъ защищали литературный языкъ словацкихъ протестантовъ. Даже такіе мыслители, какъ Гавличекъ, пустили въ ходъ все свое остроуміе противъ зарождавшейся литературы; даже такіе глубокие умы, какъ Шэфарикъ, не поняли литературнаго значенія словацкаго языка какъ для Словенска, такъ и для Славянства; даже такіа дальновидныя головы, какъ Колларъ, поддались ложнымъ воззрѣніямъ и объявили стремленія Словаковъ не разумными, вредными и даже не національными. Чешскій музей собралъ всѣ мнѣнія своихъ сторонниковъ (старыя и новыя) по этому вопросу и издалъ ихъ въ Прагѣ, въ 1846 году, подъ заглавіемъ „Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slováky.“ Въ этой книгѣ можно найти много добрыхъ намѣреній и учености, но не мало также и несправедливостей, незнакомства съ дѣломъ и придиоровъ. Больше всѣхъ протестовалъ Колларъ. Родной его языкъ, благозвучіемъ котораго онъ упивался, казался ему извощичьимъ жаргономъ, его народъ, пѣсни котораго вдохновляли его, пред-

³⁾ „Větin o slovenčine,“ стр. 55. Людевитъ Штуръ въ своемъ посмертномъ сочиненіи „Славянство и міръ будущаго“ (изд. Ламанскимъ въ Москвѣ, 1867 г.) тоже разсматриваетъ этотъ вопросъ и указываетъ особенно на то обстоятельство, что словацкій языкъ есть кратчайшій путь къ русскому, величайшему литературному языку у Славянъ.

ставлялся ему теперь грубою чернью.... Вмѣстѣ съ тѣмъ, оскорбивъ всячески словацкую литературу, онъ-же самъ прощался со своими соотечественниками въ слѣдующихъ словахъ (стр. 167): „Возвратитесь снова въ тому древне-отцовскому, удобнѣйшему и прекраснѣйшему, чисто въ греческомъ стилѣ и вкусѣ построенному, чешско-словенскому храму, изъ котораго выходили и въ которомъ творили и пѣли наши Любушиносудскіе и Краледворскіе Гомеры и Анакреоны, гдѣ риторствовали наши Демосеены и Исократы, гдѣ писали свои законы разнымъ королевствамъ, общинамъ, городамъ, палатамъ, цехамъ и другимъ учрежденіямъ наши Солопы и Ликурги, гдѣ описывали народныя дѣянія и древности наши Геродоты и Фукидиды, гдѣ, наконецъ, наши Гераклы, Леониды иThemistоклы, то защищали драгоцѣннѣйшій залогъ челоуѣчества отъ Монголовъ, Татаръ и Турокъ, то по крайней мѣрѣ давали прямое доказательство сомнѣвающимся иностранцамъ, что народъ нашъ созданъ не для одного лишь земледѣлія и торговли павлей проволокой и масломъ, но и для геройскихъ дѣлъ и подвиговъ.“ Отвѣтомъ на это были слова Гурбана, вырвавшіеся изъ глубины патріотической души („Pohl'adu“ 1846 г. стр. 60—61): „Эти Колларовы Гомеры и Themistоклы оставили намъ забытый, поработченный народъ, валяющійся по кабакамъ, среди духовнаго и тѣлеснаго, соціальнаго и государственнаго гнета, народъ, который мы должны теперь поднять изъ всего этого. А что въ этомъ дѣлѣ мы пошли несравненно далѣе, нежели могло сдѣлать чешское молитвословіе въ теченіи этихъ 300-лѣтъ, то эту заслугу долженъ за нами признать и самъ Колларъ, если онъ не ставитъ чешское письмо выше тѣхъ 500 обществъ трезвости, хозяйственныхъ учреждений, воскресныхъ школъ, какія у насъ теперь существуютъ и работаютъ на пользу Словенска; долженъ это признать Колларъ, если онъ опять такіе не

ставить чештину выше тѣхъ писателей, которые вслѣдъ за введеніемъ словацкаго языка въ литературу, появились во множествѣ среди нашего народа... Гдѣ же вашъ міръ, созданный вашими геніями?"

Изъ подобныхъ полемикъ, репликъ и дуплиекъ составила почти цѣлая литература.

Но время исправило и эту неурядицу. Теперь, полстолѣтія спустя, въ Славянствѣ есть уже не мало первоклассныхъ писателей, которые введеніе словацкаго языка изъ устъ народа въ литературу считаютъ вполне естественнымъ процессомъ національнаго возрожденія, которое въ такой-же самой формѣ сказалось у другихъ славянскихъ народовъ, напр. у Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ и Словенцевъ. Исторія осуждаетъ ложные шаги, но этотъ шагъ былъ одобренъ какъ исторією, такъ и самою жизнью.

Школа Штура.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія главнымъ средоточіемъ евангелической словацкой учащейся молодежи былъ г. Пресбургъ (Пожунъ), названный ею „Братиславою.“ Причинъ этому было двѣ. Во первыхъ, пресбургское училище было въ то время высшимъ и извѣстнѣйшимъ во всей странѣ заведеніемъ для протестантовъ, не смотря даже на то, что устарѣвшій и обветшавшій педантизмъ, господствовавшій въ немъ, не былъ еще тогда изгнанъ ни изъ преподаванія, ни изъ науки, ни изъ проповѣди. Во-вторыхъ здѣсь было еще нѣчто такое, чѣмъ другія училища не могли тогда похвалиться, именно—упомянутая уже кафедра словацкаго языка и литературы. Ни гдѣ во всей Угріи, славянскій геній не проявился такъ живо, какъ среди пламенной молодежи тамошняго лица. Благодаря дѣятельности нѣкоторыхъ болѣе

выдающихся изъ нея людей, лицей этотъ былъ такимъ разсадникомъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ и идей, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ сдѣлался средоточіемъ всей словацкой молодежи: она вся была охвачена Пожуньскимъ духомъ. Однако юныхъ студентовъ мало удовлетворяли ученыя силы сказанной каеэдры. Дѣйствительно, дряхлый, угрюмый старикъ, Юрій Палковичъ читалъ чешско-словенскую литературу по плохой системѣ, какъ-то вяло, самъ мало понимая ее ¹⁾. Въ виду этого нѣкоторые ревнители (именно: Само Халупка, Самуилъ Годра, Карлъ Штуръ, Даниилъ Лихардъ, Цалтикъ, Голко, Бабилонъ и Климачекъ) составили свой особый кружокъ, названный ими „Literarná Jednota“ (1828 г.). „Общество это,“ говоритъ Само Халупка ²⁾, „благодаря своей на видъ непримѣтной дѣятельности и тѣснѣйшей дружбѣ сочленовъ если не больше, то по крайней мѣрѣ столько-же принесло намъ пользы, сколько всѣ эти лекціи профессоровъ, идущія въ разрѣзъ съ духомъ времени.“ Въ это-то общество вошелъ и Людевитъ Штуръ, послѣ своего поступленія въ лицей. Когда старшіе основатели „Едноты,“ по окончаніи наукъ, выѣхали изъ Пресбурга, дѣла общества перешли въ руки Штура, съ любовью и неусыпнымъ рвеніемъ принявшагося воспитывать юныя сердца. Это усердіе къ дѣлу принудило его и позже, уже по окончаніи курса еванг. богословія, остаться все-таки въ Пресбургѣ кандидатомъ по каеэдрѣ престарѣлаго проф. Юрія Палковича.

Матеріальныя средства къ существованію Штуру приходилось искать по частнымъ кондиціямъ, но за то что онъ сдѣлалъ для словацкихъ воспитанниковъ заведенія! Многіе изъ тогдашнихъ студентовъ лицея не имѣли еще національ-

¹⁾ См. Біографію Само Халупки, „Sokol,“ II, 1863, стр. 144.

²⁾ Тамъ-же.

наго сознанія, не знали даже своего родного языка. Они разсуждали, вели диспуты, смѣялись надо всѣмъ, но не принимали участія ни въ чемъ, кромѣ безшабашной, разгульной жизни своихъ товарищей-мадьяръ. Не разъ одно лишь пламенное слово, одинъ лишь вопросъ, предложенный Штуромъ, возвращалъ такого заблудшагося въ дѣятельности и самосознанію, и никто изъ этихъ обращенныхъ не жаловался потомъ на свое обращеніе; жгучія слова Штура постоянно отзвывались въ ихъ душахъ. На собраніяхъ и въ часы досуга великій безцѣнный учитель читалъ свои рефераты, давалъ разъясненія и всячески побуждалъ свой маленькій кружокъ къ дѣятельности. Онъ говорилъ своимъ слушателямъ о давно усоншихъ ихъ предкахъ, раскрывалъ передъ взорами собравшихся цѣлую галерею портретовъ и образовъ изъ славянской исторіи, филологіи и философіи; не разъ уводилъ онъ своихъ слушателей на лоно цвѣтущей природы и тутъ съ жаромъ объяснялъ имъ оду Мицкевича „Къ юности,“ эту великую славянскую пѣсню, полную высочайшихъ пророчествъ и смѣлыхъ картинъ. Каждое слово его о трогательныхъ моментахъ въ жизни великихъ мужей, этого украшенія исторіи, объ именахъ, принадлежащихъ всему міру, и мученикахъ за идею, лавою вливалось въ воспламененныя сердца юношей. Всему этому не мало способствовала непреодолимая сила Штуроваго краснорѣчія: она сразу преображала самого низменнаго эгоиста въ возвышеннаго идеалиста. „Это бывало всегда въ прекрасный вечеръ,“ вспоминали впоследствии многіе изъ его учениковъ, когда великій мужъ уже давнымъ давно почивалъ въ могилѣ: „обаяніе природы, звѣздное небо и прохладный вѣтерокъ, обвѣвавшій наши разгорѣвшіяся лица, служили пополненіемъ къ рѣчамъ учителя Людевита. Это повторяло въ горахъ пѣсню, которую мы обыкновенно закан-

чивали нашу оживленную бесѣду“¹⁾. Ставъ самъ на достаточно твердой почвѣ, упомянутый кружокъ патріотовъ обратилъ свое вниманіе также на друг. еванг. заведенія и на молодежь католическую. Благодаря усердію первыхъ членовъ „Едноты,“ подобные же кружки стали собираться и въ Прешовѣ, Левочѣ и Кежмаркѣ; пресбургцы вели съ ними постоянную переписку. Такая же переписка завязалась, наконецъ, и съ католическими школами; старые предрасудки, дѣлившіе нѣкогда братьевъ между собою, исчезли въ здравыхъ умахъ молодыхъ людей, стремившихся къ высшей жизни. Юноши несли свою посильную помощь и въ дѣлѣ устройства новыхъ обществъ изъ людей, посвятившихъ себя народу, готовляли дипломы для почетныхъ членовъ своего общества, связь съ которыми никогда не прерывалась благодаря литературнымъ трудамъ, критическимъ оцѣнкамъ произведеній и проч.; пресбургское общество приняло на себя роль посредника между ними. Оно получало литературныя произведенія и разсылало ихъ своимъ почетнымъ членамъ, лицамъ уважаемымъ, зачастую облеченнымъ высокимъ саномъ²⁾.

Явное процвѣтаніе Пресбургскаго общества, однако, кололо глаза врагамъ, и они повели свое дѣло такъ далеко, что весной 1838 года королевскій намѣстникъ въ Будѣ заперылъ его³⁾. Въ то-же время запрещены были и всѣ по-

¹⁾ Zavate ale nezapomenuté listi od M. z. Bohuslavíc (pseud.) „Sokol,“ I, 1862, стр. 7—8.

²⁾ „Slovenské Pohl'ady,“ I, 1851, 4, 140—141.

³⁾ Этотъ годъ указанъ Лихардомъ; Гурбанъ, напротивъ, приводитъ 7-е число апрѣля мѣсяца, 1837 года. Интересно мнѣніе перваго мадьярскаго историка объ этой эпохѣ. Онъ говоритъ: „въ теченіи этихъ лѣтъ (1838) славянская нація начала проявлять болѣе явные признаки своего пробужденія, въ пользу котораго усердно работали довольно долгое время, частью русская партія панславистовъ (!?) въ своихъ цѣляхъ, частью же нѣсколько талантливыхъ и благородныхъ липъ изъ Славянъ, преимущественно чешскихъ ученыхъ и даровитыхъ

добные кружки въ еванг. школахъ. Оставался еще петропугути „Институтъ чешско-словенскаго языка и литературы,“ гдѣ и пріютился пресбургскій кружокъ. Лица, занимавшія извѣстныя должности въ бывшей „Еднотѣ,“ торжественно сложили съ себя свои обязанности. Въмѣсто предсѣдателя явился директоръ института (старикъ Палковичъ); Люд. Штуръ изъ старшины общества превратился въ кандидата по каедрѣ (Палковича); иныя должности, какъ-то секретаря также были переименованы, напр. въ дол. институтскаго дѣлопроизводителя и т. д. Часы учебныхъ занятій были раздѣлены на практическіе и теоретическіе; кромѣ того были назначены еще особые часы для чтенія рефератовъ по исторіи и исторіи литературы Славянъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, перемѣнилась лишь формальная сторона дѣла, дѣятельность же осталась та-же самая, мало того, еще даже расширилась; Штуръ дѣйствовалъ совершенно безпрепятственно, принимая въ обученіе молодыхъ людей, даже изъ низшихъ классовъ. Кромѣ часовъ, опредѣленныхъ для общаго чтенія рефератовъ, были назначены еще часы для упражненія по языку съ предварительной подготовкой и безъ оной, часы для пѣнія и т. д.

писателей. Панславистская идея, будучи поддерживаема пробуждающеюся чешскою литературою, нашла себѣ многихъ поклонниковъ и среди прикарпатскихъ угорскихъ Словаковъ, главнымъ образомъ въ еванг. духовенствѣ и среди профессоровъ, занимавшихся литературою.“ Впрочемъ послѣдующія слова того же писателя являются характернымъ противорѣчіемъ по отношенію къ вышесказанному и дальнѣйшимъ фактамъ. Авторъ говоритъ: „достойно сожалѣнія, что эти апостолы славянской народности, по какой-то странной ошибкѣ и чисто-сердечно, или же втайнѣ подстрекаемые дѣйствительною силой, видѣли въ мадьярской націи своего врага.... и начали съ нею ожесточенную, полную пристрастія, борьбу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если и бывали случаи, когда здѣсь или тамъ какой-нибудь черезъ чуръ уже ревностный мадьяронъ въ своемъ кругу желалъ силою навязывать мадьяризацію, то все-таки народъ никогда не помышлялъ объ этомъ.“ По истинѣ *difficile satiram non scribere!* См. A magyarok története. Irta Horváth Mihály. Budapest. 1876. 332, 333.

Одинъ за другимъ являлись вопросы, по поводу которыхъ можно было разсуждать цѣлую недѣлю. Здѣсь то, какъ и вообще въ ораторскомъ искусствѣ, особенно отличался молодой Гурбанъ. Онъ былъ подвижнаго веселаго темперамента и обладалъ природною способностью развеселить и разсмѣшить самаго унылаго и малодушнаго человѣка. Одна лишь мысль о бѣдствіяхъ Словенска повергала его въ неописанную печаль и то, что онъ говорилъ въ такія минуты, по свидѣтельству современниковъ, проникало даже въ самыя ледяныя сердца. Его рѣчи объ упадкѣ и испорченности, губящихъ словацкій народъ, заставляли плакать не одну сотню изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей, и въ эти мгновенія всѣ проносили торжественныя обѣты до самой смерти работать на пользу освобожденія своего народа отъ ига духовнаго рабства ¹⁾. Въ этомъ дѣлѣ не знала предѣловъ душа Гурбана и остальной молодежи, тѣсно сплотившейся вокругъ Штура, слушавшей его и изучавшей уже не одну славянщину, но и философію, эстетику, греческій яз. (который въ то время не входилъ въ курсъ преподаванія угорскихъ школъ) и пѣсни Гомера. Эти люди хотѣли и наружу распространить тотъ огонь, который бушевалъ въ ихъ юныхъ сердцахъ, и достигли этого двумя путями, изъ которыхъ заслуга одного всецѣло принадлежитъ самому Гурбану: онъ былъ творцемъ „Общества путешественниковъ“ между студентами и, будучи кассиромъ его, собиралъ значительныя суммы для осуществленія его цѣлей. Первый путешественникъ, высланный этимъ товариществомъ, объѣхалъ Сербію и Хорватію, а на другой годъ уже самъ Гурбанъ предпринялъ путешествіе въ Чехію и Моравію, издавъ потомъ на счетъ Общества свои путевыя за-

¹⁾ „Joseph Miloslav Hurban,“ Вильяма Паулини-Тота, „Sokol,“ 1861 г., I, 138—140.

писки „Путешествіе Словака къ славянскимъ братьямъ въ Моравіи и Чехіи въ 1839 году“ (Пештъ, 1841 г.). Эта небольшая книга сразу приобрѣла автору дружбу Яна Коллара и Д-ра Себерина. Второй путь къ достиженію цѣли, намѣченной Штуровскимъ кружкомъ, состоялъ въ изданіи чего-то въ родѣ журнала. Лучшіе изъ деревенскихъ жителей, желая поддерживать постоянную связь съ народными дѣятелями, со всѣхъ сторонъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ писали въ Пресбургъ о положеніи дѣлъ и народной жизни въ ихъ областяхъ. Всѣ эти письма, указанія, предупрежденія и т. п. редакція, учрежденная специально для этой цѣли, издавала въ количествѣ стальныхъ экземпляровъ, сколько было членовъ „Института“ и надѣляла ихъ ими ежемесячно. Члены эти, въ свою очередь, обязаны были распространять содержаніе этихъ статей въ своемъ околотѣ, среди своихъ пріятелей, которые зачастую даже и не знали, какимъ образомъ могли эти люди получать столь подробныя и важныя свѣдѣнія. Вещи, которыя могли возбудить интересъ и за границею, а равно и сокращенные отчеты редакція посылала въ чешскій журналъ „Květy“, который былъ въ это время такъ-же распространенъ среди Словаковъ, какъ нѣсколько позже — прекрасный журналъ Гавличка „Slovan“. Такими способами полагались основы лучшаго ознакомленія съ народомъ у Словаковъ, пока не удалось имъ, наконецъ, основать свои политическія газеты.

Въ 1839 году Штуръ, между тѣмъ, долженъ былъ покинуть цвѣтущій институтъ. Онъ отправился на два года въ Добросолье (Галле), желая изучать политическую исторію и языковѣдніе въ тамошнемъ университетѣ, откуда впрочемъ вскорѣ былъ вызванъ на кафедру филологіи въ Кежмарекскій лицей, но отказался отъ нея, предпочитая трудиться въ своемъ излюбленномъ Братиславскомъ институтѣ.

тъ, даже при бѣдной обстановкѣ. Разъяренная часть Мадырь того времени (1841 г.), между тѣмъ, вела уже довольно грозную атаку противъ этого учрежденія, пуская въ ходъ всѣ средства, чтобы Штуръ былъ лишень кандидатуры на каеэдру. Въ самомъ непродолжительномъ времени дѣйстви-тельно было наряжено слѣдствіе по поводу политическихъ агитацій, въ которыхъ Штуръ якобы принималъ дѣятельное участіе, но послѣ того, какъ всѣ эти доносы оказались бездоказательными, Штуръ все таки остался при институтѣ, будучи (въ матеріальномъ отношеніи) поддерживаемъ нѣкоторыми словацкими патріотами. Желая, впрочемъ, на будущее время оградить себя отъ возможныхъ сплетенъ, онъ потребо-валъ отъ молодыхъ людей общества поставить правило, по ко-торому никто изъ членовъ не смѣлъ бы ничего предпринимать по своему личному произволу. Это многимъ пришлось не по вкусу; многіе видѣли въ этой мѣрѣ притѣсненіе, ограниченіе свободы и т. д. Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ учрежденію дано было новое устройство по самимъ строгимъ правиламъ; дисциплина, какой школа и не знавала прежде, проведена была и въ общество; вліяніе ея сказалось и впо-слѣдствіи, послѣ бѣгства учащейся молодежи въ Левочъ, гдѣ дисциплина эта достигла уже своего крайняго предѣла ¹⁾. Благодаря ей студенты привыкли къ простой жизни и по-рядку. Въ празднествахъ и играхъ принималъ участіе весь кружокъ, по субботамъ и средамъ—въ лѣсу, а въ воскресные дни—гдѣ-нибудь въ публичномъ мѣстѣ (въ садахъ, на стрѣль-бищахъ и т. п.); здѣсь, послѣ различныхъ гимнастическихъ упражненій, велись бесѣды о народныхъ дѣлахъ. Сборы эти были извѣстны подъ названіемъ „пѣвческихъ хоровъ“ и становились довольно шумными, такъ какъ на нихъ соби-

¹⁾ „Rozpomienky na Ondreja Sládkoviča,“ Каличкака, „Sokol,“ 1862, I, 444.

ралось до 80—120 душъ молодежи. Это были веселыя минуты. Лучшіе ораторы говорили свои пламенные рѣчи, поэты читали свои произведенія, пѣвцы пѣли пѣсни и всё забавлялись вполне благородно. Но и эти невинныя увеселенія вызывали зависть и клевету: молодымъ студентамъ частенько приходилось вызывать своихъ профессоровъ въ качествѣ свидѣтелей ¹⁾).

Въ 1842 и 43 годахъ Пресбургскій институтъ процвѣталъ, не смотря на то, что во всѣхъ мадьярскихъ газетахъ, по всѣмъ церковнымъ собраніямъ противъ него уже велись интриги, дѣлались доносы, пока, наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, 1843 года не наложено было вторичное слѣдствіе. Еще въ самомъ началѣ академическаго года опасенія близкой гибели дѣлались болѣе примѣтными для нѣкоторыхъ студентовъ по-проницательнѣе. Одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ института, поэтъ Янъ Матушка, привѣтствовалъ вновь поступающую братію (числомъ до 200) слѣдующими словами.

„Vyšli ste z domu, nechali rodinu
I tu ste našli svojich, dobrí bratia!
Ešte vzdycháte?—hodiny pominú
A vám to chvíle veselšie vyplatia;
Pravda, tam pokoj a tu búrky, strely—
Lež tam jich málo—a tu národ celý.
Tu sme sa sišli na národné pole,
Kde dávno zhasla sláva Slováková,
Synovia padli do hnusnej nevole,
Tu var' i krypta pre nich už hotová.
Boly ste v sláve, široké končiny,
Lež slávy palmu vyrval z hrsti jiný.

¹⁾ „Pohl'ady,“ I, 4, 142.

A kto jü vyrval?—Mlč srdce zvedavé,
 Nejatri plameň v prsách tajne žhúcich.
 A nepreklínaj plemeno to dravé,
 Spokoj sa v slzách po tvári tekúcich;
 Prejde to mračno, čo ti svetlo kryje
 A puk zakrytej slávy sa rozvíje“ ¹⁾).

И дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда всѣ думали, что институтъ находится уже внѣ опасности, Людевитъ Штуръ вдругъ былъ лишенъ профессорскаго мѣста (въ январѣ, 1854 г.) ²⁾. Не помогли дѣлу ни прошенія, ни петиціи студентовъ, безуспѣшны были протесты еванг. церкви, ничего не могли сдѣлать ходатайства протестантскихъ вельможъ, не было уважено и представительство трехъ суперинтендентовъ,—Штуръ былъ отставленъ.

На дворѣ стояла суровая зима; снѣжныя вьюги бушевали въ горахъ. Огорченная молодежь, видя, что въ дѣйствительности никто уже не внимаетъ ей, что она уже не смѣетъ учиться и слушать того, въ чьихъ рѣчахъ она находила высочайшее духовное наслажденіе, бросила свои стипендіи, кондиціи, общежитія, частные уроки, и не взирая ни на какія обѣщанія, просьбы и угрозы, въ самыя свирѣпыя метели, въ трескучіе морозы, потянулась въ другія учебныя заведенія

¹⁾ „Милые братья! Вы вышли изъ дому, оставя семью и нашли здѣсь своихъ. Вы еще вздыхаете? Часы пройдутъ, и болѣе радостныя минуты вознаградятъ васъ за все. Правда, тамъ—тишина, а тутъ—буря, гроза; но тамъ васъ мало, а тутъ—цѣлый народъ. Мы сошлись здѣсь на народномъ полѣ, гдѣ уже давно померкла слава Словаковъ; сыны ихъ подпали низкому рабству, и, быть можетъ, для нихъ уже готовы тутъ могилы. Обширная страна, ты была нѣкогда въ славѣ, но другой вырвалъ у тебя изъ рукъ пальму этой славы! А кто?.... Умолни, пылкое сердце, не раздувай сокрытый въ груди огонь и не проклинай хищное племя, довольствуясь слезами, текущими по лицу; туча, закрывающая отъ тебя свѣтъ, пронесется, и почка сокрытой славы раздвѣтеть!“

²⁾ „Sokol,“ I, 22.

(преимущественно въ Прешовѣ и Левочѣ), жалуясь на несправедливости. Скорбь свою по утратѣ возлюбленнаго учителя и вождя ученики передали въ пламенной пѣснѣ, скоро распространившейся по всей Словацкой землѣ. Слова этой пѣсни составлены въ одну изъ трогательныхъ минутъ разставанья Яномъ Матушкою:

Nad Tatrou sa bliska, hromy divo bijú:

Nebojme sa bratia,

Však sa ony ztratia—

Slováci ožijú! ¹⁾.

Въ Левочскомъ словацко-евангелическомъ лицей, дѣйствительно, въ то время болѣе всего процвѣтали занятія по родному языку. Во главѣ словацкаго студенчества, этого цвѣтка, пересаженнаго съ береговъ Дуная сюда, въ срединнымъ Татрамъ, стоялъ молодой Янко Римаевскій-Францисци, впоследствии извѣстный патріотъ. Его мы видимъ и позже про прошествіи нѣкотораго времени во главѣ того-же отряда пылкой молодежи, когда въ 1845-мъ году (слѣдовательно, годъ спустя) Левочское училище по указу духовной и свѣтской власти было преобразовано въ заведеніе, гдѣ воспитанники уже совершенно механически изучали языкъ Библіи. Вотъ тогда-то упомянутый кружокъ учащейся молодежи и составилъ въ своей средѣ тайное общество, названное имъ „Братствомъ“ и ревностно сталъ работать, пока бурные дни возстанія не прекратили его плодотворной дѣятельности ²⁾.

Тѣ изъ студентовъ, которые оставались въ пресбург-

¹⁾ „Надъ Татрою гроза; раздаются грозные раскаты грома; но не утрашимъ, братья; вѣдь это все пройдетъ—и Словаки оживутъ снова!“ „Pohl'ady,“ I, 1847, 2, 48.—Der Slowak. Beiträge zur Beleuchtung der slawischen Frage, von M. M. Hodža. Прага. 1848. 45—47.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см.: Павла Добшинскаго введеніе къ собранію соч. Янка Чаека, изд. въ Турч. св. Мартинѣ, въ 1875 г.

скомъ институтѣ, никогда уже не могли излѣчить тяжкихъ ранъ, нанесенныхъ этому учрежденію. Самъ Штуръ не покидалъ Пресбурга и зорко слѣдилъ за надеждою всего народа, которой онъ посвятилъ лучшіе дни своей жизни. Что было запрещено дѣлать открыто,—дѣлалось тайкомъ. Каждый день вечеромъ молодые люди появлялись на улицѣ, гдѣ жилъ Штуръ, и по одному, по двое исчезали въ его домѣ, гдѣ заслушивались его бесѣдами часто за полночь, и снова, какъ сходились, такъ и расходились тайкомъ. Такъ образовались „остатки Штуровой школы“, какъ они сами себя называли. Штуръ ревностно, пока могъ, развивалъ въ нихъ свои идеи. Не одного талантливаго сына воспиталъ онъ и для южныхъ Славянъ, вырвавъ его изъ мадьярскихъ рукъ. Люди эти впослѣдствіи всегда съ восторгомъ вспоминали объ этихъ блаженныхъ тайныхъ вечернихъ бесѣдахъ. Безстрашный вождь угорскихъ Сербовъ, Свѣтозаръ Милетичъ, былъ воспитанникомъ Штура ¹⁾.

Такова была *Школа Штура*, члены которой стали впослѣдствіи самыми даровитыми дѣятелями словацкаго народнаго возрожденія.

„Татринъ.“ „Новины“ и „Орелъ“ Штура. „Погляды“ Гурбана.
Возстаніе.

Послѣ описанной школы самымъ выдающимся явленіемъ въ исторіи словацкой литературы было общество „Татринъ“, задавшееся цѣлью помогать литературѣ и промышленной культурѣ угорскихъ Словаковъ всѣми способами, какіе толь-

¹⁾ Біографіи этихъ „остатковъ Штуровой школы“ весьма интересно и подробно излагаетъ Врагоборъ (псевд.) въ статьѣ: „Rozpomienky na dni reknej mladosti,“ „Orol,“ IV, 1873, а также Догнаный въ „Historii povstania slovenského,“ изд. въ Скалицѣ, 1850 г. стр. 36 и слѣд.

ко дозволены закономъ ¹⁾. Учредителями его были люди, получившіе въ послѣдствіи извѣстность, а предсѣдателемъ—талантливый Михайлъ Милославъ Годжа. Августа 27-го общество „Татринъ“ имѣло свое первое общее засѣданіе въ Липтовскомъ св. Микулашѣ и во все свое непродолжительное существованіе успѣло сдѣлать много хорошаго. Оно издало на свой счетъ не малое число сочиненій, которыя иначе тажбы и не увидѣли свѣта; оно подало руку помощи многимъ способнымъ молодымъ людямъ, уже погибавшимъ подъ гнетомъ бѣды; оно же въ послѣднемъ своемъ общемъ собраніи, въ Чахтицахъ 10-го августа 1847 года совершило самое прекрасное свое дѣло, дѣло примиренія двухъ партій: въ этомъ собраніи католическое и евангелическое духовенство, послѣ вѣковой вражды, братски подало другъ другу руки. Годичныя собранія „Татрина“ становились все многочисленнѣе и многочисленнѣе; патриоты все въ большемъ количествѣ начинали съѣзжаться изъ двѣнадцати верхне-угорскихъ жупъ. Между тѣмъ уставъ общества вмѣстѣ съ прошеніями объ окончательномъ утвержденіи его переходилъ отъ одной правительственной инстанціи въ другую; посланные то и дѣло ѣздили изъ Буды въ Вѣну, чтобы снова возвращаться ни съ чѣмъ, пока, наконецъ, революція не прекратила дѣятельность общества; послѣ революціи „Татринъ“, не получивъ законнаго разрѣшенія, закрылся совсѣмъ.

Первое августа 1845-го года было національнымъ праздникомъ во всей словацкой землѣ: въ этотъ день вышелъ въ

¹⁾ Дѣйствительные члены назывались *стальцами* и вносили въ кассу 50 гульден. одновременно и на всегда или-же 5 гульд. ежегодно. Что касается вишней стороны изданій этого общества, то „Татринъ“ постановилъ тоже писать Штуровымъ словацкимъ нарѣчіемъ. Объ устройствѣ и дѣятельности этого общества см.: „Pohl'ady“ II, I, 54—58; введеніе къ I тому „Letop. Matice slovenské.“ 1864 г. и „Slovesnost.“ 1873 г., 93.

свѣтъ первый номеръ Штуровыхъ „Slovenských národních povín“ съ беллетристическимъ приложеніемъ „Orol Tatranský.“ Въ то время ¹⁾, когда самое незначительное литературное движеніе у Словаковъ считалось *измѣною правительству* ²⁾, поистинѣ, велики были тѣ жертвы и борьба, которыя долженъ былъ принять на себя Штуръ, пока добился, наконецъ, разрѣшенія издавать газету; да и то, кто знаетъ, быть можетъ, безъ энергическаго заступничества барона Кульмера, онъ пожалуй такъ и не дождался бы окончательнаго рѣшенія дѣла, тянувшагося цѣлыхъ три года. По счастью журналы тогда были поручены такому цензору, который могъ пропускать статьи даже и болѣе рѣзкаго содержанія, не обращая никакого вниманія на крики враждебнаго лагеря журналистовъ. Всѣ молодые словацкіе писатели сгруппировались вокругъ „Новинъ“ и „Орла;“—Штуръ редактировалъ ихъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью ³⁾. Все, что только казалось важнымъ и полезнымъ для словацкаго народа, находило себѣ мѣсто на страницахъ этихъ изданій. Дурныя привычки, пороки, лѣнь, мелочность, которыя въ продол-

¹⁾ Сильно ошибалась Богуслава Райская, написавъ въ своихъ запискахъ (книга 1, стр. 50), что Словаки въ то время могли лучше вліять на свой народъ, нежели Чехи, благодаря болѣе благоприятнымъ для этого условіямъ въ словацкой землѣ. Нѣсколько замѣтокъ изъ любой главы „Der Slowak“ Годжи въ достаточной степени свидѣлствуютъ о безчисленныхъ, всякую мѣру превосходящихъ, жестокостяхъ, которыя безнаказанно совершались надъ этимъ народомъ.

²⁾ Надъ Палковичемъ въ свое время было наложено строгое слѣдствіе, такъ какъ онъ осмѣлился переименовать свой „Tydenník“ въ „Slovenské národné Noviny.“ Журналъ едва-едва не былъ запрещенъ. По какому-то особенно счастливому случаю онъ былъ разрѣшенъ съ простымъ лишь измѣненіемъ названія: слово „Slovenské“ было выпущено. См. „Der Slowak“, стр. 50.

³⁾ Кромѣ самого Штура въ редакціи его газеты, поочередно или вмѣстѣ, трудились еще: Петръ Келнеръ-Гостинскій, Богущъ Носакъ-Незабудовъ, Микулашъ Догнанний, Моридъ Юрецкій и Янъ Штуръ.

женіи долгаго времени бездѣтельности успѣли достаточно уже вкорениться въ общественную жизнь, выставлялись здѣсь на видъ, какъ позорныя явленія. А „Орель!“—Онъ парилъ надъ всею словацкою землею, разнося на крыльяхъ своихъ массу прекрасныхъ разсказовъ, ученыхъ трудовъ и статей—эти золотыя перья изъ заклятаго до сихъ поръ зѣмка словацкой поэзіи и давнихъ сказаній. Исполненныя поэзіи, думы и прекрасныя повѣсти Калинчака служили украшеніемъ журнала. Всѣ съ восторгомъ встрѣчали каждый новый выпускъ его, восклицая съ Гурбаномъ:

„Hej, pár sa Orol náš okolo-okolo,
Musí nám ešte byť, ako nám nebolo!“ ¹⁾.

Сознавая, однако, необходимость хоть какого-нибудь общаго литературнаго обозрѣнія, наряду съ указанными изданіями, д-ръ Гурбанъ началъ въ 1846-мъ году издавать „Slovenské Pohl'ady na vedy, umenia a literaturu“ ²⁾. Это былъ прекрасный журналъ, подобнаго которому и въ настоящее время Словаки еще не имѣютъ, а въ то время и прочіе Славяне имѣли не много. Кромѣ политики журналъ этотъ затрогивалъ и другіе жизненные вопросы Словенска, рѣшалъ возникавшіе споры, подвергалъ критикѣ литературныя произведенія, исправлялъ языкъ, распространялъ знанія, слѣдилъ за начинающими писателями, словомъ, велъ борьбу и воспитывалъ. Самое дѣло изданія „Поглядовъ“ было сопряжено съ большими затрудненіями. Редактору приходилось лично хо-

¹⁾ „Пари, нашъ Орель, кругомъ—вокругъ; должно намъ быть такъ, какъ еще не бывало!“ „Slovenské Pohl'ady“, I, 2, 90.

²⁾ Ничуть не преувеличивая, Догнанний, бывшій главнымъ сотрудникомъ этого органа, назвалъ его воспитателемъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего народа. „Pohl'ady“ до сихъ поръ остались неисчерпаемымъ складомъ историко-литературныхъ достопримѣчательностей.

дять по домамъ и своими пламенными рѣчами выпрашивать матеріальную помощь для обезпеченія существованія журнала.

Приближался 1848-ой годъ. Наступили тѣ памятные дни передъ возстаніемъ, когда Люд. Штуръ, избранный городомъ Зволеномъ въ депутаты на сеймъ, голосомъ, достигавшимъ самыхъ отдаленныхъ угловъ сеймовой залы, отстаивалъ права своего народа. Наступило время, когда Словаки, собравшись въ большомъ числѣ въ Липтовскомъ св. Микулашѣ (10 мая 1848 года), составили записку ¹⁾ съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ требованій и представили её государю, сейму, намѣстнику (палатину) и угорскимъ министрамъ; время, когда во всѣхъ славянскихъ земляхъ началось невиданное еще доселѣ движеніе.

Осенью 1848-го года вспыхнула, наконецъ, мадьярская революція. Среди этой военной непогоды, при полнѣйшемъ господствѣ террора, словацкіе журналы и общества прекратили свое существованіе; всякая литературная дѣятельность затихла ²⁾. Штуръ, Гурбанъ, Годжа—вотъ имена, переходившія изъ устъ въ уста по всей словацкой землѣ въ это время ³⁾.

¹⁾ Дословно этотъ документъ напечатанъ въ „Hist. povst slovensk“, Доганнаго, 57—61; „Der Slowak“, Годжи 73—78 и „Besiedky“, Паулини-Тота, IV 123—130.

²⁾ Любопытенъ эпизодъ закрытія журналовъ „Národné Noviny“ и „Orol.“ Когда вошелъ въ силу новый законъ о печати (требовавшій залога), Янко Штуръ, членъ редакціи, отправился къ пресбургскому бургомистру съ просьбою, что-бы послѣдній разрѣшилъ докончить изданіе газетъ безъ залога еще хоть на одно полугодіе. Чиновникъ отвѣчалъ ему, что не знаетъ закона касательно этого предмета, и чтобы проситель зашелъ къ нему послѣ обѣда Янко Штуръ явился въ назначенное время и услышалъ слѣдующій отвѣтъ: „amice, мнѣ и читать то этого закона не нужно; вы—еще молодой человекъ, оставьте все это въ покоѣ и идите себѣ домой“ (!) Ср. „Besiedky“ Паулини, IV, 1870. 137.

³⁾ Ихъ дѣятельность и вообще участіе Словаковъ въ революціи и значе-

„Звонъ свободы раздастся!“ запѣлъ Гурбанъ, и пѣсня его была подхвачена словацкими добровольцами. Поэты одинъ за другимъ слагали восторженные пѣсни, встрѣчая утро новаго дня. Военныя пѣсни, составленныя Гурбаномъ, С. Халупкою, Паулини, Боттомъ, Томашикомъ, Матушкою и др. и распѣвавшіяся словацкими „синемундирниками“ передъ битвами на Нитранскихъ, Буда-Пештскихъ, Прешовскихъ и Комарнянскихъ поляхъ сдѣлались вполне народными; отголоски ихъ и понынѣ еще слышатся среди народа, въ Карпатахъ....

Исправленіе литературнаго языка. Упадокъ литературы. Новое движеніе.

Военная буря затихла. Передовые люди Словаковъ снова перемѣнили свои ружья на перо. Одни писали исторію недавно бывшихъ событій; другіе подумывали объ исправленіи, неполнѣ еще установившагося, словацкаго правописанія. Гурбанъ снова началъ издавать свои „Погляды“, которымъ пришлось теперь замѣнить собою „Новины“ и „Орла“, въ силу чего онъ сталъ помѣщать въ нихъ и беллетристическія произведенія ¹⁾.

Вырабатывая свой литературный языкъ, Штуръ, какъ извѣстно, пользовался всѣми различными словацкими говорами такимъ образомъ что изъ каждаго бралъ наилучшее. Что касается внѣшней стороны этого языка, то Штуръ отдалъ

ніе этого факта болѣе подробно изложены въ „Hist. povst. slovensk“, Догнаннаго. Дѣятельность этихъ трехъ мужей была почти баснословна; Годжа въ качествѣ предсѣдателя словацкаго народнаго совѣта, Гурбанъ, какъ вождь словацкихъ добровольцевъ, и Штуръ, какъ все организующій совѣтникъ—были душою словацкаго движенія.

¹⁾ Въ августѣ мѣсяцѣ 1852 года журналы эти прекратили свое существованіе по причинѣ недостатка въ деньгахъ для залога; нѣкоторыя статьи въ нихъ такъ и остались неоконченными.

предпочтеніе такимъ звуковымъ сочетаніямъ и формамъ, которыя болѣе всего представляютъ аналогіи съ этимологіею и исторіею другихъ славянскихъ нарѣчій, и такимъ образомъ ближе всего подходятъ къ среднему или нормальному типу словацкаго языка. Такимъ самымъ чистымъ и законченнымъ (въ звуковомъ и грамматическомъ отношеніяхъ) типомъ языка являются срединные горные діалекты, одинаково удаленные какъ съ запада—отъ вліянія чешскаго языка, такъ съ сѣвера—отъ польскаго и съ востока—отъ малорусскаго ¹⁾. Эти то говоры Штуръ положилъ въ основаніе новаго литературнаго языка Словаковъ. Это есть дѣйствительно живое нарѣчіе, которое своими чертами, общими всѣмъ разнообразнымъ словацкимъ говорамъ, представляетъ органическое цѣлое, характеристически отличное отъ чешско-моравскаго нарѣчія. Имъ говорятъ жители слѣдующихъ столицъ: Липтовской, Нижне-Оравской, Верхне-Тренчинской, Турчанской, Зволенской, Новоградской, Гонтской, Пештской и всей Нижней Угріи, гдѣ только существуютъ словацкія поселенія ²⁾. Что же касается правописанія, принятаго Штуромъ, то оно было чисто-фонетическое и не славянское ³⁾. Задавшись мыслию окончательно, уже разъ на всегда, установить правила словацкаго правописанія, лучшіе словацкіе ученые и патриоты собрались въ Пресбургъ (1852 г.), и здѣсь, руководствуясь филологическими трудами Годжи, Палярика и Гатталы,

¹⁾ „Slovesnost“, 1873, 9, 10.

²⁾ „Větin“, Годжи, 168.

³⁾ „Словацкое правописаніе въ томъ видѣ, какъ его предложилъ Бернолакъ, а за нимъ Штуръ, никогда не устоитъ предъ судомъ славянской филологической критики.... Это—безформенное чудовище (*monstrum informe*), у котораго нѣтъ славянскаго духа (*cui lumen slavicum ademptum est*)“, „Větin“ Годжи, 168, 176; см. его-же „*Epigenes slovenicus*“, стр. 32 и слѣд.

установили форму правописанія съ научной и славянской точки зрѣнія. Такимъ образомъ былъ положенъ вонецъ всякимъ неурядицамъ по этому вопросу.

Затѣмъ, благодаря политической реакціи, литература и національное движеніе у Словаковъ снова затихаютъ. За исключеніемъ календарей: „Časnik“ и „Domova Pokladnica“, церковно-периодическаго изданія „Cyrill a Method“ и послѣдняго тома словацкой „Nitru“ (1853 г.), ничего не появляется въ домашней литературѣ. Единственнымъ достопамятнымъ событіемъ за все это время было открытіе памятника Яну Голу, 11-го мая 1854-го года; любимое мѣстопробываніе поэта въ Мличѣ сдѣлалось настоящимъ священнымъ мѣстомъ для его поклонниковъ ¹⁾. Это была та тяжелая пора для словацкой литературы, о которой Янко Краль высказался въ слѣд. трогательныхъ словахъ:

„Ani zima, ani leto-pusto tebe slovenčina! ²⁾

L'udia zabudli na teba, syn ťa vlastný nespomína“....

Только въ 1858-мъ году, при болѣе благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, дѣла принимаютъ иной оборотъ. Первымъ признакомъ времени былъ альманахъ „Concordia“, издан. Викториномъ и Палярикомъ. Въ 1860 и 1861-мъ годахъ мы снова замѣчаемъ у Словаковъ подъемъ духовной дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. „Пешт-будинскія Вѣдомости“, издаваемые и редактируемыя въ Будѣ Яномъ Францисци, беллетристическій „Соколъ“ съ юмористическимъ приложеніемъ „Черновнижникъ“ Добшинскаго (позже Паулини), критическій журналъ „Словесность“

¹⁾ См. обширное описаніе этого торжества въ введеніи къ собранію сочиненій Голаго. изд. Викториномъ, въ 1863 г.

²⁾ „Ни зима, ни лѣто—нѣтъ уже тебя, словенщина! Люди забыли про тебя, и даже собственныи сынъ твой не вспоминаетъ о тебѣ!“....

Сасинка и д-ра Радлинскаго, характерная церковная газета Гурбана (за которую онъ послѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ), прекрасный альманахъ Викторина „Липа“ (1860—1864 год.), гдѣ первѣйшіе поэты помѣщали свои сочиненія—все это были весьма утѣшительныя явленія, слѣды вліянія которыхъ и до сихъ поръ не исчезли ни въ литературѣ, ни въ общественной жизни. Это новое оживленіе, вызванное главнымъ образомъ октябрьскимъ указомъ 1860-го года, снова собрало защитниковъ Словенска (6-го и 7-го іюня, 1861 года) въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, этомъ Назаретѣ словацкаго народа, гдѣ при участіи всей словацкой интеллигенціи, не исключая ренегатствующей шляхты, былъ составленъ памятный *Меморандумъ* ¹⁾, представленный угорскому сейму; сеймъ впрочемъ отклонилъ его. Прошеніе, поданное ²⁾ по этому поводу императору 12-го декабря черезъ епископа Мойзеса тоже осталось безъ послѣдствій. Не смотря однако на эти неудачи, св. Микулашскій Ультиматумъ, св. Мартинскій Меморандумъ и прошеніе 1861-го года являются тремя выдающимися, взаимно пополняющими другъ друга памятниками національнаго сознанія Словаковъ и останутся на всегда ихъ *Cred'омъ*.

Ободренные этою, такъ много обѣщавшею, зарею новой жизни, лучшіе люди изъ народа приступили, наконецъ, къ осуществленію той завѣтной мечты, которая уже не разъ высказывалась великимъ сыномъ Словенска, Март. Гамульякомъ, въ своемъ кругу, а послѣ него, въ 1851 году, Яномъ Колларомъ, Кузмані, Лихардомъ и Заборскимъ даже у трона, но безуспѣшно. И вотъ, на упомянутомъ съѣздѣ въ Турч. св. Мартинѣ ³⁾ была избрана особая комиссія, которая и соста-

¹⁾ Дословно напечатано въ „Krat'uckem prehl'ade dejín Slovenska“ Освальда, 60—73 и др.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74—81.

³⁾ Эти прекрасные, живые въ народномъ сознаніи, дни величественныхъ

вила уставъ для „Словенской Матицы“ ¹⁾. Францисци, Готчару, Палярику и Паулини удалось, наконецъ, добиться у императора разрѣшенія основать такъ горячо ожидаемое учрежденіе. Четвертаго ноября, 1862 г., означенная комиссія объявила объ утвержденіи „Словенской Матицы“ и призвала весь народъ къ помощи, матеріальной и нравственной. Августа 4-го дня 1863-го года, великій епископъ словацкій Степанъ Мойзесь открылъ первое общее собраніе или съѣздъ литературнаго общества „Словенской Матицы“ и съ этого дня началась ея благотворная дѣятельность. Со времени существованія Угорскаго королевства, въ немъ рѣдко когда праздновались такъ съѣзды, какъ первый съѣздъ „Словенской Матицы“, который выдѣлялся и по числу участниковъ торжества, и по ихъ самоотверженности и усердію къ дѣлу, и по всеобщему воодушевленію; свидѣтелями всего этого были и иностранные гости ²⁾. Андрей Сладковичъ воспѣлъ эти дни въ прекрасныхъ строфахъ своей народной поэмы „Святомартиніады.“ Восторгъ и рвеніе этого времени выражены у него весьма талантливо, а голоса противниковъ, которые съ цинизмомъ и улыбкою встрѣтили этотъ второй шагъ Словаковъ, были заглушены вдохновенными словами этого поэта:

манифестацій не изгладятся изъ памяти Словаковъ. Эту зорю лучшей жизни воспѣли почти всѣ словацкіе поэты, горячо сочувствовавшіе своему народу, воспитавшему и любившему ихъ. Сладковичъ, Кузманн, Ботто, Томашикъ, Кубани и многіе другіе пропѣли свои пѣсни, культурное значеніе которыхъ не умалится никогда.

¹⁾ Исторію словацкихъ обществъ см. кромѣ введенія къ „Letop. Matice Slovenskej“, томъ I. еще въ „Orol“, II, 1871 г. 245 стр.

²⁾ См. напримѣръ, талантливую статью объ этомъ Лукшича, въ его „Slawische Blätter“, I, 451.

„Never, že ľud ten, čo ovce pasie,
 Pred budúcnosťou svojou sa trasie;
 Moc zrodi čas, čas moc zmorí:
 Bôh barlu cenou berly ocení,
 Bôh ovce v obce ľahko premení,
 Bôh zo stád staty utvorí ¹⁾).

Эпоха до начала 70-х годовъ принадлежитъ къ самымъ счастливейшимъ временамъ, какія когда либо знала Словацкая земля. Первѣйшіе, почтенные высокимъ саномъ, люди, меценаты (каковы: еп. Мойзесь, Червень, Козачекъ и друг.) своими богатыми вѣладами несли великую помощь во всѣхъ благихъ начинаніяхъ; великодушные благотворители назначали преміи за лучшія драмат. произведенія, повѣсти и т. д. „Словенская Матица“ открыла свою дѣятельность изданіемъ Записокъ, въ которыхъ помѣщено мною цѣннаго матеріала, особенно по исторіи. Она-же издала и другіе труды, каеъ-то: два антологическихъ сборника по словацкой литературѣ, Архивъ древнихъ документовъ и памятниковъ, Сборникъ словацкихъ пѣсенъ, преданій, обычаевъ, игръ, пословицъ и поговорокъ ²⁾, Синтаксисъ словацкаго языка и многія другія, полезныя для народа книги (каковы знаменитыя „Ovocinár,“ „Včelár,“ разные сборники, много хорошихъ календарей). Болѣе всего однако торопилась „Словенская Матица“ печатаніемъ полныхъ собраній сочиненій лучшихъ словацкихъ писателей. Образованныя словацкія женщины

¹⁾ „Не вѣрь, что этотъ, пасущій овецъ, народъ боится за свое будущее; власть родитъ время, время побѣждаетъ власть; Богъ оцѣнитъ палку цѣною скипетра, Богъ превратитъ овецъ въ гражданъ, Богъ создастъ изъ стадъ государство.“ Здѣсь непереводимая игра словъ: „barlo“ и „berla,“ „ovce“ и „obce,“ „stado“ и „staty.“ Прим. перевод.

²⁾ Все это труды, какихъ по словамъ тогдашняго чешскаго „Библиографическаго Вѣстника,“ не имѣла и чешская литература.

тоже составили свое общество „Živena,“ которое воспитало для Словенска цѣлое поколѣніе умныхъ женщинъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было основано три словацкія среднія школы: въ Вел. Ревуцѣ (выѣстъ съ учительскою семинарією), въ Кляшторѣ у Знѣва и въ Турч. св. Мартинѣ. Эти школы приготовили для словацкаго народа новое поколѣніе молодыхъ людей и открыли поле дѣятельности для отечественныхъ ученыхъ, которые до этого времени, желая оставаться при своихъ убѣжденіяхъ, должны были удалаться куда-нибудь за границу. Въ 1870-мъ году также и центръ и словацкой политической журналистики былъ перенесенъ изъ Пешта въ родной городъ св. Мартинъ. „Pestbudske Noviny“ были переименованы въ „Národné Noviny“ и выходили подъ редакцією талантливаго Паулини; „Sokol“ превратился въ „Orla,“ которымъ руководилъ первѣйшій словацкій романистъ, Янко Калинчаекъ. Эти журналы и альманахи того времени, какъ напримѣръ, „Taboľ“ (послѣдній мощный и стройный аккордъ Штуровой школы), „Živena“ — эта сокровищница плодовъ молодого поколѣнія писателей, — служатъ лучшими выразителями той цвѣтущей жизни, которая начиналась было во всѣхъ отрасляхъ словацкой литературы. Въ то же благодатное время были открыты и двѣ большія словацкія типографіи, сберегательныя кассы, общества взаимной помощи, частныя библіотеки, воскресныя школы и другія полезныя для народа общества и учрежденія.

Эпоха новыхъ бѣдствій.

Съ 1870 года для Словаковъ начинается рядъ новыхъ бѣдствій. Интрига противъ національно-культурныхъ стремленій народа растетъ съ неимоверною быстротой, а между тѣмъ самыя ревностныя изъ словацкихъ дѣятелей одинъ за другимъ сходятъ въ могилу. Преслѣдованія начи-

наются съ 1873 года ¹⁾. Въ этомъ году была закрыта гимназія въ Вел. Ревуцѣ ²⁾, 4-го сентября 1874 г.—гимназія въ Кляшторѣ у Знѣва, а 30 января 1875 въ концѣ вѣнцовъ закрыта и „Словенская Матица.“ Имущество ея: домъ, музей, обширныя собранія древностей, монетъ, рукописей и печатныхъ книгъ, до ста тысячъ гульденовъ наличнаго капитала и т. д.—все было конфисковано ³⁾. На зданіи бывшаго средоточія народнаго просвѣщенія красуется печать мадьярскаго окружнаго суда, какъ циническая насмѣшка надъ самыми чистыми и благородными порывами.

Ударъ этотъ былъ нанесенъ совершенно неожиданно, хотя, впрочемъ, нѣкоторые болѣе проникательные словацкіе поэты предчувствовали бурю. Людевитъ Желло, въ отвѣтъ на массу глупо ругательныхъ статей, въ своей лебединой пѣснѣ (за которую редакторъ „Orla,“ гдѣ она появилась, былъ привлеченъ въ суду присяжныхъ), высказался такъ:

Nuž my vždy len žiaľit, stenat, plakať ⁴⁾.

Ponosy vykladat' budeme?

¹⁾ Одно изъ многихъ обществъ, именно „Magyar szövétség“ издало брошюру, гдѣ подъ девизомъ „ferro aut igne“ объявляло борьбу, предлагая между прочимъ, чтобы учительскія мѣста въ общественныхъ школахъ словацкой области, заимѣвались заслуженными капралами изъ гусаръ или гонимовъ, которые умѣли бы говорить только помадьярски.

²⁾ Болѣе подробную исторію этой школы см. въ „Slovesnosti“ Сасинка и Радлинскаго (1864 г., 429 стр. и слѣд.).

³⁾ Благотворная дѣятельность „Словенской Матицы“ во все время ея существованія и благородная ея защита противъ измышлений и попрековъ со стороны ренегатовъ и вообще злокозненныхъ людей, враговъ словацкой идеи, изложены во введеніи къ „Bajeslovi“ Паулини, изд. въ 1877 г., въ Турч. св. Мартинѣ. Единственная ошибка, въ которой можно упрекнуть прекрасно организованное учрежденіе, состоитъ въ томъ, что „Матица“ не обратила всего своего вниманія на простой народъ, на исключительное изданіе народныхъ произведеній, по примѣру другихъ „Матицъ.“

⁴⁾ „Что же неужели мы будемъ постоянно только скорбѣть, стонать, пла-

Ci budeme divy z neba čakať
 Že tym srdce vraha pohneme?
 A čo Slovak more slz vyleje,
 Nepriateľ sa z toho len vysmeje,
 Čo do ľutosti je katanom!
 A preto len päť o proti pästi,
 Len to vypomôže nám z nerestí
 A obľáme rohy tyranom!“

Янъ Ботто, вспоминая 4-е сентября 1874 года, восклицаетъ:

„Odpadol kvietok jeden: červi nasýt'te sa! ¹⁾
 Však vam i tak dlhý deň nestlaly nebesa!
 Slavte si triumf sily—však i ti Mongoli
 Vražď triumfy slavili a kdeže sú?—Boli.—
 Padol oltar obetí—junač naša zbitá
 Prapor svatý rozniesly barbarské kopytá.
 Zvit'azily! No haňba na jich sedi zbroji;
 Hrad padol, ale pravda, pravda naša stojí!—
 Strašidlo tam strašilo pokojných, vraj, ľudi.

калъ, да жаловаться? Или мы все еще будемъ ждать чудесъ съ неба, будто этимъ тронемъ сердца враговъ? Море слезъ прольетъ Словакъ, а врагъ, этотъ жестокий палачъ, только посмѣется надъ нами! Поэтому противъ кулака-кулакъ; лишь такимъ путемъ можемъ мы избавиться отъ бѣды и сломить рога тиранамъ!“

¹⁾ Одинъ цвѣтокъ опалъ: черви, насытитесь! Вѣдь вамъ и такъ небо не назначило долгихъ дней! Празднуйте торжество насилия,—вѣдь и другіе Монголы тоже праздновали триумфы убійствъ, но гдѣ-же они?—Были.—Палъ жертвенный алтарь,—юнаки наши перебиты, копыта варваровъ изодрали священное знамя. Побѣдили!—Но оружіе ихъ покрыто позоромъ; крѣвность пала, но правда, правда наша живетъ!—Призракъ, быть можетъ, пугалъ покойныхъ людей, но гдѣ-же онъ?—Онъ проникъ въ ихъ пустыя души. Ну что же, пусть тамъ страшить ихъ смертельнымъ ужасомъ, пока они не воскликнутъ: „виновны мы и отцы наши!“

Akdeže je?—Vletelo do jich prazdnej hrudi.
 No bodaj nech smrteľným strachom jich tam straši,
 Kým nerieknu: My vinní i otcovia naši!

Даниїлъ Мароти такъ оплакиваетъ изгнанную изъ школы молодежь:

„A—id' do zimy, a—hyň na ceste....¹⁾.
 Ta rozkaz vysoký zneje,—
 V milom sväteho Martina meste
 Už miesta pre teba nie je!
 Ci sa nad tebou závej zatvorí,
 Či sa rodič tvôj v slzach umorí—
 Ach, to vysokých nemýli!
 Naše ubohé slovenské deti
 Sú v očiach jejich len jako smeti,
 Které víchrica rozptýli.
 Nuž tak id', syn môj v zimy a ľady—
 Nastúp púť novú, neistú....

И словацкая молодежь пошла по свѣту, побрела доро-
 гою новою и не настоящею. Счастливы были тѣ, которые
 нашли себѣ братскій приемъ и безопасный кровъ въ славян-
 скомъ мірѣ, но сколько ихъ было въ сравненіи съ тѣми *ты-*
сячами, которые въ *своихъ* родныхъ заведеніяхъ чувствовали
 себя *чужими*! Не многіе устояли тогда: иные открыто дѣ-
 лались ренегатами, иные же по крайней мѣрѣ оставались ко
 всему совершенно равнодушными. Послѣ среднихъ учеб-

¹⁾ „Что-же, иди въ зиму, что-же, погибай въ дорогѣ.... такъ гласитъ вы-
 сочайшій указъ,—въ миломъ городѣ св. Мартина для тебя уже нѣтъ мѣста!
 Сокроетъ-ли метель тебя подъ снѣгомъ, помретъ-ли въ слезахъ огорченный
 отецъ,—ахъ, это ничто для высшихъ!.... Наши горемычнныя, словацкія дѣти въ
 ихъ глазахъ мусоръ, который легко развѣетъ буря. Что-же, ступай, мой сынъ,
 въ зиму, въ морозы, ступай по пути новому, ненастоящему“....

ныхъ заведеній очередь дошла и до народныхъ школъ. Въмѣсто послѣднихъ были открыты, субсидируемыя казною, мадьярскія нормальныя гражданскія и ремесленныя училища, переполненныя учащеюся молодежью. Послѣднимъ пріютомъ для Словаковъ осталось небольшое количество конфессіональных нормальныхъ евангелическихъ школъ.

Во время репрессалій 1876-го года среди Словаковъ появилось было снова стремленіе искать помощи у Чеховъ. Выразителемъ этихъ стремленій былъ альманахъ „Nitra,“ изданный на чешскомъ языкѣ въ Турчанск. св. Мартинѣ; за нимъ послѣдовало еще нѣсколько литературныхъ предпріятій, но эта попытка, какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать, не увѣнчалась успѣхомъ. У чешской интеллигенціи накопилось не мало и своихъ собственныхъ домашнихъ дѣлъ, а „взаимность,“ провозглашаемая такъ часто и такъ громко на словахъ, осталась, конечно, лишь въ теоріи.

Но затѣмъ, кое-гдѣ и у самихъ Словаковъ дѣла начали нѣсколько поправляться. Высокодаровитый сынъ д-ра Гурбана, Свѣтозаръ Гурбанъ-Ваянскій возобновилъ изданіе отцовскаго журнала „Slovenské Pohl'ady,“ въ которомъ и при посредствѣ котораго началъ свою богатую литературную дѣятельность. На поприще поэзіи тоже выступаетъ новое поколѣніе поэтовъ и новеллистовъ, среди которыхъ Павелъ Орсагъ-Гвѣздославъ отличается недюжиннымъ талантомъ; появляются новыя учрежденія и общества, несущія помощь словацкому народу на болѣе реальной почвѣ. Выставка оригинальныхъ словацкихъ вышивокъ и прекрасныхъ картинъ живописца Ярослава Вешина (лѣтомъ 1877 г. въ Турч. св. Мартинѣ) доказала, что словацкая интеллигенція серьезно понимаетъ свое назначеніе. Не взирая на всевозможныя бѣдствія и обиды, не смотря на неслыханныя препятствія, полагаемыя культурному развитію народа, интеллигенція эта всецѣло со-

средоточивается въ своей сохранившейся *семѣ*, за невозможностью работать для народа въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ. Съ вѣрою въ свое правое дѣло глядитъ она свѣтлыми очами на свое будущее. Непокколебимое словацкое и славянское самосознаніе поддерживаетъ и подкрѣпляетъ ее.

І. ЭПОСЪ И ЛИРИКА.

Люд. Штуръ. — Сладковичъ. — С. Халуна. — Ею подражатели: Краль, Носакъ, Грайхманъ, Матушка, Лад. Паулики, Добшинскій, Калинчакъ, Франчисци, Кельнеръ, — Ботто. — Паулики-Тотъ, Догманний, Кузmani, Годжа, Гурбанъ, Томашикъ, Зохъ, Мароти, Янчо, Заборекій, Гробонъ, Даксперъ, Керчмери, Слота, Шкультети, Годра, Троканъ. — Желло.

Первымъ по времени, настоящимъ словацкимъ поэтомъ былъ Янъ Голый. Иные создавали славянскіе міры, — онъ ходилъ по развалинамъ словацкаго міра и плакалъ на руинахъ, желая слезами пробудить уснувшее Словенско. Въ трехъ произведеніяхъ поэзія Голаго достигла своего апогея: „Святополе“, элегіяхъ и идилліяхъ. Въ этихъ трехъ отдѣлахъ его сочиненій изображена вся жизнь Словенска: въ „Святополе“ — далекое прошлое, въ идилліяхъ — самое близкое настоящее и въ элегіяхъ — скорбь надъ тѣмъ и другимъ, прошлымъ и настоящимъ, съ намеками на лучшее будущее ¹⁾.

Но Голый былъ только вѣстникомъ весны. Тотъ-же, кто принесъ еѣ самое съ ея цвѣтами и пѣснями, не былъ одинокимъ поэтомъ; это былъ цѣлый рой вдохновенныхъ молодыхъ пѣвцовъ, это была дружина Штура. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Голый пробудилъ отъ тысячелѣтняго сна народную мысль и оживилъ любовь къ прекрасному, широкимъ потокомъ хлынули въ словацкую землю и волны современныхъ

¹⁾ „Slovenské Pohl'ady“, I, 3, 136.

великихъ идей; тому кто открыто сталъ во главѣ ихъ принадлежало кормило. Это былъ Людевитъ Штуръ. Въѣствъ съ его вліаніемъ, словацкою поэзіею овладѣлъ риторическій блескъ Колларовой „Дочери Славы.“ Стихи этой поэмы де-кламировались, читались, объяснялись; имъ подражали ученики вновь открытыхъ школъ, члены словацкихъ обществъ въ еванг. лицеяхъ и гимназіяхъ. „Дочь Славы“ была идеаломъ молодого поколѣнія.

Второе оживляющее вліаніе на словацкое поэтическое творчество принадлежитъ „Спѣванкамъ“ того-же Коллара ¹⁾. Наблюдательность, то меланхолическій, то шутливый характеръ и горячее чувство Словака проявились въ этой великой сокровищницѣ народной словацкой поэзіи во всемъ своемъ блескѣ. Писатели, пытавшіеся играть на струнахъ Байрона, Гёте и Шиллера, т. е. собственно подливавшіе лишь воды въ Дунай, теперь обратили свои взоры къ этому источнику и обогатили отечественную поэзію болѣе цѣнными произведеніями; это доказываютъ Само Халупка и Янъ Ботто. Эти новые элементы впервые были внесены въ словацкую поэзію Колларомъ и Штуромъ.

Третьимъ элементомъ, замѣчаемымъ нами въ этой поэзіи были отголоски нѣмецкихъ идеалистическихъ философскихъ системъ, особенно Гегелевской и Шеллинговой. Этотъ элементъ, хотя не вездѣ и не всегда оказалъ примѣтнымъ образомъ свое вліаніе, тѣмъ не менѣе принудилъ словацкую мысль углубиться въ самое себя и придалъ многимъ пламеннымъ умамъ болѣе глубокое и серьезное направленіе. Но въ одномъ отношеніи эта новая поэзія знаменуетъ собою упадокъ сравнительно съ тою стадіею, на которой стоялъ Голый: — *словацкая поэтическая литература, начиная съ 1845-го года и оканчивая 1880-мъ, не знаетъ ни античной*

¹⁾ См. § 21 „Větin'a“ Годжи.

метрической просодии, ни новейшей, основанной на ударении, и довольствуется простою рифмовкою. Только въ 1880-мъ г., Вацпшскій ¹⁾, благодаря интенсивнѣйшему вліянію чешской поэзіи, ввелъ культъ болѣе художественнаго стихосложенія и тѣмъ отерылъ новую эпоху въ исторіи словацкой литературы. Въ силу указаннаго обстоятельства словацкое поэтическое творчество въ просодическомъ отношеніи не можетъ равняться съ произведеніями даже самой незначительной изъ славянскихъ литературъ.

Но обратимся прежде всего къ вождю и основателю этой поэзіи.

Людевитъ Штуръ, (Štur), воспитатель молодаго поколѣнія Словаковъ, публицистъ, политикъ, словацкій и славянскій ученый, родился 28-го октября 1815 года, въ Зай-Угровцахъ, Тренчанской стѣлицы, гдѣ отецъ его былъ учителемъ ²⁾. По окончаніи начальнаго образованія дома, онъ былъ посланъ въ Раабскую гимназію. Здѣсь проф. Пецъ, въ то время какъ другіе преподаватели любили частью подсмѣиваться и съ презрѣніемъ относиться ко всему славянскому, своими ссмыслами на Шафарика и Добровскаго зажегъ въ сердцѣ юного воспитанника искру національнаго сознанія. Пробывъ въ Раабѣ два года, Людевитъ поступилъ въ пресбургскій лицей, гдѣ, войдя въ извѣстный литературный кружокъ, съ этого времени уже на всегда какъ бы сросся съ пресбургскимъ заведеніемъ. Съ 1839-го по 1841-й годъ онъ слушалъ курсъ фи-

¹⁾ Собственно еще (хотя неудачно) Трухлий-Сытнянскій, въ 1873 году.

²⁾ Матеріалы для болѣе подробной біографіи и описанія дѣятельности Люд. Штура содерж.: „Slovenské Pohľady“, 1846—1851 г.;—„Hlasové a t. d.“ 1846 г.;—„Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель отъ 1846 г. стр. 465—467;—„Der Slowak“ Годжи 1848 г.;—„Historia povstahja slovenskjejho“ Догнаннаго, 1850 г.;—„Domova Pokladnica“, 1851 г.;—„Koľeda“ (чешск. календ.), 1858 г. (Описаніе словацкаго возстанія); „Русская Бесѣда“, I, 1860, стр. 51—61;—„L'udevit Štur“ Данила Лихарда, въ „Sokolě“ Паулини I, 1862 г.; „Joseph L'udevit Hurban“ Вил. Паулини-Тота, въ „Sokolě“, I; „Rozpominky na Ondreja Sladkoviča“ Ка-

лософiи въ Галле у извѣстнаго филолога Потта. Возвратившись снова въ 1842 году въ Угрію, Штуръ началъ усердно хлопотать по дѣлу высылки депутаціи, которая должна была въ Вѣнѣ искать защиты для словацкой націи отъ мадьярскихъ притѣсненій ¹⁾. Публичная дѣятельность Штура начинается съ 1845-го года. Тутъ мы видимъ его въ роляхъ то редактора, то полководца, то публициста и оратора, то писателя и депутата. Послѣ революціи, отказавшись отъ пред-

личака, въ „Sokolë“, I; „Zaváté ale nezapomenuté listi od. M. z Bohuslavic“, въ „Sokolë“, I; Автобіографія Калинчака „Lipa“, II, 1862;—„Samo Chalupka“ (біогр.), „Sokol“ II, 1863;—„Časopis Matice lužickosrbské“, 1865 г.; „Filosofické uvahy“, Самуила Ормиса, въ „Letop. Mat. Slov.“ VI, 1, 1867;—„Besiedky“ Паулини. I, 1867, (Škola a život) и IV 1870 (Tri dni do Šturovho života); „Zapisky Bohuslavy Rajské“, I, 1872; „Rozpomienky na dni peknej mladosti“ Врагобора, „Orol“ IV, 1873 г.; „Basne Janka Čajaka“, изд. Павломъ Добшинскимъ, 1875 г. (біогр.);—Z dob probuzení,“ изд. Ферд. Ченскаго, 1875 г.;—Статья Пича, въ Слав. Сборн. I, II, 1875 и 1877 г.;—„Wiliam Pauliny-Toth“ д-ра Гурбана, „Nitra“ VII, 1877 г.; Біографія А. Сладковича, составленная проф. Гросманомъ, въ Кобровой „Народной Библіотекѣ L, 1878;—„Dopisy Františka Palackého k Janu Kollárovi“, 'въ Časopis Muz. kral. česk.,“ LIII, 1879, IV;—„Письма Іосифа Юнгмана къ Яну Коллару“, въ „Časop Muz. kral. česk“ LIV, 1880, I, II; „L'udevit Štur“ д-ра Гурбана въ „Slov Pohl'ad“, I, 1881 и слѣд.; сюда-же принадлежитъ и идеализація стремленій Пресб. словацкаго общества подъ управл. Штура, въ „Mladenec slovenský“ Калинчака (Slov. národ. zabavník, VI, 1873 г.—Сочиненія Людевита Штура въ хронолог. порядкѣ слѣд.:—„Klagen und Beschwerden der Slowaken wider die Uebergriffe der Magyaren“, Leipzig, 1844;—„Das neunzehnte Jahrhundert und der Magyarismus“, Wiën. 1845; „Narečia slovenskuo“, Пресб. 1853;—„O národních písnič a pověstech plemen slovanských (изд. Чешск. кор. Муз.), въ Прагѣ, 1853; „Славянство и міръ будущаго“, изд. проф. Ламанскимъ, Москва, 1867; кромѣ того разныя статьи и очерки Штура помѣщены въ „Orlë“, V, 1874 и VI, 1875 г. Чешскія стихотворенія въ „Hronka“ Кузмани, 1836—1838 г., „Tatranka“ Палковича, въ чешск. „Kvety“ и др.

¹⁾ Членами этого посольства были: Тисскій суперинтендентъ Павелъ Жозеффи, Янъ Халупка, Сам. Ференчикъ и М. М. Годжа. Когда это посольство не добилося надлежащихъ результатовъ, Штуръ въ 1844 году хлопоталъ (удачно) о другомъ посольствѣ.

лагаемыхъ ему мѣсть, Штуръ отправился на покой и весь отдался воспитанію дѣтей, оставшихся послѣ брата его Карла, не переставая однако и тогда работать по исторіи и миѳологіи. Жизнь, которую онъ велъ въ этомъ уединеніи, прекрасно характеризуетъ его. Теперь онъ признается, что „мечты и надежды погибли,“ что „свѣтъ, къ которому мы такъ стремились, и за который умирали, намъ не пришлось увидѣть“ (Príomienka, 1850), но не смотря на это онъ твердо вѣрить, что „была ночь, будетъ и день для Словаковъ.“ Тѣмъ не менѣе душа его все болѣе и болѣе начинала погружаться въ печальныя размышленія. Его „Воспоминанія“ о прекрасныхъ пресбургскихъ дняхъ, полныхъ великихъ надеждъ, жгутъ читателя и производятъ на него удручающее впечатлѣніе. „Дни наши прошли, время наше миновало!“ жалуется Штуръ въ 1857-мъ году, а два года спустя, онъ уже только обращаетъ свои взоры къ небесамъ: „дай силы пройти этотъ путь, пусть духъ не слабѣетъ на немъ.“ Въ такія минуты онъ искалъ утѣшенія у своего вѣрнаго друга Калинчака (тогда учителя въ Модрѣ), говоря ему: „Янко мой, печальна душа моя до смерти!“ и утѣшался съ нимъ, пока мрачныя думы не повидали души его. Этотъ непоколебимый мужъ, изъ груди котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ полной золотыхъ надеждъ, при видѣ Кривани, вырвались слова: „что ты Татрамъ, то мы свѣту будемъ!“ этотъ непоколебимый мужъ рыдалъ теперь „надъ могилою матери.“

„Keby si ty, jaké chvíle ¹⁾ .	Osamote, v otupnosti
Trávime tu, videla,	Berieme sa cez ten svet,
Iste bi si deti milé	Zahl'adení k minulosti....
Ponavšivit' sletela.	Utechy tu pre nás niet.

¹⁾ „Если бы ты увидѣла, какое время переживаемъ мы здѣсь, то ты навѣрное слетѣла бы навѣстить своихъ любезныхъ дѣтей. Одинокіе, въ тревогѣ,

Všetko to tam! Ešte k tomu Ačo je s tým? Čo je s nami?
 Mnoho opustilo nás: Cože, drahá stalo sa?
 Či vieš, život svôj sme komu Nádeje tam za horami!
 Chceli dávať v každý čas? Ušchly—jak len tá rosa.

A miesto nich kde viazneme
 Kebyš, draha, spatrila,
 Znechcelo by sa ti zeme—
 Nazpäť bys sa vrátila.

Глубокая печаль и ожесточение—вотъ чувства, которыя овладѣли всѣмъ существомъ этого человѣка; нѣжностей любви не найдешь въ его стихахъ; свобода Словаковъ—вотъ его постоянная мечта. Иныхъ желаній онъ не имѣлъ, иной жизни не зналъ, и хотѣлъ, чтобы вся воспитываемая имъ молодежь была таковой-же. Этотъ идеалистъ, впрочемъ, все-же таки имѣлъ свою тайную возлюбленную, которую любилъ страстно: это была природа. Не проходило дня, что-бы онъ съ ружьемъ чрезъ плечо не появлялся въ ближней рощѣ. Не разъ, отдыхая на мягкой лѣсной муравѣ, онъ былъ застигаемъ ночью тьмой и тогда, глядя на падающія звѣзды, онъ видѣлъ въ нихъ исчезающія надежды народа, заходящія блаженные дни его собственной юношеской жизни въ Пресбургѣ. Онъ былъ страстнымъ охотникомъ и ради этой страсти готовъ былъ пожертвовать всѣмъ. Зимой, 1855-го года, Штуръ вышелъ (12 декабря) на охоту. Дойдя до перекопа и желая перепрегнуть черезъ него, онъ упалъ на ружье, которое выстрѣлило, причемъ весь зарядъ крупной дроби попалъ ему

мы пробираемся по этому міру, впервые свои взоры въ прошлое.... Нѣтъ здѣсь для насъ утѣшенія.—Все тамъ! Въ довершеніе всего многіе покинули насъ: знаешь-ли ты, для кого мы были готовы ежечасно жертвовать своею жизнью? А что же изъ этого? Что съ нами? Что-же случилось, дорогая? Надежды—тамъ, за горами!—изсохли, какъ роса. А вмѣсто нихъ, если-бы ты видѣла, гдѣ мы,—ты отвратилась бы отъ земли и возвратилась бы обратно на небеса!

въ лѣвую ногу. Рана была смертельна и, мѣсяць спустя, 12 января 1856-го года, Штуръ скончался ¹⁾).

По словацки Люд. Штуръ началъ писать еще въ 1839 году, но собраніе своихъ стихотвореній онъ издалъ лишь въ 1853 году. Небольшая книжечка эта дѣлится на два отдѣла: героическій эпосъ и воспоминанія (zpomínky). Хотя значеніе Штура, какъ стихотворца, и не велико, тѣмъ не менѣе два большихъ его эпическихъ произведенія не безынтересны въ историко-литературномъ отношеніи. Это „Святобой“ и „Матвѣй Тренчанскій.“

Велико-моравское королевство распалось. Со смертью Моймира на бранномъ полѣ гаснетъ свободная жизнь края. „Васъ, Словаки, уже положить въ могилу, тѣма которой заслонить отъ васъ свѣтъ: вѣчно безжизненные, хотя и въ мірѣ, вы постоянно будете только мучаться и умирать“.... Побѣдоносное войско напало на обширный край, истребляя все мечемъ и огнемъ, и оставляя народу только жизнь. Дворцы и башни Нитры—въ руинахъ, весь городъ—пепелище. Никто ничего не защищаетъ на Пожунскомъ полѣ. „Рядами лежатъ словацкіе витязи.“ Измѣнникъ Святобой, между тѣмъ, мучимый угрызеніями совѣсти, скитается среди дикихъ заборскихъ чащей. Съ вершины горъ смотритъ онъ на села и города и молить небо о помилованіи. Въ тиши густолиственныхъ дубовъ поетъ онъ пѣсни, молится и рыдаетъ, пренебрегая грубыми потребностями брэннаго тѣла. Особенно нѣтъ ему покоя ночью; онъ восходитъ на самую верхушку Зобора, гдѣ видитъ въ видѣніи, какъ Мееодій поучаетъ народъ. По прошествіи долгаго времени Святобой встрѣчается въ лѣсу съ подобными же отшельниками, рассказываетъ имъ свою жизнь и изъявляетъ желаніе оставаться съ ними. Вскорѣ они убѣждаютъ его снова обратить оружіе противъ непріятеля, а на-

¹⁾ „Словенская Матица“ украсила его могилу въ Модрѣ изящнымъ памятникомъ.

родъ будтобы послѣдуетъ ему. Святобой колеблется; нѣтъ у него уже прежнихъ крыльевъ для полета, давно уже умеръ онъ для мірскихъ дѣлъ, да и Богъ не пошлетъ своей помощи измѣннику. „О, лишь изъ позднѣйшихъ потомковъ Моравцевъ кто нибудь освободитъ нашъ край отъ рабства.“ Послѣ этого пустынники расходятся въ разныя стороны и пламенными рѣчами стараются поднять народъ. Но годы проходятъ, народъ не пробуждается; не дожидаться ему своего вождя-побѣдителя; на многихъ отшельникахъ и ихъ потомкахъ уже давно поросла трава. „Столѣтія проходятъ, призыва не слышно, тщетно зобожскія преданія странствуютъ въ народѣ. Словаки дремлютъ“.... Только въ заборскихъ чащахъ оживленіе. Тамъ у старинной могилы Святобоя слышны древнія преданія. Здѣсь каждую ночь молится Святобой, и до тѣхъ поръ не будетъ ему покоя, пока словацкій народъ не перестанетъ стонать подъ игомъ рабства.

Такова „элегическая дума“ Штура. Грустный тонъ, въ которомъ писалъ авторъ, и на который (вовсе не придерживаясь исторіи) налаживаетъ онъ рѣчи и пѣсни Святобоя, отсутствіе болѣе оживленной и характерной фабулы, а также плохія описанія мѣстностей дѣлаютъ это произведеніе туманною элегіею. Святобой, герой поэмы, выступаетъ какъ-то неопредѣленно и, хотя разсуждаетъ много, характеристика его все же туманна. Изъ всего произведенія только разсказъ о бѣдствіяхъ и ужасахъ, причиненныхъ врагами, трогаетъ душу неподдѣльностью своего чувства.

Сравнительно счастливѣе былъ Штуръ въ другой своей героической поэмѣ, на излюбленную тему словацкихъ поэтовъ и романистовъ — „Matúš z Trenčína.“

Въ Тренчинскомъ замкѣ шумно; Робертъ избранъ въ короли и Матушъ Тренчанскій, „владыка Вага и Татры,“ собираетъ въ замкѣ своихъ приверженцевъ для тайнаго совѣщанія. Дни и ночи думаетъ онъ думу, замышляя что-то та-

кое, о чемъ никто не знаетъ. Темно на Поважѣ. Луна порою лишь на одно мгновенье освѣтитъ копья и шишаки воиновъ, покидающихъ Тренчинъ и ѣдущихъ по берегу Вага. Села, чрезъ которыя имъ приходится проѣзжать, погружены въ глубокій сонъ, только въ замкахъ примѣтно движеніе:—тамъ вездѣ ждутъ Матуша. Отрядъ (всегда лишь по ночамъ) передвигается изъ Тренчина въ Подградье, Летава, Старый Градъ, Стрѣченъ, изъ Турца въ Ораву и Липтовъ, отсюда въ Спишъ, въ Зволень, Земплинъ, къ Торисѣ, гдѣ въ Бречтанскомъ замкѣ располагается на отдыхъ. Все уже готово для войны съ Робертомъ Италійскимъ. У Тренчина развѣваются знамена, гудятъ бубны и рога. Толпы людей валяютъ сюда подъ знамена бойцевъ; отрядами предводительствуютъ паны, кметы и вельможи. „Тутъ можно видѣть и высокорослыхъ сыновъ Липтова, и, созданныхъ изъ камня, дѣтей холодной Оравы, и бойкихъ парней, вскормленныхъ Турцемъ, и прекрасный цвѣтъ Грона; мужи изъ Спиша, Шариша, Земплина—все это располагается теперь вокругъ Тренчинскихъ стѣнъ.“ Паны совѣщаются въ виду извѣстія, что Робертъ уже вступилъ на престолъ и угрожаетъ смертью всякому сопротивляющемуся. Матушъ избранъ главнымъ полководцемъ, и войска его отступаютъ на югъ, послѣ чего паны еще пируютъ въ замкѣ, наслаждаясь пѣніемъ. Съ разсвѣтомъ выходятъ остальные отряды воиновъ; на закатѣ дня они приходятъ въ Новый Градъ, гдѣ и располагаются лагеремъ. На другой день объявленъ приступъ къ Нитрѣ. Рѣчь Чака воодушевляетъ юнаковъ, которые, какъ вихрь, устремляются на городскія стѣны, и послѣ жестокой сѣчи городскія укрѣпленія падаютъ. Древняя Нитра оживаетъ. Матушъ неограниченно править всею словацкаго страной. Но въ Будѣ—паника. Король созываетъ своихъ приближенныхъ, а папа предаетъ дерзкаго воина церковному проклятью. Седмиградскій князь и нѣмецкіе рыцари между тѣмъ подкупаютъ двухъ вождей Чака. Чехи и Русины общаются свою помощь Ма-

тушу. Послѣ многочисленныхъ стычекъ дѣло, наконецъ, доходитъ до рѣшительнаго сраженія. Великій магистръ Ордена, Риккольфъ, смертью угрожаетъ тому, кто отступить. Чехи съ Болеславиномъ во главѣ храбро начинаютъ бой. Въ рѣшительную минуту однако Ратмиръ и Цтиборъ перебѣгаютъ въ непріятельскіе ряды. „Измѣна!“ громовымъ голосомъ проносятся по всему лагерю Чака; мужественный какъ левъ, Болеславинъ падаетъ сраженный, а вождь Матушъ исчезаетъ. Всѣ бросаютъ оружіе и ищутъ спасенія въ бѣгствѣ предъ желѣзнымъ отрядомъ рыцарей. Города, замки и крѣпости Матуша снова переходятъ въ руки Мадьяръ. Одинъ Тренчинъ остается неприступнымъ. Проходятъ годы, а королевскія войска, понеся большіе уронъ, тщетно пытаются взять городскія укрѣпленія. Матушъ, говорятъ, защищаетъ ихъ со своею вѣрною дружиною, вмѣстѣ съ которою послѣ каждой стычки онъ исчезаетъ со стѣнъ безъ слѣда.

Дѣйствіе поэмы проведено дѣльно; эпическое повѣствованіе часто прерывается многими эпизодами и лирическими интермеццо, исполненіе живѣе и разсказъ короче, чѣмъ въ Святобоѣ; всюду замѣтна достаточная чистота отдѣлки и историческій оттѣнокъ; обрисовка характеровъ, особенно Матуша, несравненно яснѣе. „Matúš z Trenčína“—лучшее произведеніе Штура.

Обожаемый вождь словацкой молодежи былъ сначала вождемъ ея и въ дѣлѣ поэтическаго творчества. Но скоро управленіе кораблемъ, который впервые выступалъ въ обширное море литературъ другихъ народовъ, перешло въ руки талантливейшаго поэта Штуровой школы, Андрея Сладковича. Штуръ воспиталъ генерацію народныхъ писателей и борцовъ,—Сладковичъ создалъ новое поколѣніе поэтовъ. Талантливѣйшій ученикъ его, Людевитъ Кубани, былъ достоинъ своего учителя.

Андрей Сладковичъ (Ondrej Sladkovič, собственно—Брав-

саторисъ) родился 30 марта 1820-го года въ Крупинѣ ¹⁾, гдѣ отецъ его былъ учителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался исторіей и филологіею. Андрей былъ восьмымъ изъ 17-ти дѣтей старика Сладковича. Еще будучи въ Штявницкомъ лицѣ, молодой Сладковичъ зачитывался произведеніями Коллара и Голаго, сильно страдая въ тоже время отъ неумолимой нищеты, которая принудила его въ концѣ концовъ принять мѣсто учителя въ Гонтской столицѣ. Вскорѣ однако онъ стосковался по своимъ прерваннымъ занятіямъ и друзьямъ. Лучшій другъ его, Людевитъ Гроссманъ (позже учитель Баньско-Быстрицкой еванг. гимназіи) выручилъ его изъ бѣды, уступивъ ему свою кондицію. Въ 1840-мъ году Сладковичъ отправился въ Пресбургъ продолжать свое образованіе. Лекціи Штура и „Дочь Славы“ составляли тутъ его духовную пищу. Не занимая никакой должности въ Штуровомъ Обществѣ, Сладковичъ тѣмъ не менѣе былъ любимъ всѣми членами его. Въ это время, въ 1-мъ томѣ „Нитры“ (тогда еще чешской) были помѣщены его первыя стихотворенія, подписанныя псевдонимомъ ²⁾. Въ 1842 году мы видимъ Сладковича въ качествѣ воспитателя въ Годрушѣ, а годъ спустя—въ Галльскомъ университетѣ. Изучая въ Галле философію и богословіе, онъ между прочимъ познакомился тутъ съ двумя русскими: Елагинымъ и племянникомъ Хомякова, Валуевымъ, который подарилъ ему сочиненія Пушкина. И въ Галле, однако, пришлось Сладковичу бороться съ матеріальнымъ недостаткомъ, что впрочемъ

¹⁾ Подробнѣе біографія Сладковича изложена проф. Гроссманомъ въ собраніи соч. Сладковича, изд. въ 1874 г. и въ „Орлѣ“, V, 1874 г. Она пополняется сочиненіемъ Калинчака „Rozpromienky na Ondreja Sladkoviča.“ Собраніе соч. его вышло въ 1861-мъ году въ Б. Быстрицѣ, подъ редакцію Викторина, самое-же полное собраніе всѣхъ его стихотвореній находится въ LI томѣ Кобровой „Народной Библіотеки“ (Прага, 1878).

²⁾ Hlas k Nitře, Potěcha, Ctibor.

ничуть не мѣшало ему ревностно продолжать свои занятія. Излюбленнымъ чтеніемъ его теперь была философія Гегеля. За это время изъ болѣе крупныхъ своихъ произведеній онъ написалъ „*Sověty v rodine Dušanovej.*“ На возвратномъ пути изъ Галле (въ іюнѣ 1844 г.) онъ заѣхалъ въ Прагу, гдѣ посѣтилъ всѣхъ болѣе выдающихся патріотовъ и, по прибытіи на родину, получилъ мѣсто воспитателя въ дворянскомъ домѣ въ Рыбаряхъ, у слическихъ водъ. Здѣсь онъ написалъ свою „Марину“ и нѣсколько времени спустя—„Детвана.“ Въ 1847-мъ году Сладковичъ былъ назначенъ еванг. проповѣдникомъ въ Грохоть, Зволенской столицы. 1848-й и 1849-й годы принесли Сладковичу, ярому славянофилу, много непріятностей и нравственныхъ мученій. Послѣ революціи онъ переселился въ Радвану у Баньской Быстрицы, что спасло его отъ опошленія среди будничной обстановки, которое угрожало ему во время пребыванія его въ отдаленныхъ отъ центровъ селахъ. Здѣсь написалъ онъ всѣ свои остальные стихотворенія и сочиненія религіознаго характера. Въ 1860 году жизнь Сладковича въ Радванѣ сильно ухудшается, благодаря патенту (1 сент. 1859 года) касательно внутренняго устройства и государственнаго положенія еванг. церкви, объ исполненіи котораго онъ заботился съ необыкновеннымъ усердіемъ. Лица, относившіяся непріязненно къ Сладковичу, вооружили противъ него почти весь его причтъ, и съ этихъ поръ первѣйшему словацкому поэту пришлось безпрестанно бороться съ непріязнью людей и заботою о насущномъ хлѣбѣ. Не желая вѣрять, чтобы поэтъ могъ имѣть „въ груди воду“ (т. е. грудную водянку), Сладковичъ умеръ 20-го апрѣля 1872 года, отъ грудной болѣзни.

Въ первую годовщину смерти поэта, почитатели его таланта осыпали его могилу цвѣтами и посадили на ней сла-

вянскую липу. Во время этого торжества Янъ Ботто произнесъ слѣдующую прекрасную рѣчь:

Zasad'me lipu! ¹⁾

Lipu slovenskú slavnému spevcovi.

Však lipa jak pieseň jeho živá:

Zeleň vôňa i slasť i tieň.

A mat' nam i zelene pre smútkom zašlé oko,

Mat' i vône pre vzduch svetom nakazený,

I slasti pre mladé naše roje,

I tienu k odpočinku pregladiatorov.

Какъ человѣкъ Сладковичъ былъ образцомъ истиннаго мужа: воплощенное благородство, скромность и непоколебимость были отличительными чертами его характера. Всѣ бѣдствія, а таковыхъ было не мало, онъ переносилъ съ стоическимъ хладнокровіемъ. Будучи отъ природы идеалистомъ, онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ низменной повседневной политикѣ, считая её лишь утонченною хитростью и твердо вѣруя, что только истинное образованіе можетъ дать благосостояніе народу и поможетъ этому послѣднему добиться своихъ человѣческихъ правъ. Инославянскіе и иностранные языки Сладковичъ изучалъ безо всякой грамматики, чисто практически; онъ отлично зналъ языки: русскій, польскій, французскій, англійскій, нѣмецкій и мадьярскій. Излюбленнымъ чтеніемъ его были произведенія Коллара, Шиллера, Пушкина и Хомякова.

Первымъ большимъ произведеніемъ Сладковича являются

¹⁾ Посадимъ липу! Липу словенскую — славному пѣвцу! Вѣдь липа такъ же жива, какъ и его пѣсня: зелень, благоуханіе, сладость и тѣнь. Она имѣетъ зелень (надежду) для очей помраченныхъ печалью, имѣетъ благоуханіе для атмосферы, пропитанной свѣтомъ, и сладость — для нашего молодого роя, и тѣнь — для отдыха гладиаторамъ.“

„Sověty v rodine Dušanovej,“ написанные имъ въ Галле, въ 1843—44 г. Это философское, фантастическо-аллегорическое произведение начинается изреченіемъ Гегеля: „Das Gemüt des Menschen ist gross—der ganze Olymp versammelt sich in seiner Brust“ и является апофеозомъ идеи нѣмецкаго философа. Сладковичъ попытался изобразить въ немъ принципъ добра и зла, олицетворенныхъ въ аллегорическихъ фигурахъ всѣхъ духовныхъ силъ человѣческой природы, но благодаря этому поэтическая сторона произведенія пострадала, и въ немъ преобладаетъ одно лишь голое умствованіе, которое едва-ли можетъ удовлетворить читателя, ищущаго въ стихахъ поэзіи.

Другимъ лирико-эпическимъ произведеніемъ Сладковича, во вкусѣ Чайльдъ-Гарольда, Онѣгина и Дочери Славы была *Марина*. Девятнадцатилѣтній Штивницкій лицеистъ, въ бытность свою воспитателемъ (1839 г.) въ домѣ обывателя Пипля, влюбился въ дочь хозяина; любовь эта не прекращалась и послѣ отъѣзда Сладковича въ Пресбургъ и Галле. Но на пятый годъ, въ 1844-мъ году, судьба послала ему тяжелое испытаніе: за возлюбленную его посватался богатый молодой женихъ, и неокончившій еще курса богословъ лишился прежняго расположенія сначала у маменьки возлюбленной, а потомъ и у самой дочки. Душа его была глубоко потрясена. Онъ снова погрузился въ чтеніе своихъ любимцевъ: Коллара, Пушкина и Шиллера. Сладость и муки любви, благодаря которымъ великій поэтъ увѣковѣчилъ свою Мину, и мощная славянская идея въ его произведеніи, богатство мыслей, чарующая форма „Онѣгина“ и пламенные рефлексъ нѣмецкаго идеалиста вознаградили его за утраченную любовь; геній его создалъ „Марину,“ написанную имъ зимою 1844 г.

Занимательна судьба этого произведенія. „Это было именно въ 1845-мъ году,“ рассказываетъ Янъ Калинчакъ, „когда я вернулся изъ Галле и принялъ участіе въ Татринскомъ об-

ществѣ въ св. Микулашѣ, у нашего добраго Годжи. Братъ его былъ священникомъ; онъ далъ намъ прочесть рукопись Андрея Сладковича, присланную имъ въ св. Микулашъ для напечатанія въ „Татринѣ.“ Это была „Марина.“ Молодежи собралось тогда въ св. Микулашѣ много; состояла она преимущественно изъ пресбургскихъ изгнанниковъ и ихъ левочскихъ сверстниковъ. Подъ управленіемъ Францисци они создали себѣ въ Левочѣ новую особую жизнь. Воспитанные въ Штуровомъ ригоризмѣ, не признававшемъ иной жизни, кромѣ жизни ради народа, они составили промежь себя Братство, девизомъ котораго были: умѣренность, воздержаніе и безбрачіе, ради того чтобы молодые люди оставались независимыми и свободно могли бы посвятить себя одной главнѣйшей цѣли: дѣйствовать въ пользу народа. Поэтому не одинъ презрительный взглядъ былъ брошенъ на насъ, читающихъ такія „сладенько-любовныя“ вещи, какими являются, на примѣръ, первые три куплета „Марины.“

„Ja sladké túžby, túžby po kráse ¹⁾
 Spievam peknotou nadšený,
 A v tomto duše mojej ohlase
 Svet môj je celý zavrený;
 Z vysosti Tatier ona mi svieti,
 Ona mi z ohňov nebeských leti,
 Ona mi svety pohýna:
 Ona mi kýva zo sto životov:
 No centrom, živlom, nebom, jednotou
 Kras mojich moja Marina!“

¹⁾ Вдохновенный красотой, пою мечты, мечты о красотѣ, и въ этомъ отзвукѣ моей души замкнулся весь мой міръ; она сіяетъ мнѣ съ высоты Татровъ, она слетаетъ ко мнѣ съ небесныхъ свѣтилъ, она наклоняетъ ко мнѣ міръ, она прिवѣтствуетъ меня изъ сотенъ жизней; но средоточіемъ, стихією, небомъ, совокупностью всѣхъ этихъ красотъ является мнѣ моя Марина!—Подобно

„Jako vy Tatry, keď oblak zlatý
 Na hory svoje hodite:
 Tak ona duchom svojim mi šati
 Tône v života úsvite.
 Jako vy tam hor, božie plamene,
 Svetial jste žriedla, fakle, korene:
 Ona blesk myšlienky mojej.
 Jako vy, večné svetov zákony,
 Harmonij božich čarovné tony:
 Tak tá mne os, zenit, koľaj!

Jestli sa city moje rozlejú
 Po srdciach v Tatrách žijúcich;
 Jestli ohlasy moje zavejú
 Kradmo do časov budúcich:
 Rodáci mojej duše, krajiny,
 Objimte obraz mojej Maríny
 L'ubost'ou svätých predmetov;
Toho, čo spieva krásy dejiny,
Nejali Lady rozmariny
On ľubi ľubost' všesvetov.“

Эти строфы показались нашей тогдашней молодежи чѣмъ-то въ высшей степени пошлымъ, неславянскимъ. „Марина,“ хотя она и была въ то время единственнымъ словацкимъ лирическимъ произведеніемъ въ сравнительно большихъ размѣ-

вамъ, Татры, когда вы бросаете свое золотое облако на свои лѣса, она освѣняетъ меня своимъ духомъ на зарѣ моей жизни. Какъ вы, Божьи огни, въ вышинѣ, источники и начало свѣта, такъ она освѣщаетъ мою мысль; подобно вамъ вѣчные законы міровъ, очаровательные тоны божественной гармоніи, она мнѣ—зенитъ, колея и весь міръ!—Если чувства мои изольются въ сердца жителей Татровъ, если признанья мои дойдутъ тайкомъ до будущихъ временъ: родичи души моей, мои земляки, полюбите образъ моей Марины, какъ святыню; того, кто воспѣваетъ дѣянія красоты, не увѣщаютъ цвѣты Лады,—онъ любитъ лишь любовь вселенной!“

рахъ, тѣмъ не менѣе являлась на ихъ юный взглядъ чѣмъ-то грѣховнымъ какъ противъ словацкой идеи, такъ и противъ словацкой будущности,—ибо, говорили они: „кто занятъ народомъ, тотъ не можетъ заниматься такими вещами.“

Одинъ только Калинчакъ, поддерживаемый Годжей, остался защитникомъ осмѣиваемаго произведенія. Эфемерное усердіе на время взяло верхъ и эти двое защитниковъ должны были смотрѣть, какъ другіе величественно показывали головой надъ ихъ мнимыхъ заблужденіемъ. Сладковичъ узналъ обо всемъ этомъ впервые въ 1862-мъ году, послѣ того какъ Калинчакъ напечаталъ въ журналѣ свои „Воспоминанія.“ Но какая же была судьба „Марины?“—Такъ мѣняются времена! Молодые люди, осуждавшіе её, въ концѣ концовъ пережились, зрѣлый возрастъ принесъ съ собою иные взгляды, они-же сами подали голосъ въ нашихъ газетахъ о томъ, что-бы произведенія Сладковича были изданы ради этой же „Марины“¹⁾.

„Марину“ конечно нельзя разсматривать съ точки зрѣнія эпической композиціи. Она не эпична даже на столько, на сколько эпиченъ „Онѣгинъ;“ да и въ самой „Дочери Славы“ больше разговорнаго элемента. Дѣйствіе „Марины“ это тонкая канва (мѣстами даже прорванная), по которой поэтъ рассыпалъ настоящіе перлы богатой рефлексіи. Душа его горѣла идеями красоты, любви и патріотизма; онъ мечталъ объ истинѣ, размышлялъ о жизненномъ вопросахъ и въ священномъ своемъ восторгѣ хотѣлъ объять весь видимый міръ и невидимый. Это былъ фаустовскій періодъ юной души, переживать который приходится всякому мыслящему человѣку.

¹⁾ „Sokol“, I, 446; произведеніе, не принятое „Татриномъ“, издалъ Янъ Кадавий въ 1846 г., въ Пештѣ. О „Маринѣ“ писали: д-ръ Гурбанъ (Slov. Pohl', 1847); Микулашъ Догбанний (Orol. Tat. 1847); Янко Калинчакъ (Sokol, 1862 г.); Богумиль Янда (Lumir, 1863 г.); Витязославъ Гоудекъ (Světozor, 1878 г.) и Иосифъ Малакъ (Slov. Pohl'. 1887).

И такое настроеніе вызвала въ немъ его несчастная любовь.

Подобно тому, какъ Колларъ преобразилъ свою нѣмку Мину въ идеалъ славянской дѣвы и въ концѣ концовъ въ существо божественное, такъ и Сладковичъ изъ Штявницкой мѣщанки, забывшей по слову своей маменьки гениальнаго юношу ради „хорошей партіи,“ создалъ идеалъ словацкой дѣвы, а затѣмъ превратилъ ее въ какое-то неземное существо. Поэтъ представляетъ намъ свою Марину, какъ она поетъ въ своей свѣтелѣ, какъ она вечеромъ ложится въ свою постельку и поутру просыпается вновь, какъ она тоскуетъ, скорбитъ и мечтаетъ, какъ она рветъ цвѣты въ саду, вьетъ изъ нихъ вѣнки и ловитъ мотыльковъ. Затѣмъ слѣдуютъ сцены, когда Марина отталкиваетъ отъ себя богатаго старика-жениха, присягаетъ въ вѣчной вѣрности своему возлюбленному, но не будучи въ состояніи дѣйствительно принадлежать ему, обращается въ Вилу, летаетъ со своимъ другомъ по Ситнѣ, по горамъ и всей словацкой землѣ, возноситъ его къ поднебесью, гдѣ звучатъ сферы и эоловы арфы, и, наконецъ, когда онъ отрывается отъ личной любви къ ней, она замѣняетъ свою любовь къ нему любовью къ своему народу и міру, и возвращается на землю.

Вотъ главнѣйшіе моменты поэмы. Первая половина ея реальнѣе, дѣйствіе происходитъ на землѣ, потому и краски поэта тутъ свѣжѣе и дышутъ жизнью; Марина поетъ, Марина вечеромъ и утромъ, Марина въ саду—это все картины, которыя навсегда сохраняются для словацкой поэзіи. Последняя картина соперничаетъ даже съ Мицкевичевою Зосею въ саду. Въ другой половинѣ поэмы уже много тѣней. Рефлексія, такъ мило ютившаяся тамъ среди эпическихъ элементовъ, расплывается тутъ въ туманѣ Ситнянскихъ вершинъ, въ фан-

тастическихъ танцахъ Сирень и Вилъ на свадьбѣ сатаны. Но все это обуславливается уже самою основою произведенія. И Колларово славянское небо не грѣветъ, а лишь ослѣпляетъ; въ общечеловѣческомъ раѣ Данте тоже слышатся развѣ лишь неясные, отрывочные тоны великой души, которая уже перечувствовала всевозможныя человѣческія муки и наслажденія.

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ Сладковичева слога въ „Маринѣ“ является гипербола. Эротическія произведенія всѣхъ литературъ обладаютъ этою чертою. Впечатлѣніе сильно, но сильно должна быть и рука поэта. Мы испытываемъ пріятное чувство, когда Сладковичъ разсказываетъ, какъ природа вмѣстѣ съ золотистою зарею взглянула въ окошко его возлюбленной, или когда ему чудится, что красота спящей дѣвы воплощается въ ангела, или когда онъ чувствуетъ, какъ затихъ вѣтерокъ, какъ перестали шелестѣть лепестки и листики цвѣтовъ, какъ зардѣлся востокъ, когда заплѣла Марина. Но не легко удерживается иллюзія, когда поэтъ, изобразивъ дѣву, украшенную всѣми прелестями женственности, собирающею ягоды, мечтающею у морскаго берега или-же молящеюся ото всего своего пламеннаго сердца, потомъ вдругъ заявляетъ, что все это не похоже даже и на тѣнь его Марины, когда послѣдняя сидитъ, мечтаетъ или молится! Тутъ уже не помогаетъ поэту и его просьба: „*bájočným tváram mojich výrazov, zázračným farbám mojich obrazov vieru nedajte udusiť!*“ Великія слова заглушили великое чувство.

Д-ръ Гурбанъ прекрасно охарактеризовалъ степень поэтического развитія въ авторѣ „Марины:“ „Идеи Сладковича пламенны, какъ пламенна его юная душа, форма ихъ такая же, какъ и они сами, еще не сложившаяся, не скристаллизовавшаяся; все это стилистическія попытки, изъ которыхъ разовьется настоящій классическій стиль поэта. Манера творчества

и такъ называемый стиль у Сладковича—еще въ зародышѣ, но они разовьются.“ И они развились. „Детвань,“ написанный три года спустя, обличилъ въ авторѣ уже истиннаго художника.

Тѣмъ не менѣе жестоко ошибся бы каждый, кто счелъ бы „Марину“ исключительно величиною историко-литературною. Если мы, послѣ чешскихъ стиховъ, являвшихся у насъ въ 40-хъ годахъ, или даже послѣ стиховъ Голаго, возьмемъ въ руки „Марину,“ то не можемъ сейчасъ-же не почувствовать свѣжаго и теплаго дыханія современной, народной, живой поэзіи, которая полною струею льется изъ ея строфъ. Въ этомъ-то и состоитъ заслуга новѣйшей романтики во всѣхъ литературахъ, въ этомъ заслуга „Марини“ и у Словаковъ. Сладковичъ первый у нихъ дерзнулъ высказать все, что чувствовалъ, и такъ высказать, какъ чувствовалъ. Для тысячъ Словаковъ онъ воспѣлъ нѣгу и мѹки молодой души, расправляющей крылья для высокаго полета, пламенной струей излилъ онъ на бумагу весь жаръ первой любви, въ трогательныхъ словахъ увѣковѣчилъ онъ безповойный духъ, обнимающій своею мечтой весь міръ; онъ первый въ прекрасныхъ и живыхъ краскахъ изобразилъ стремленія Словаковъ, словацкую природу и самого Словака. Его мастерски и сильно выраженные строфы, его золотыя слова о молодости, красотѣ и любви, его звучная, богатая, для тѣхъ тяжелыхъ временъ варождавшейся литературы ясная и опредѣленная рѣчь—цѣнны не только для литературы, но и для жизни. Сдѣлавшій предпочтеніе „Детвану,“ все таки всегда охотно и съ удовольствіемъ долженъ будетъ возвратиться къ „Маринѣ,“ которая такъ-же кипитъ, бурлитъ и грезитъ, какъ кипѣла, бурлила и гредила душа двадцатилѣтняго поэта, когда на берегахъ Грона думалъ онъ свою вѣчную думу юности.

Успокоившись, мысль Сладковича стала больше обра-

щать вниманія на все окружающее. Она начала искать новаго идеала для поэзіи, и поиски ея были успѣшны: она нашла его въ собственномъ своемъ народѣ. Въ „Маринѣ“ Сладковичъ оставилъ намъ „часть души своей,“ какъ выразился Мицкевичъ,—въ „Детванѣ“ же онъ оставилъ намъ часть души своего народа. Обширная поэма „Детванъ“ („Detvan“ 1847 г.) вознесла Сладковича на вершину его художественнаго творчества. Поэма эта не воспѣваетъ міровыхъ событій, не является она и могучимъ эпосомъ; это просто на просто идиллія, въ которой поэтъ, слѣдуя указаніямъ своего генія, рассказываетъ, какъ въ груди народа непризнаннаго забытаго, угнетеннаго выпить, волнуется и растетъ сохранившаяся благодаря крѣпкой натурѣ жизнь, общающаяся ему въ будущемъ все, чего не дала ему вѣковая непріязнь судьбы ¹⁾).

„Детванъ,“ какъ и предшествующія произведенія Сладковича, долго бродилъ безъ устали по свѣту пока не попалъ, наконецъ, въ руки Калинчака, бывшаго тогда учителемъ въ Модрѣ. Калинчакъ передалъ его д-ру Гурбану, который, оцѣнивъ вполне достоинства произведенія, напечаталъ его въ V томѣ своего альманаха „Nitra,“ въ 1853-мъ году.

Статный Мартинко Гудцовъ беззаботно проводитъ дни своей юности на родинѣ, въ Детвѣ, и любитъ Елену, красивѣйшую дѣвушку во всемъ околоткѣ. Король Матвѣй Корвинъ (ко времени котораго относится дѣйствіе поэмы), охотится по близости. Мартинъ, блуждая по лѣсу, замѣтилъ вдругъ сокола, который преслѣдовалъ молоденькаго зайчика. Недолго думая, Мартинъ убиваетъ сокола и, узнавъ, что онъ принадлежитъ королю, несетъ къ нему убитую птицу. Королю понравился стройный юноша, онъ съ улыбкою говоритъ послѣднему, что вознаградить себя за потерю, поймавъ са-

¹⁾ „Sokol,“ 1862 г. 446.

мага лучшаго сокола на его родинѣ. И дѣйствительно, король поймалъ! Вербовщики забрали Мартина и зачислили его въ ряды извѣстнаго Чернаго полка.

Произведение дѣлится на пять пѣсенъ (Martin, Družina, Slatinský jarmak, Vohl'ady, Lapačka). Поэтъ начинается свою идиллію слѣдующими многозначительными словами:

„Vo víchricach žitia, v tvrdých časov boji ¹⁾.
 Ten Ťud svôj pozrime, vrstovníci moji!
 Veky nám uchytia ty svitania žiary,
 Zmiznú, jako 'v dyme obet' na oltári.

Jako obet' stlejú—bodaj by len stlely,
 Aby sme svet nový, vek slávy videli:
 Leš dúhu nádeje ktože z nas nel'ubi?
 A let sokolový, a zelené duby?

A drumble dievčej žiaľ, a spevavé pole,
 A jarú družinu, a nebové hole,
 A voľnú, svetlú dial', a mohutné sily,
 A tichú dedinu bysme nel'ubili?

Oj, ved' každá krása len chvíločku žijé,
 A sladká hodina len jeden raz bije;

¹⁾ „Мои сверстники! Въ жизненномъ вихрѣ, среди борьбы тяжкихъ временъ, взглянемъ на нашъ народъ! Вѣка похитятъ у насъ этотъ первый блескъ зари, и онъ исчезнетъ, какъ жертва на алтарѣ. Какъ жертва исчезнетъ, — о если бы исчезъ, чтобы мы могли увидѣть новый свѣтъ, вѣкъ славн: но кто же изъ насъ не любитъ надежды? Неужели же мы не стали бы любить. полетъ соколиный, зеленые дубы? А печаль скорбной дѣвичьей пѣсни, а поле оглашаемое пѣснями, а дружину весны, а просторъ небесъ, и свободную свѣтлую даль, а мощныя силы, а скромную деревню—неужели-же мы не полюбимъ все это? Ахъ, вѣдъ всякая красота живетъ лишь одно мгновенье и сладостный часъ бьетъ всего однажды; красота боится красоты, одинъ часъ боится другого. И такъ братья мои, идемъ за мной въ словацкія долины“

Krásy krás boja sa, čas času sa bojí:
V slovenské doliny so mnou bratia moji!“

И вотъ мы среди долинъ Детвы. Вокругъ насъ тянутся обрывистыя вершины Разбойничьей Поляны и теряющіяся въ облакахъ, какъ-бы желая коснуться небесъ, скалы. Кругомъ ихъ богатые луга съ извилистыми тропинками и дорожками для овецъ; очаровательный видъ на горы, ущелья и дебри, на сотни долинъ, въ которыхъ расположены сотни деревень. Протяжные звуки флейты и однообразное побрякиванье бубенчиковъ на шеяхъ овецъ, раздающіеся въ чистомъ воздухѣ, нарушаютъ тишину, царящую повсюду. „Легкою стопою“ шествуемъ мы мимо цѣлаго ряда прекрасныхъ жанровыхъ картинъ. Вотъ мать жнетъ на полѣ, и пѣсня ея, подъ аккомпаниментъ шелеста столѣтнихъ дубовъ, убаюкиваетъ ея ребенка. Воскресенье. Солнце склоняется къ западу. На зеленой лужайкѣ пляшутъ детванскія дѣвушки и поютъ: „odňalit' slunci zlaté hodiny, aby her jich nebužilo.“ Красавица Елена—царица среди нихъ, она зазываетъ своего статнаго Мартина, который, подхвативъ её и обернувшись съ нею два раза въ танцѣ, исчезаетъ. Мы видимъ его на широкомъ уступѣ горы. Онъ шелъ, самъ не зная куда, перепрыгивалъ черезъ скалы, самъ не зная, зачѣмъ, и, наконецъ, совершенно машинально заигралъ на своемъ рожкѣ; онъ слѣдовалъ влеченію своего сердца. Меланхолическіе звуки его рожка шевелятъ молодыми листьями яворовъ и разстилаются по долинамъ, служа доказательствомъ, что въ груди Мартина кипитъ юная жизнь. Затѣмъ онъ вдругъ умоляетъ и

„Pokojík si postel' popráva ¹⁾
Na mladistvej jeho tvári:

¹⁾ „Покой распространяется по юному лицу его, голосъ его постепенно грубѣетъ, взоры теряютъ прежній блескъ, пальцы едва едва блуждаютъ по от-

Pomaly hlasy jeho sa mocú,
 Vždy mu temnejšie oči bliskocú
 Prsty na dierkach len blúdia,
 Fujara padá—i laket' padá—
 Travou sa prestre postava mladá,
 V zrakoch driemoty sa budia.
 A list'a šumí nad jeho hlavou,
 Tóna chladí dňa sparňavu,
 Materia dúška s d'ateľnou trávou
 Dýchajú naň moc voňavú;
 Ostatnie v duši obrazy hasnú,
 Mhla ide zastret' veselost' jasnú,
 Cit za citom v ňom sa lomí—
 Nič v ňom už nehrá—všetko učúchne—
 Až slabost' mocná z ticha vydúchne
 I ostatnie povedomie.“

Ночь. Шалашъ. Мы на вершинѣ Разбойничьей Поляны; кругомъ громоздятся скалы; блѣдный свѣтъ луны, смѣшиваясь съ полутьмою, отражается на нихъ. Дудки играютъ, парни пляшутъ, старый овчаръ вращаетъ надъ догорающимъ костромъ вертелъ съ бараниною. Это—поистинѣ демоническая картина; впечатлѣніе, получаемое нами при взглядѣ на нее, подобно впечатлѣнію отъ картинъ Дорé. Заря едва-едва начинаетъ золотить горныя вершины, свѣжая роса, какъ жемчугъ, блеститъ при блескѣ восходящаго солнца, золотые лучи котораго отражаются въ волнахъ Грона. Пастухъ играетъ

верстѣямъ свирѣли, свирѣль падаетъ,—рука опускается тоже, молодое тѣло простирается на травѣ и очи смыкаются дремотой.—Листья шумятъ у его изголовья, тѣнь охлаждаетъ зной дня; материнка и дялова трава шлютъ ему свое благоуханіе; вотъ въ душѣ его гаснутъ послѣдніе образы, туманъ прикрываетъ ясную веселость, одно чувство исчезаетъ за другимъ, ничто уже не движется въ немъ—все утихло, пока крѣпкій сонъ не изгонитъ изъ него и послѣдню искру сознанья.“

на черешневой свирѣли, и, вдругъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, передъ нашими взорами закипѣла, зашумѣла, загрохотала Слатинская ярмарка и вмѣстѣ народный праздникъ Словаковъ. Но вотъ мы снова среди тишины, на простой скамьѣ возлѣ хижины. Трогательная сцена появленія молодой дѣвушки сливается съ сильнымъ описаніемъ проявленія чувствъ, душевныхъ стремленій и желаній словацкаго юнака, который уже на всегда разстается со своею возлюбленною. Наконецъ, мы снова въ вихрѣ веселой жизни, среди пѣсенъ и танцевъ. Шпоры звенятъ, пѣніе и крики, басы гудятъ, кларнеты то пищатъ пронзительно, то звучатъ пріятно, гусли плачутъ жалобными дрожащими тонами,—и среди этой сумятицы раздается звукъ цимбаловъ:—удалой отрядъ вербовщиковъ набираетъ молодцевъ въ свои ряды. Вербовщики киваютъ головами въ сторону дѣвушекъ, съ любопытствомъ тѣснящихся у дверей хижинъ, и вызываютъ изъ устъ матерей проклятья. Съ этимъ отрядомъ вербовщиковъ исчезаетъ и нашъ герой.

Характеръ Мартина обрисованъ геніально, какъ въ духовномъ и внѣшнемъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи его идейнаго значенія. Мартинъ—олицетвореніе характера словацкаго народа. Онъ долженъ идти на войну за то, что сжалился надъ безвинно преслѣдуемымъ зайчикомъ. Онъ сознаетъ, что вовсе не заслуживаетъ назначенной ему кары, но знаетъ также хорошо и то, что неизбѣжно долженъ покинуть сѣдого старика отца, рыдающую мать, убитую горемъ Елену, горы, лѣса Разбойничьей Поляны и, не смотря на это все, безропотно покоряется своей судьбѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ не теряетъ своего индивидуальнаго характера, не страшится короля и спокойно высказываетъ, чего ему хочется. Хотя и неохотно, онъ все же разстается со своею гунею (верхняя одежда), фуярою, кушакомъ; подчиняясь съ гордымъ созна-

ніемъ року, онъ разстається и со своею валашкою, но кудрей, этого украшенія, даннаго ему самою природою, онъ не позволяеть остричь ни за что:

„Hej, byst'u svetu, ani kráľovi!
Radšej dolu celú hlavu....
Bez nich by moja Elena milá
Martina svojho ver nel'úbila—
Taku ovcu ostrihanú!“¹⁾

Одинаково вѣрна и обрисовка Елены. Это—одаренное прекраснымъ сердцемъ дитя-самородокъ. Милаго своего она любитъ выше всего на свѣтѣ: если онъ одинъ только вечерокъ запоздаетъ или совсѣмъ не явится „у стѣны“, она всюду ищетъ его по лѣсу, на базарѣ; не обращаетъ никакого вниманія на короля Матвѣя и его придворную роскошь,—ничто постороннее не интересуется ее. Съ какимъ негодованіемъ принимаетъ она заискиванія переодѣтаго короля! Мы не могли-бы предположить въ ней такой способности, видя, какъ она снова сидитъ со своимъ Мартиномъ на крылечкѣ, ласкается, украшаетъ его цвѣтами, играетъ кольцами его кудрей, круглою шляпой, и не чувствуя даже, что это уже послѣдній такой блаженный вечеръ. Узнавъ о томъ, что милаго ея уже нѣтъ, она въ отчаяніи заливается слезами, хочетъ слѣдовать за нимъ повсюду, лишь бы только съ нимъ! „Oj, ale matí, mat' moja“—припадаетъ она ко груди матери и остается одинокою, осиротѣлою.

Достоинства поэзіи Сладковича двояки: въ отношеніи *повѣствованія* и въ отношеніи *рефлексіи*. Въ мастерскомъ изображеніи народа, его жизни, даже каждаго его душевнаго

¹⁾ „Гей, ни міру, ни королю!—пусть лучше снимутъ всю голову.... Безъ нихъ (кудрей) моя милая Елена не любила бы своего Мартина—такую стриженную овцу!“

движенія въ пылу восторга или печали, поэтъ является художникомъ-миніатюристомъ: одно, два слова,—и прекрасныя пестрыя грандіозныя картины, сцены, мысли, типы-готовы. Взглянемъ для примѣра хоть на описанія словацкаго танца „гайдукованія,“ (названнаго такъ по мѣстности), костюма и фигуры Мартина, гайды, энергіи Мартина, его собаки Бѣлки, Дикой Поляны, волибъ (шалашей) пастуховъ и овчаровъ, цыганъ-музыкантовъ, утра, ночи и особенно чудесной „друмли“ (моравская грумля), затѣмъ вербовки и вербовщиковъ,—все это переливается живыми красками, все это одухотворено извѣстною идеею. Янко Краля пріобрѣлъ расположеніе Людевита Штура преимущественно за свою пѣсню: „Dvapa-sti na krčme muzikanty hrajú“ („Нитра,“ II ч.). Но какая же разница между тѣмъ и другимъ и въ пластикѣ, и въ свѣжести красокъ! Образы Краля въ сравненіи съ образами Сладковича—туманныя картины.

Нарисовавъ свои картины, Сладковичъ пытается охарактеризовать словацкій міръ, его мечты, его прелесть, его борьбу съ дѣйствительностью, и насколько рефлексія тутъ интенсивнѣе, насколько логичнѣе и естественнѣе она въ самыхъ смѣлыхъ размахахъ кисти художника, нежели въ предыдущей поэмѣ его! Вотъ въ какихъ чертахъ дѣлаетъ поэтъ характеристику своего подтатранскаго народа:

„Lebo to má l'ud ten špatnokrásny ¹⁾,
Ze radosti v bôl'och spieva

¹⁾ Этотъ скверный и вмѣстѣ прекрасный народъ имѣетъ ту особенность, что среди печали поетъ про радости; мнится, будто онъ—счастливѣйшій изъ счастливыхъ, мнится, что онъ изнемогаетъ отъ горя: да такъ оно и есть въ дѣйствительности. Онъ чувствуетъ бѣдствія, которыхъ впрочемъ не сознаетъ, и которыя извѣстны только передовымъ людямъ его; жизнь его всегда улыбается, страхъ чуждъ ему, чужды и надежды, которыя оживляютъ нашъ міръ.—Запоетъ ему птица, сидя на горной соснѣ, онъ чувствуетъ, о чемъ поетъ ему птица:

Zdá sa ti, že je nad šťastných šťastný,
 Zdá sa, že v žiaľoch omdlieva:
 A tak je. Jeho cit žiale tuší,
 O ktorých jeho svedomie čuší,
 Ktoré v ňom len múdri znajú:
 A život jeho, ten vždy se smeje,
 Strach mu je cudzím—cudzie nádeje,
 Co svet ten naš previevajú.“

„Zaspieva mu vtáča na kosodrevine,“
 On cíti, čo vtáča spieva:
 „Co komu súdeno, veru ho nemine,“
 To čuť v speve sa domnieva;
 Zdá sa mu, že niet krem bied zdedených,
 Žije v radost'ach nepremenených
 Tak jako žil v nich jeho ded:
 Minulost' peknú sám si vybájl
 A budúcnost' mu cele zatajil
 Nezvedavý jeho pohľad.“

„Za čím obyčaj žialit', požiali,
 Čim bavit', tym sa zabaví,

„что кому суждено, то съ нимъ и приключится,“ слышится ему въ этой пѣснѣ. Ему кажется, что въ мірѣ нѣтъ другихъ бѣдствій, кромѣ тѣхъ, которыя унаследовалъ онъ отъ предковъ; жить въ неизмѣнной радости, какъ жилъ его дѣдъ, прекрасное прошлое онъ создалъ себѣ самъ, что же касается будущаго, то собственное его нелюбопытство скрываетъ отъ него это будущее. О чемъ установлено обычаемъ пожалѣть, о томъ онъ пожалѣеть, чѣмъ обычай велитъ утѣшаться, тѣмъ утѣшится; поетъ то, что пѣли его старія матери, повторяетъ рѣчи своихъ предковъ; то разразится проклятіями, какъ громъ, то тутъ же желаетъ счастья тому, кого сейчасъ проклиналъ; то грозитъ, то снова утихаетъ, то поселится въ скромныхъ долинахъ, то вдругъ взберется на вершины, какъ молодой орленокъ, какъ и этотъ мой Мартинко.“

Spieva, čo staré matky spievaly,
 Reč pradedov svojich vraví:
 A hned' jako blesk hromov zakľaje,
Koho klial, tomu zas šťastia praje,
 Hned' v búrach je, hned' má pokoj;
 Hned' v dolinách sa tichých osadí,
 Hned' vrchmi lieta st'a orol mladý—
 Jako i ten Martinko môj.“ (17—19).

Или, въ другомъ мѣстѣ:

„Ne odt'ahuj sa od kvetu lipy ¹⁾,
 Že vidíš dub už s žalud'om;
 Cudzie t'a nikdy nesmiera vtipy
 S naším slovenským osudom!
 Musí sa v mále dokázat' verným
 Večne kto nechce zostať mizerným,
 Musí pučať, čo chce zkvitnúť;
 Kto, keď počuje žalmy škriváňa
 A ligotavú hviezdičku rána—
Neverí že musí svitnúť“?!)

Или, на примѣръ, какъ поэтъ рисуеъ положеніе словацкаго общества; словно самъ Рафаэль своею волшебною кистью изобразилъ на полотнѣ эти страдальческія лица, или же Фидій изваялъ ихъ изъ слоновой кости ²⁾:

¹⁾ „Не покидай цвѣтущей липы потому лишь, что ты увидѣлъ дубъ, покрытый желудями; чужой геній никогда не примиритъ тебя съ нашею словацкою судьбою! Кто не желаетъ на вѣки оставаться въ ничтожествѣ, тотъ долженъ быть вѣрнымъ и въ маломъ; что намѣрено разцвѣсть, должно прежде обрѣзывать почку. Кто же, услышавъ пѣсню ласточки и увидя мерцающую утреннюю звѣзду, не увѣруетъ, что уже скоро должно свѣтать?“

²⁾ „Sokol,“ I, 452.

„To je tá kliatba nášho života ¹⁾,
 To netopierstvo osudov
 V ktorých sa k nebu odzeme motá
 Miseráctvo našich bludov.
 Tá podlosť medzi duchom, prirodou,
 Medzi otroctvom, medzi svobodou,
 Medzi špatou, medzi krásou;
 Ked' nevieš, čo si? nemreš nežiješ;
 Len sa od skaly ku skale biješ
 Po jazere bl'ádých časov.
 Oj, videl som ja velebu slávy
 Na žitia toho výšinách,
 Videl som krásu tichej dúbravy,
 L'ud blahý v biednych dolinách;
 Videl som, moji druhovia, seba
 D'aleko zeme, d'aleko neba—
 Oj srdce mi divo búcha!
 A zašiel bych sa v tejto nevoľi,
 Čo by ste vy tu so mnou neboli,
 Vy—a voľnosť vášho ducha.“—(176, 177).

Сладковичъ никогда не искалъ словацкой жизни исключительно лишь на берегахъ Вага, Грона, среди мірской суеты, въ соколиномъ и орлиномъ полетахъ, въ Кривани, по

¹⁾ „Вотъ это проклятье нашей жизни, вотъ эта неприязнь нашей судьбы, среди которыхъ, между небомъ и землею, колеблется ничтожество нашихъ заблуждений. Вотъ низость между духомъ и природою, между рабствомъ и свободою, красотою и скверною, когда и самъ не знаешь, что ты такое? И не умираешь, и не живешь, а только бьешься отъ одной скалы къ другой по морю нашихъ ничтожныхъ временъ. О видѣлъ я прелесть славы на вершинѣ нашей жизни, видѣлъ я красоту мирной дубравы, видѣлъ я добрый народъ среди бѣдныхъ равнинъ, видѣлъ я, дорогіе друзья мои, и себя: вдали отъ неба, вдали отъ земли—о, сердце бѣшенно стучитъ въ груди моей! Я задохся бы среди этой nevoľi, если бы тутъ не было васъ, васъ—и свободы вашего духа.“

Татрамъ, но искалъ ее въ фактахъ, въ жизни и въ человѣческой душѣ. Дѣйствующими лицами у него являются простые сыны Разбойничьей Поляны, безо всякой, такъ называемой, полировки, но за то богато одаренные природой и вообще слѣдующіе влеченію своего добраго генія. Въ этой-то своеобразности и заключается все значеніе „Детвана.“ Въ этомъ отношеніи Сладковичъ не имѣлъ образцовъ, здѣсь онъ былъ вполне оригиналенъ. Но поскольку этому лучшему произведенію поэта нельзя отказать въ чисто Гомеровской пластичности, ясности и силѣ рефлексіи, по скольку всякій куплетъ его представляетъ собою отдѣльный небольшой идейный мірокъ, постольку-же нельзя отрицать и того, что поэтъ совсѣмъ не обладалъ способностью обобщенія, которая проявляется въ цѣльности композиціи и связуетъ эти обрывки въ одно еднородное художественное произведеніе. „Жаль, что это произведеніе осталось въ отрывкахъ, безъ конца и связки; судя по началу планъ его былъ великолѣпенъ, но судьба не дала ему возможности осуществиться,“—писалъ въ 1868-мъ году Б. Янда ¹⁾ о „Детванѣ.“ Но причиною этого является не судьба, а уже сама натура поэта: Сладковичъ былъ лирикомъ и въ эпическихъ своихъ произведеніяхъ.

Не смотря на недостатки въ композиціи, „Детванъ“ все таки принадлежитъ не одному лишь узкому кружку своей отчизны; ибо, если дѣло поэзіи—одухотворить всякое бытіе, увѣковѣчить всякую черту того міра, изъ котораго она вышла, то „Детванъ“ блистательно удовлетворилъ этой ея задачѣ. Въ немъ замѣчательно хорошо изображены какъ словацкая природа, такъ и словацкій народъ съ его словацкимъ же духовнымъ міромъ. Авторъ вполне справед-

¹⁾ „Lumir“, XIII, 17.

ливо заканчиваетъ это прекраснѣйшее изъ всѣхъ его поэтическихъ произведеній слѣдующими словами:

Rod mój, ty l'úb si svojho Detvana ¹⁾:

V ňom duša tvoja je zmal'ovaná.“—

потому что въ немъ поэтъ является для своего народа столь же великимъ философомъ, сколько и неподражаемымъ живописцемъ.

По окончаніи революціи Сладковичъ впалъ въ какую-то апатію и, начиная съ 1850-го года по 1853 годъ, лира его безмолвствуетъ. Заботы о матеріальныхъ нуждахъ и вѣчныя непріятности со стороны враговъ омрачаютъ его душу.

Ни одно изъ позднѣйшихъ его произведеній не достигаетъ уже высоты тѣхъ изъ нихъ, которыя были написаны имъ въ бурныя времена его юности.

Первымъ изъ послѣдующихъ сочиненій Сладковича является риэмованная повѣсть (въ стилѣ Байрона): „Милица“, тема которой почерпнута изъ эпохи паденія Сербіи. Напечатана она въ альманахѣ „Concordia“, 1858 года.

Прекрасная Милица сидитъ у прялки и прядетъ. Она мечтаетъ и пальцемъ чертитъ по запотѣвшему оконному стеклу крестъ (это — крестъ Сербовъ), а надъ нимъ букву J (начальная буква имени юнака). Старушкѣ-матери, заставшей её врасплохъ у мирной прялки, она, смѣшавшись, объясняетъ, что это изображеніе символа спасенія именемъ Іосифа. Въ комнатѣ снова закипѣла работа. Заходящее солнце золотитъ берега Савы; Милица выходитъ изъ дому, съ безпокойствомъ ожидая своего Ефрема. Мать уже давно спитъ; звѣзды рассыпались по небу и вотъ, наконецъ, въ ночной темнотѣ является онъ и отдыхаетъ у сильно взволнованной груди своей

¹⁾ „Народъ мой, люби своего Детвана: въ немъ изображена вся твоя душа.“

возлюбленной. Но онъ снова скоро уйдетъ и оставитъ еѣ въ слезахъ, которыя будутъ еще поутру блистать на ея щекахъ послѣ того, какъ мать разбудитъ еѣ блѣдною отъ ночи, проведенной безъ сна. Бѣлградскія стѣны покрылись тьмой; муэдзинъ съ вершины минарета прокричалъ уже свою молитву, а Сербъ и Турки посятители все еще сидятъ въ кофейнѣ „подъ Бѣлой звѣздой.“ Статный юнакъ бѣшеннымъ взоромъ окидываетъ мусульманъ и въ происшедшей ссорѣ убиваетъ ненавистнаго турка. Всѣ разбѣгаются. Злой паша произноситъ суровый приговоръ: отца убійцы заточить въ тюрьму, а возлюбленную юнака силою отвести въ гаремъ султана. Дѣвушка въ сильномъ безпокойствѣ томится въ роскошныхъ палатахъ, не обращая никакого вниманія на драгоценныя одежды. Она ищетъ дорогу, какъ выйти изъ своего заключенія, и не находитъ ея. Убитая, она возвращается назадъ, срываетъ съ себя одежды и драгоценности и не хочетъ слушать пѣсни своей рабыни. Все тихо. Черная служанка засыпаетъ среди своего пѣнія. Милица выбѣгаетъ изъ покоевъ, убиваетъ по дорогѣ раба-привратника и исчезаетъ во тьмѣ. „Свѣтаетъ; изъ за рощи уже блеснула начинающаяся зоря: юнакъ съ молодою дѣвою, на сѣромъ конѣ мчится къ Черной Горѣ.

Лирическія мѣста въ этомъ произведеніи великолѣпны; многіе эпизоды увлекаютъ читателя силою выраженія и художественностью; героиня очерчена яркими красками, но дѣйствіе въ первой половинѣ растянато. Ничѣмъ не мотивированное окончаніе поэмы не только изумляетъ, но прямо смущаетъ читателя. Задуманный эффектъ превращается въ существенный недостатокъ поэмы въ дѣлѣ композиціи. Что касается характеристики Юго-славянъ, то она сразу обличаетъ въ авторѣ отсутствіе собственнаго личнаго наблюденія; это уже не то блестящее изображеніе словацкаго народа, которое на всегда останется украшеніемъ „Детвана.“ Сладко-

вичъ зналъ сербскихъ дѣвушекъ, Саву, Бѣлградъ, Черную Гору—лишь по книгамъ.

Во время памятнаго св. Мартинскаго собранія, Сладковичъ, по всеобщему желанію, былъ приглашенъ увѣковѣчить эти знаменитыя минуты въ большомъ произведеніи. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, онъ издалъ свою „Святомартиніаду“, національную поэму, въ трехъ пѣсняхъ (Sv. Martin, Turice, Martinska hus). Это—длинное произведеніе на политическую тему. Воспѣвать какія-либо политико-соціальныя событія, лицъ, еще живущихъ, торжественныя рѣчи, безчисленные толпы—тяжелая задача для поэта. „Was unsterblich im Lied soll leben, muss im Leben untergehen!“ Временнаго и культурнаго значенія, конечно, у „Святомартиніады“ отнять нельзя, но въ другихъ отношеніяхъ она принадлежитъ лишь исторіи литературы.

Въ 1866-мъ году „Словенская Матица“ праздновала 300-лѣтній юбилей южно-славянскаго героя Микулаша Шубича Зринскаго. По случаю этого торжества она выпустила въ свѣтъ юбилейное изданіе „Pamätník“, наполненное историческими изслѣдованіями о времени Зринскаго и стихотвореніями на тему о его геройскомъ подвигѣ. Сладковичъ снова по приглашенію воспѣлъ знаменитаго героя въ большомъ эпическомъ произведеніи: „Gróf Mikulaš Šubič Zrinský na Sihoti.“ Тенденцію автора можно замѣтить уже въ первыхъ двухъ куплетахъ, (которымъ въ видѣ эпиграфа онъ предпосылаетъ Колларовы слова: мы дали Уграмъ Зринскаго“) и въ заключительныхъ строфахъ:

„Spievam na zrúcaninách hymnu slávy ¹⁾,
Milovník mieru, chválím boj krvavý.—

¹⁾ „Я, поклонникъ мира, пою на руинахъ гимнъ славы, прославляю кровавый бой.—Пѣснь моя вѣнчаетъ отрубленную голову, величаетъ слабыхъ павшихъ

„Hlavu odt'atú venčí pieseň moja,
 Velebí slabých, ktorí popadali,
 Žehná skončenie prežalostné boja,
 Ba, sebävraždu pieseň moja chváli,
 Viac mi nekoľki, než tisíci stoja,
 A tí velikí prichodia mi malí,
 Baránkovia sú mi levovia diví,
 Živí pomreli, pomretí sú živí!“

„Žiaľu niet v plači detvy o sirobe,
 Škody niet v smradnom shorenísk popole,
 Smútku niet tam, kde leží hrob na hrobe,
 Bôľa niet v ťažkých okovoch nevole,
 Kvil'by niet v temnej pohanskej porobe,
 Vzdychov niet, bodlač len kde rodí pole;
 Nič výsledky, nič budúcnosť a telo:
 Dej slavný v sebe sám je večné dielo!“

„Tristo rokov! Tristo rokov v zajatí
 Ležal Mikuláš gróf Šubič od Zrína!—

благославляет печальный исход битвы, мало того, пѣснь моя восхваляет самоубійство; нѣсколько для меня—дороже тысячей, и великіе въ сравненіи съ этими нѣсколькими кажутся мнѣ малыми, агиды—дикими львами, живые—умершими, умершіе—живыми!—Въ плачѣ дѣтей сиротъ нѣтъ печали, нѣтъ горя въ смрадномъ пепелищѣ послѣ пожара, нѣтъ скорби тамъ, гдѣ гробъ стоитъ возлѣ гроба, нѣтъ горя въ тяжелыхъ цѣняхъ заключенія, нѣтъ стона подъ мрачнымъ игомъ язычниковъ, нѣтъ слезъ тамъ, гдѣ поля рождаютъ лишь одно терніе, наука для меня—ничто, ничто будущность и тѣло, но событіе славное само по себѣ есть событіе вѣковое!—Триста лѣтъ! Триста лѣтъ лежалъ въ плѣну графъ Микулашъ Шубицъ Зринскій! Но вотъ онъ уже возвращается на родину,—ликуйте, хорваты! Уже близокъ,—ликуй, славянская семья! Мы не отдавали его Уграмъ—вотъ рука Всевышняго возвращаетъ намъ то, что у насъ отнято силою. Ура! воевода идетъ учить свой народъ, что, гдѣ нельзя жить вольно, тамъ вольно умереть!“

Už ide domov—tešte sa Horvati,
 Už ide—teš sa slovanská rodina:
 My „Uhrom“ sme ho nedali, hl'a vráti
 To, čo vzali nám, ruka Hospodina!
 Hej, učiť' ide svôj národ vojvoda:
 Kde žit' nevoľno, tam umret' svoboda!“

Произведение это тоже изобилуетъ богатствомъ мысли и живописными описаніями, но опять таки въ немъ, не смотря на всѣ старанія поэта, все-же недостаетъ характерныхъ чертъ эпоса и историко-топографической точности. „Графъ Николай Шубичъ Зринскій“—просто на просто историческій рассказъ про событія у города Сиготы, рассказъ вовсе не идеализированный, безо всякой драматической завязки. Прекрасный языкъ поэта и лирический восторгъ его мало вознаграждаютъ недостатки произведенія.

Мелкія стихотворенія Сладковича (исключая религ. сочиненій)—рефлексивныя или патріотическія произведенія. По этимъ стихамъ лучше всего можно судить, какія чувства питаль поэтъ къ своимъ Словакамъ и вообще ко всѣмъ Славянамъ, на сколько всякая печаль ихъ, всякая ихъ радость отзывались на струнахъ его лиры. Мысль Сладковича охватывала словацкій народъ съ тѣмъ-же жаромъ, наполняющимъ любовью всяческое существо, съ какимъ она переносилась на славянскій югъ, въ Балканы и Черную Гору, съ какимъ лънула къ Прагѣ, съ какимъ радостно шла на встрѣчу матушкѣ Москвѣ. Любовь, безконечная любовь была его душою, поэтому онъ является какъ-бы бьющею артеріею своего народа. Извѣстнѣйшія его рефлексивныя произведенія (какъ-то: „Hojže Bože“, „Letel mladý sokol“, „Hron“, „Preobrazenie“, „Rokey a věky“ и лебединая пѣсня: „Za tureckej vldy“) по силѣ характера и говорящей прямо сердцу нѣжности принадлежать къ лучшимъ трудамъ этого рода. Другія, патріо-

тическія произведенія, пѣсни орлинаго полета, полныя силы и огня, будутъ вѣчно имѣть цѣну не только для народа, но и въ художественномъ отношеніи. Сюда мы причислимъ слѣдующія: „More,“ „Krajanom,“ „Ohlas,“ „Zaspievam pieseň o svobodnej vlasti,“ „Novembrova дума,“ „Pozdrav,“ но главнымъ образомъ: талантливое стихотвореніе „Cerna Hora,“ философскіе взгляды поэта на юное Словенско, „Ne haňte ľud môj“ и Omladinám,“ эту молитву словацкой молодежи; она дѣйствительно возвышенна:

„Na smutných poliach požunských stáli my ¹⁾,
 Keď o Slovensko prvé kostky hraly,
 Titanský vrah stál pred nami malými,
 Jím hrôza triasla, my sme sa nebáli.
 Odkiaľ smelý ten zápal?—Nam velelo
Ludovítovo bohatierske čelo!

Dospelá junač! dnes už bežiš sama
 V hromady, čaty, skupštiny, tábory,
 Rušiaš už napred vlastnyma nohama
 A vlastnia k sláve päť vam dráhu bori:
 A muž do muža čoby ste odvisli,
Višeť budete, ale—neodvislí!“

Съ этими-то юнаками прощался онъ, завѣщая имъ:

„Učte sa, mládež, nové časy staly ²⁾,“

¹⁾ „Мы стояли на печальныхъ пожунскихъ поляхъ, когда впервые дѣло коснулось Словенска. Гигантскій врагъ стоялъ передъ нами, онъ былъ подобенъ бушующей грозѣ, но мы не боялись ничего. Откуда же этотъ смѣлый пылъ? Такъ намъ повелѣлъ богатырскій геній Людевита!—Мужь-юнаки! Теперь вы уже сами собираетесь въ кружки, собранія, скупщины и общества, теперь вы уже на собственныхъ ногахъ двигаетесь впередъ и собственная ваша рука открываетъ вамъ дорогу къ славѣ, и, если вы будете крѣпко держаться другъ друга, то, хотя и на висѣлицахъ, все-же вы будете независимыми!“

²⁾ „Учитесь молодые люди, теперь настали новыя времена; до сихъ поръ

Dosiaľ len slavní boli tí, čo bijú;
 My sme robili, iní si písali—
 Zlodeji, lhári—našu historiju:
Učte sa, cvičte ho vymruť poeti—
Beda nám v hrobe, otcom nemŕch detí!“

Что-же касается того, что и гений Сладковича имѣлъ свои минуты слабости (о чемъ свидѣлствуютъ стихотворенія: „Potecha,“ „Žaloba;“ „Mládenec,“ „K Nitre,“ „Ctibor,“ „Opilý svet,“ переводы изъ Гёте, Хомякова и друг.), то это ничуть не умаляетъ его величія: какъ-бы то ни было, онъ все-же останется не меньшимъ, нежели Колларъ, пророкомъ; но большимъ, чѣмъ онъ, поэтомъ.

„Spevec severa, brat duše mojej“ пѣлъ Андрей Сладковичъ о Пушкинѣ еще въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній и вполне справедливо. Онъ былъ для своего народа тѣмъ, чѣмъ для русскихъ былъ Пушкинъ, о которомъ Гоголь сказалъ, что онъ „заключилъ въ себѣ все богатство, силу и гибкость русскаго языка. Въ немъ отразилась русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ“ ¹⁾.

Если Сладковичъ былъ словацкимъ Пушкиннымъ, то современникъ его Само Халупка былъ словацкимъ Кольцовымъ или Беранже.

Само Халупка (Chalúpka) родился 12 февраля 1812 года въ с. Горной Леготѣ ²⁾, на Зволненскомъ Погронѣ. Онъ про-

славились только тѣ, что воевали; мы работали, а другіе (лжецы, злодѣи!) писали нашу исторію; учитесь, упражняйтесь, поэты перемрутъ,—горе въ могилахъ намъ—отцамъ нѣмныхъ дѣтей!“

¹⁾ Изъ характеристикъ поэзіи Сладковича, писанныхъ Словаками, самая удачная принадлежитъ перу Калинчака, въ „Rozpromienkach t. d.“ Ср. также Иванова „Оцѣнка литературной дѣятельности А. Сладковича“ въ Изв. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ Т. VII. 1882.

²⁾ Біографія его см. въ „Sokol,“ II, 1863 г., 146—148; „Orol,“ IV, 1873, 129; „Slovesnost,“ того-же года, стр. 11; „Svetozor,“ XV, 1880 г.

исходилъ изъ семьи, тоже отличавшейся литературными способностями и чисто словацкимъ характеромъ. Отецъ его, сорокъ лѣтъ служившій Горно-Леготскимъ еванг. священникомъ, и братъ Янъ тоже были писателями; они оба извѣстны въ литературѣ: одинъ—своими стихотвореніями, другой, какъ первый въ то время словацкій драматургъ. Учителя Халупки, извѣстный Янъ Благославъ Бенедикти, своимъ разумнымъ изложеніемъ классиковъ, и Матвѣй Сладковскій, своими цѣнными лекціями по славяновѣдѣнію, вывели его на надлежащій путь, который и безъ того уже былъ озаренъ для него лучами „Дочери Славы.“ Пробывъ пять лѣтъ въ пресбургскомъ лицѣѣ, Халупка отправился въ 1833-мъ году въ вѣнскій университетъ, такъ какъ поступать въ заграничные германскіе университеты въ то время было запрещено. Годъ спустя нашъ поэтъ былъ поставленъ въ священники и назначенъ проповѣдникомъ въ Ельшавскій Теплицъ, а въ 1840-мъ году получилъ приходъ въ своей родимой Горной Леготѣ, гдѣ и умеръ въ 1883 году.

Первыя стихотворенія, которыя были написаны Штуровскимъ словацкимъ языкомъ, принадлежатъ перу Халупки. Эти коротенькія, но талантливыя, пѣсни переходили изъ устъ въ уста, были переложены на музыку и съ небольшою любовью распѣваются до сихъ поръ. Сдѣлавшіяся окончательно народными, пѣсни: „Nad Tatrou sa nebo kalí,“ „Na kral'ovej holi,“ „Som vojak od rodu,“ „Truby trubia,“ „Koníku môj vraný“ „Veje vetor, veje od Tatry k Dunaju“ — извѣстны всякому Словаку. Имя Халупки скоро сдѣлалось популярнымъ во многихъ альманахахъ, газетнымъ фельетонахъ и журналахъ. Собраніе его стихотвореній было издано издвигеніемъ Турза-Носицкаго и Чипки (подъ псевд. „více ctitelů básnikových),“ въ 1868 г. въ Баньской Быстрицѣ. Въ этомъ сборникѣ, изъ уваженія къ поэту, было сохранено его собственное право-

писаніе, рѣзко изображающее характеръ словацкаго языка въ звуковомъ отношеніи, а также и весьма близкое соприкосновеніе этого языка съ языкомъ русскимъ. Последнее произведеніе нашего поэта „Odboj Kirov“ напечатанное въ „Орлѣ“, 1875 года. Стихотворенія Халупки распадаются на двѣ группы, на произведенія эпическія съ историческими и простонародными темами (въ видѣ балладъ) и произведенія лирическія: патріотическія и любовныя пѣсни. Среди первыхъ самымъ выдающимся является „Mog ho!“

Императоръ римскій, Констанцій, въ 368 году явился съ войскомъ въ Паннонію, имѣя въ виду покарать какъ сосѣдніе народы за разбойничьи набѣги на римское государство, такъ и Славянъ, живущихъ тамъ, добывшихъ себѣ свободу оружіемъ и прогнавшихъ своихъ притѣснителей-чужеземцевъ. Мы застаемъ гордаго императора возлѣ Каменца (близь Петровараждина), сидящимъ на роскошномъ тронѣ, и передъ нимъ кучку словацкихъ пословъ, явившихся оправдать передъ императоромъ поступокъ своего народа и предложить римскому кесарю хлѣбъ и соль. Разгнѣванный императоръ не принимаетъ предлагаемыхъ даровъ и безо всякой жалости требуетъ полнѣйшаго подчиненія себѣ, ибо онъ-де владыка Рима, а Римъ-владыка міра. Сильно вскипѣла словацкая кровь, мечъ сверкнулъ въ рукѣ cadaго юнака и съ громовымъ возгласомъ: „Mog ho!“ всѣ сразу бросаются на императора. Затрубили трубы,—все въ одно мгновеніе было на ногахъ, и кучка Словаковъ была въ мигъ окружена со всѣхъ сторонъ непроходимой толпою грозныхъ воиновъ. Никого не оставалось въ живыхъ, кто-бы могъ принести извѣстіе братьямъ съ окровавленныхъ береговъ Дуная. Императоръ, который при первыхъ звукахъ трубъ, со страхомъ спрятался за обнаженные мечи своихъ тѣлохранителей, стоитъ побѣдителемъ за дорогую цѣну, весь стгорая отъ стыда.

Мастерски составленная, драматическая основа произве-

денія проткана цѣнными сентенціями, которыя переданы съ необыкновенною силою и краткостью. Разсматривая это произведеніе съ національной точки зрѣнія, мы должны признать, что тема его уже сама по себѣ весьма симпатична для народа, живущаго въ вѣковомъ рабствѣ. Многочисленные выраженія, въ которыхъ по аналогіи идеализируется настоящее положеніе Словаковъ, производятъ эффектъ подобно электрической искрѣ. Съ эстетической точки зрѣнія „Mor ho!“ тоже—необыкновенно удачное тенденціозно-патріотическое произведеніе, которое, правда, ради своей цѣли жертвуетъ историческимъ характеромъ и возможностью, но за то эффектно и обладаетъ декламаторскою законченностью.

Изъ послѣдующихъ героическихъ поэмъ Халупки особенно выдаются: „Mugáň“ и „Starý väzeň.“

Юная Марія Сѣчихъ, красавица-вдова Стефана Бетлена, ловить рыбу золотою удочкою. Статный Вешелинь, проѣзжавшій мимо со своею дружиною, желаетъ взять красавицу въ плѣнъ за измѣну въ замкѣ Мурани, которымъ она владѣетъ. Гордая женщина предлагаетъ ему взять замокъ приступомъ. Впрочемъ съ этого врени, ежедневно въ сумерки, у ручья можно видѣть молодую парочку. Вешелинь дѣйствительно беретъ замокъ, но даже безо всякаго кровопролитія, такъ какъ ночью Марія впускаетъ его въ свою спальню, а за вождемъ и все войско проникаетъ по маленькой лѣсенкѣ въ замокъ, нападаетъ на отрядъ мятежниковъ и беретъ замокъ. Утромъ „старый монашникъ“ навсегда связываетъ руки Вешелина и Маріи.

Какъ эпическіе, такъ и лирическіе моменты этого произведенія въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о вкусѣ и нѣжномъ чувствѣ автора. Историческій фактъ онъ передаетъ въ легкихъ чередующихся трояхъ баллады гладко и пластично. А вотъ содержаніе и другой поэмы: „Starý väzeň“, почерпнутое изъ временъ Святополка.

Черноградскій жупанъ любитъ прекрасную, но бѣдную Илонку. Однажды жупану пришлось выступить въ походъ; приближенные его, ненавидя бѣдную дѣвушку, бросили ее со скалы въ воду. „Lovili rybári rybu na Dunaji, videli Jlonku tonút' popri kraji.“ Дунайскіе рыбаки вытащили еѣ изъ воды и распустили слухъ объ ея смерти. Черноградскій жупанъ, узнавъ о смерти своей возлюбленной, въ пылу мщенія, привелъ Мадьяръ на свою жупу; но туда же прибылъ и король, перебилъ Мадьяръ, а жупана велѣлъ засадить въ башню, гдѣ попы заклиали его на вѣки. Однажды молодой пастухъ, гоняся за красивою птичкою, забѣжалъ къ этой башнѣ и сквозь заросшее окно, за рѣшеткою, увидѣлъ лысого старика. Черноградскіе вельможи велѣтъ проломить стѣну, и узникъ рассказываетъ имъ про свои страданія; послѣ этого онъ исповѣдуются въ грѣхахъ православному попу и разсыпается въ прахъ.

Характеръ узника, изъ мести за убіеніе своей возлюбленной сдѣлавшагося измѣнникомъ отчизнѣ, обрисованъ весьма талантливо. Весь рассказъ привлекателенъ по своей законченности. Къ удачнымъ трудамъ того же характера мы причислимъ также его стихотворенія: „Tugčín Roničan“ и „Voj pri Jelšave“ (коротенькія пѣсни, касающіяся эпохи турецкихъ войнъ въ сѣверно-угорской землѣ), а также прекрасный романсъ „Križiak.“

Любопытный отдѣлъ въ собраніи стихотвореній Халупки представляютъ стихи, воспѣвающие гайдуцкую жизнь. Тутъ Халупка вполнѣ въ своей сферѣ. Пѣсни эти носятъ на себѣ какой-то своеобразный, трогательно-меланхолическій характеръ. Шумъ сосновыхъ лѣсовъ, благоуханіе елей, вся сказочная жизнь и затишье Карпатскихъ чащъ вѣютъ отъ этихъ произведеній, и среди всего этого раздается рѣчь поэта, краткая, афористическая, но охватывающая всѣ идеалы народа, который въ своихъ сказочныхъ герояхъ нашелъ себѣ возна-

гражденіе за утраченные сны и счастье. „Junák“ въ достаточной степени характеризуетъ эти произведенія.

Двѣнадцать юнаковъ, послѣ несчастной стычки на Кралевой горѣ, гдѣ они дрались съ тремя отрядами войска, изъ трехъ столицъ, сидятъ вокругъ костра, между высокими до небесъ скалами, въ глубокой лѣсной чащѣ. Славнѣйшаго изъ нихъ уже нѣтъ съ ними. Соколъ, поднявшись въ небесную вышину надъ остроковечными утесами, тщетно ищетъ юнака; пурпуръ утренней ранней зари уже не разбудить въ могилѣ того, кто сіялъ среди другихъ, jak mezi hvězdami ten mesiačik zlatý.“ Каждый проходящій черезъ лѣсъ бросаетъ на гробъ юнака пригоршню земли, которая вырастаетъ въ высокую могилу. Кралевогорскіе парни, пасущіе овецъ, играютъ на ней въ свои игры, а стройныя дѣвушки вьютъ тамъ липовые вѣнки и поютъ вмѣстѣ съ парнями про юнака: „Boly časy, boly, bôh da ešte budú!“ (Было время, было, Богъ дастъ, снова будетъ!)

О произведеніяхъ Халупки эпическаго характера можно сказать лишь одно: темы героическихъ поэмъ—замѣчательно драматичны, балладическая простота формы является ихъ характерною чертою; каждое выраженіе пластично, каждое слово на своемъ мѣстѣ; всюду царитъ настоящая художественная соразмѣрность. Темы, которыя поэтъ почти всегда черпалъ изъ устныхъ разсказовъ народа, можно слышать по всей словацкой землѣ. Эти темы (которымъ авторъ, благодаря своему знакомству съ исторіею, придалъ лишь болѣе опредѣленную форму), отличаясь настоящимъ современнымъ характеромъ и топографическою реальною правдой, уже сами по себѣ дѣйствуютъ на читателей тою непреодолимою очаровательностью, которою дышать всѣ славянскія народныя пѣсни.

Патріотически-лирическія произведенія Халупки—достоиніе народа, но и не одного народа: они принадлежатъ и литературѣ.

Само Халупка изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые воспитались на славянской народной поэзіи, и которымъ удалось не только придать своимъ произведеніямъ внѣшнюю чистоту въ отношеніи формы, но даже достичь и характерной ея простоты и прелести. Пѣсни Халупки не обладаютъ ни чистымъ нѣжнымъ, ни классическимъ размахомъ, но красота выраженія, звучность риѣмы и музыкальность ритма невольно увлекаютъ читателя. Не смотря на все это, Само Халупка, однако не можетъ быть причисленъ къ разряду первоклассныхъ поэтовъ. Для этого у него недостаетъ всесторонности истиннаго генія и самостоятельности въ творествѣ. Онъ черпалъ изъ народныхъ преданій все, что только находилъ въ нихъ болѣе выдающагося, причемъ собственная его изобрѣтательность всегда была скромна ¹⁾).

Халупка не долго оставался одиновымъ. Многіе изъ его послѣдователей достигли позже своей собственной поэтической оригинальности, и послѣдній изъ нихъ съ успѣхомъ-можетъ поспорить даже со своимъ учителемъ ²⁾). Вскорѣ послѣ появленія Халупки на литературномъ поприщѣ, отълинулся и Янео Краль, который пользовался не меньшею популярностью, чѣмъ его предшественникъ, хотя вполне сравниться съ послѣднимъ не можетъ.

¹⁾ Ср., что говоритъ Люд. Штуръ о пѣвцѣ „Ohlas'a písní ruských:“ „Чедяковскій въ своихъ произведеніяхъ подражалъ и русскимъ и чешскимъ народнымъ пѣснямъ. Такое подражаніе, конечно, не можетъ быть названо искусствомъ въ точномъ значеніи слова; какъ помысль, такъ и внѣшняя форма—заимствованы.“

²⁾ Халупка хранилъ въ рукописи довольно значительное собраніе народныхъ сказаній и пословицъ, которымъ съ успѣхомъ воспользовалась Божена Нѣмцова, посѣтивъ поэта во время своей поѣздки въ словацкую землю. Судьба этого сборника мнѣ неизвѣстна.

Яно Краль (Kráľ), свойства характера котораго ¹⁾ были загадочными даже для самыхъ близкихъ его друзей, родился 24-го апрѣля 1822 года въ Липтовскомъ св. Микулашѣ. Онъ окончилъ юридическій факультетъ въ пресбургскомъ лицѣѣ, гдѣ былъ любимцемъ Штура, и затѣмъ поступилъ въ адвокатскую канцелярію въ Пештѣ. Серьезныя занятія, однако, не пришились ему по вкусу. Цѣлые дни скитался онъ по лабиринту пештскихъ улицъ и, возвращаясь домой, до поздней ночи сидѣлъ и писалъ свои стихотворенія, которыя, тотчасъ же предавалъ сожженію. Изъ безчисленныхъ его произведеній сохранились лишь тѣ, которыя, вышедши изъ подъ его пера, успѣвали какимъ-либо образомъ попасть въ руки его товарищей. Политическія событія предъ 1848-мъ годомъ вызвали Краля къ дѣятельности. Осенью, 1846 года, онъ отправился въ Горныя Прибѣльцы (Гонтской столицы) и оттуда агитировалъ въ пользу возстанія. Въ 1848 году, будучи захваченъ непріятелемъ, Краль попалъ въ тюрьму, гдѣ невыразимо страдалъ въ тяжкомъ заключеніи до самаго 1849-го года, пока его не освободилъ Елачичъ. Послѣ усмиренія возстанія, Краль совершенно покинулъ арену общественной дѣятельности и только по временамъ, уступая многочисленнымъ просьбамъ, присылалъ въ разные словацкіе беллетристическіе журналы свои мелкія произведенія изъ Золотыхъ Моравцевъ, гдѣ онъ былъ адвокатомъ. Въ Моравцахъ одиноко проводилъ онъ свои дни до 1876 года, когда и умеръ 23 мая, повинутый друзьями и забытый міромъ. Вѣсть о его смерти стала общеизвѣстною лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль.

¹⁾ Біографич. свѣдѣнія о немъ находятся въ нѣсколькихъ изданіяхъ: „Славянскомъ Сборникѣ“, II, 128, 129, 143, 145; „Нитрѣ“, 1877 г. 364, 365; Ср. и „Slovník naučný.“ Собраніе всѣхъ сочиненій Краля доселѣ еще не издано.

Жаль, что человекъ, такъ высоко одаренный и образованный, прекрасно владѣвшій французскимъ и англійскимъ языками, какъ своимъ роднымъ, знавшій наизусть всего Шекспира и поставившій своею жизненною задачею изученіе все-славянской народной поэзіи, не оставилъ послѣ себя больше трудовъ. Своеобразный характеръ Краля, доставившій ему по справедливости прозвище „чудака“ за его манеру въ обращеніи съ людьми и въ общественной жизни, отражается и въ его пѣсняхъ. Уже въ его „Zakliata rapna na Vahu a divný Janko“ мы читаемъ слѣдующее:

„Často blúdím, táram sa cez celý boží deň ¹⁾
 Hl'adejúc kolenačky aspoň dáky kameň,
 Na ktorý bych si oprel boľavú hlavičku
 A zadriemal zmorený aspoň len trošičku.
 Vtedy—tak biednom stave duša moja letí
 Do tých krajov posvätných tej mojej pamäti....“

Или далѣе, въ стихотвореніи „Oról:“

„Osud môj inší, môj dom ja vysoký ²⁾,
 Nie te halúzka, nie to líst'a stromu,
 Nie to dolina, nie to háj hlboký,

¹⁾ Часто по цѣлымъ днямъ блуждаю я и скитаюсь, ползкомъ выискивая себѣ хоть какой-нибудь камень, на который я могъ бы приклонить свою болѣную голову и, утомленный, хоть немножко вздремнуть.—Тогда, въ такомъ жалкомъ положеніи, душа моя стремится въ священные моей памяти края“...

²⁾ „Судьба моя иная; мой домъ высокъ; это—не вѣтви, ни листья дерева, ни долина, ни темная роща, ни гнѣздо, ни верхушка дерева: мой домъ, гдѣ я живу, не имѣетъ ни конца, ни предѣла.—Не мнѣ суждено пользоваться мирною жизнью среди домашней тишины, не мнѣ, вечеркомъ, у очага улаживать свою душу грѣзами о минувшихъ временахъ, не мнѣ суждено жить въ мирной долині, мнѣ суждено жить въ широкой пустынѣ.—Ой, зелена-зелена рощина зеленая! А вокругъ меня вьются черныя тучи, онѣ поднимаются изъ подъ меня, надо мной... и я лечу, лечу, пока не убьютъ меня; я не имѣю крова, мнѣ нѣтъ мѣста для отдыха; громъ укажетъ мѣсто, гдѣ мнѣ должно лежать“....

Nie je to hniezdo, nie to stromu temä:
Môj dom, kde bývam, konca kraja nemá.

Nie mne súdeno v domácom pokoji
Casy prežívať života tichého,
Napájat dumkou starodávnych časov
Dušu pri ohni času večerného,
Nie mne súdeno žiť v tichej doline:
Osud môj rastie v šírej pustatine.

Oj, zelen zelen hájiček zelený!
Okolo mňa sa chmáry čierne vijú,
Z nad mňa—z popod mňa chmáry vyvierajú,
Ja letím—letím, kým ma nezabijú,
Ja strechy nemám, kde sadnúť si nemám—
Hrom mi ukáže miesto kde ležať mám....“

Или „Pieseň bez mena“:

„Pustina! pustina—všade zôkol vôkol ¹⁾,
Vietor pokryl cestu snehom čím hor tým dol,
Už niet cesty žiadnej....
Pustím sa bez cesty, tam sa niekde ztratím,
Zámet' ma zasype, viac sa nenavrátim,
Lodičku biedničku, ja som šuhaj malý,
Veslovat' nevládzem, vietor ju preválí;
Na poli stát' budem—živel strašne vyje,

¹⁾ „Пустыня! Пустыня всюду, вокруг и кругомъ; вьюга покрыла дорогу снѣгомъ, нѣтъ больше пути.... Поѣду наугадъ, тамъ гдѣ-нибудь пропаду, метель засыпетъ меня, и я не вернусь уже больше.... Я—малъ, я не въ силахъ грести; бури опрокинетъ мою утлую лодченку; стану ли въ полѣ, буря воетъ грозно, молнія сверкнетъ змѣйкой и громъ убьетъ меня. Нигдѣ не вижу я помощи, нѣтъ мнѣ нигдѣ утѣшенія, вижу этотъ міръ, и все же я въ немъ одинокъ, одинокъ, какъ юное деревцо въ пустынѣ, никто не защититъ его—оно гибнетъ отъ вѣтра.“

Krížom sa zablisne a mňa hrom zabije.
 Pomoci nevidím, potešenia nemám,
 Vidíš ten širý svet—a preca som v ňom sám—
 Sám som jako stromček malý v pustatine,
 Nik ho nezastane—od vetrov zahyne.“

Или „Piesne“

„Ale cesta zabránená ¹⁾
 A chodníka nieto,
 Nebude mi môj ptáčik húst'
 Ak' vidím na leto.

Ale cesta zabránená
 Pol'om nepúšť'ajú—
 Opustený vypláčem sa,
 Ked' druhí výskajú.“

Но все-же и эту пѣсню онъ заканчиваетъ словами:

„Svet je cudzí—nech je cudzí ²⁾,
 Nemám ženskú mdlobu,
 Trebárs mi už zazvonili,
 Neľahnem do hrobu;
 Trebárs už hrob vykopali
 Mojej duši jarej:
 Kto si kopal nech si leži—
 A ja pôjdem d'alej.“

¹⁾ „Дорога запрещена, а тропинки нѣтъ, не будетъ для меня, моя пташка, какъ я вижу, лѣта. Дорога запрещена, полямъ не пускаютъ, забитый я выплачусь, когда другіе радуются.“

²⁾ „Міръ мнѣ чуждъ,—пусть будетъ чуждъ, я не обомлѣю, какъ женщина, хотя меня уже отпѣли,—я въ гробъ не лягу; хотя для моей юной души уже и выкопали могилу, но пусть ложится въ нее тотъ, кто копалъ ее, а я поѣду дальше“

О своихъ произведеніяхъ поэтъ самъ говорить весьма откровенно:

„Strmá kamená cestička ¹⁾,
 Tu t'a ja púšť'am pesnička—
 Sama bez mena všetkého
 Tam! id' do sveta širého.
 Našiel som t'a na smetisku,
 Nevieľ o tvojom priezvisku:
 Širý je východ a západ—
 Hľadať si svojho otca, mat'!
 Keď paješ, nuž t'a poznajú,
 Za rúčku stisnú, bozkajú:
 Budeš jích a oni tvoji.“

Произведенія Краля представляютъ мелкія легонькія пѣсни или баллады: тѣ изъ нихъ, которыя изданы имъ, распѣваются наравнѣ съ обыкновенными народными пѣснями. Въ балладахъ Краля мы всегда встрѣчаемъ какую-либо своеобразную основную мысль; изображеніе ея однако какъ-то неясно, краски тусклы, декорировка мрачная. Поэтъ нигдѣ не говоритъ самъ отъ своего лица, чувства свои онъ влагааетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ и то, что они говорятъ, не есть поддѣльная міровая скорбь, но истинное глубокое чувство; странная манера автора не производитъ на читателя удручающаго впечатлѣнія, а, напротивъ, трогаетъ его. Мѣстами въ произведеніяхъ Краля слышится такой наивный тонъ народныхъ пѣсенъ, легкая пѣвучая форма ихъ такъ дѣйствуютъ на слухъ, что

¹⁾ „Вотъ крутая кремнистая тропинка, по ней я пускаю тебя, моя пѣсенка. Одинокая, безъ имени, иди въ широкій свѣтъ. Я нашелъ тебя на сметникѣ и не знаю твоего прозвища: обширны Востокъ и Западъ,—ищи себѣ своего отца и мать! Когда найдешь ихъ, они узнаютъ тебя, поздороваются, поцѣлуютъ, ты будешь ихъ, они—твоя.“

тутъ уже исчезаетъ и малѣйшее сомнѣніе относительно того источника, откуда черпалъ поэтъ. Грустные мотивы съ ихъ блестящими переходами Краль бралъ непосредственно отъ народа; что-же касается того, что поэтъ особенно любилъ выбирать отсюда только мрачное, въ этомъ, конечно, нельзя упрекать его. Лучшими героическими поэмами Краля безспорно являются: „Zverbovaný“, „Húsky“ и „Čarka a kríž.“ Въ первой говорится объ извѣстномъ фактѣ „изъ старыхъ золотыхъ временъ“, когда вербовщики виномъ, музыкою и деньгами увлекали юношей въ военную службу: здѣсь Краль рисуетъ картину душевной борьбы деревенскаго Ахилла. Любопытно сравнить балладу „Zverbovaný“ съ „Die Werbung“ Ленау и „Лараѣку“ (V пѣснь „Детвана“) Сладковича. „Húsky“ и „Čarka a kríž“ основаны на мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ; благодарная тема передана гладкими стихами, и самые моменты баллады схвачены мастерски; эти произведенія могутъ быть приравнены даже къ самымъ лучшимъ произведеніямъ Халушки ¹⁾.

Вообще говоря, Краль былъ талантливымъ поэтомъ, настоящія индивидуальныя черты котораго лучше могла-бы объяснить та большая часть его произведеній, которая не появилась въ печати. Но многія пѣсни его разсыяны по свѣту друзья разносили ихъ, и, если кто-нибудь просилъ его, чтобы онъ напечаталъ что либо изъ своихъ стихотвореній, то онъ обыкновенно отвѣчалъ просившему: „я имѣю изъ своихъ произведеній только тѣ, которыя сохраняю въ памяти, и по памяти напишу.“

Къ группѣ писателей, слѣдовавшихъ направленію Халушки, принадлежитъ также Незабудовъ.

¹⁾ „Prednášky o poesii slovanskej“ Люд. Штыра, „Orol“, VI, 1875, 136.

Богутъ Незабудовъ (настоящее имя: Тимошей Носакъ), болѣе другихъ занимавшійся судьбами народнаго развитія, родился въ м. Тисонцахъ, 3-го февраля, 1818-го года. Слушая курсъ богословскихъ наукъ въ Пресбургѣ, онъ былъ въ то же время сотрудникомъ по редакціи Штуровскихъ „Орла“ и „Новинъ“, а послѣ духовникомъ Милослава Годжи въ Липт. св. Микулашѣ. 1848 годъ поставилъ и его въ ряды словацкихъ добровольцевъ, гдѣ онъ занималъ мѣсто тайнаго повѣреннаго въ Національномъ Совѣтѣ; послѣ этого мы видимъ его сначала писаремъ въ Рашковѣ, потомъ (въ министерство Баха) нотаріусомъ въ Великой Ревуцѣ, актуаріусомъ въ Рожнавѣ и, наконецъ, во время владычества Мадьяръ—исправляющимъ нѣкоторое время должность „служнаго“ въ Мураши. Когда, въ 1867 году, Угорія вновь получила самоуправленіе, Носакъ поселился у своего брата Богумила, словацкаго еванг. священника въ Сабиновѣ, гдѣ неутомимо трудился до самой смерти. Умеръ онъ послѣ продолжительной болѣзни здѣсь же 5 апрѣля, 1877 года, до послѣдней минуты подвергаясь нападкамъ и клеветѣ со стороны внутреннихъ враговъ славянской идеи.

Прелесть глубокихъ долинъ и уходящихъ подъ облака горъ, мрачныхъ ущелій и свѣтлыхъ нивъ родного края служили неисчерпаемою темою для пѣсенъ Носака. Первые его произведенія, необыкновенно красивыя, полныя воодушевленія и восторга, считаются совершенно народными пѣснями; позднѣйшія тоже глубоко прочувствованы. Самымъ большимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ удачнымъ произведеніемъ Носака является его народная повѣсть „Kamzík.“

„Raz na Horehroní slavné časy byly 1)“

1) „Какъ-то на Горегроні были славныя времена, когда на его горахъ охотился король Матіашъ. Я расскажу вамъ повѣсть о тѣхъ-славныхъ и давнихъ временахъ, какъ о нихъ говорится въ преданіи и въ исторіи.“

Ked' poloval Matias král na jeho holi.
 Rozpoviem vam povesť z tejto dávnej slávy,
 Jak o nej poviedka i dejepis vgraví.“

Такиими словами поэтъ вводитъ насъ въ свою поэму, содержание которой взято изъ временъ короля Матвѣя. Авторъ прекрасно изображаетъ личность самого короля и его дружину, живо рисуетъ картину охоты, занимательно описываетъ пиршества короля на горнемъ Погронѣ, словацкій народъ и его страну, массу юнаковъ и ихъ подвиги (травлю звѣрей, танцы и т. д.) Все произведение изобилуетъ мѣстными ландшафтами. Только историческій характеръ его умалется тенденціозными вставками, а эпическая цѣлостъ—массою эпизодовъ. Двѣнадцатистопный размѣръ произведенія особенно характеренъ у всѣхъ пѣвцовъ Халупковскаго кружка. Большая часть произведеній Носака осталась въ рукописи.

Носакъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ словацкихъ поэтовъ; онъ былъ обстоятельно знакомъ со всѣми главнѣйшими европейскими литературами, многія произведенія которыхъ старательно переводилъ; такъ онъ перевелъ почти всего Крылова, много изъ Пушкина, Лермонтова, Байрона, Шекспира (Юлій Цезарь). Не смотря на это, мы нигдѣ въ его произведеніяхъ не видимъ подражательности.

Яковъ Грайхманъ (Jacob Graichman) является также однимъ изъ счастливыхъ и плодovitыхъ балладистовъ. Родился онъ въ Липтовѣ, долгое время занималъ мѣсто предсѣдателя королевскаго суда въ Липт. св. Микулашѣ, а теперь служитъ нотаріусомъ въ Гиббахъ ¹⁾. Имя его мы встрѣчаемъ во всѣхъ словацкихъ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ. Большую часть своихъ произведеній онъ написалъ по роднымъ преда-

¹⁾ Собранія своихъ произведеній авторъ еще не издалъ, хотя еще въ 60 годахъ прислалъ его (въ рукописи) „Словенской Матицѣ.“

ніямъ. Замѣчательнѣйшими изъ балладъ его являются: „Ivan a L'udmila“ и „Laska a smrt'“. Мелкія лирическія произведенія Грайхмана по внутреннему своему содержанию не имѣютъ уже того достоинства, какъ предыдущія.

Янъ Матушка (Jan Matúška) слѣдовалъ тому же направленію. Онъ родился 10-го января 1821 года, въ Нижнемъ Кубинѣ, Оравской столицы. Въ пресбургскомъ лицей онъ пробылъ съ 1839 по 1844-ый годъ; мадьярская революція отвлекла его отъ педагогическихъ занятій въ ряды бойцовъ. Принявъ участіе въ революціонномъ движеніи, онъ принужденъ былъ вмѣстѣ со своими друзьями скрываться въ декабрскіе дни 1848 года отъ мадьярскихъ гверильевъ въ верхне-оравскихъ лѣсахъ на галиційской границѣ, гдѣ нѣсколько дней и ночей, мучимый голодомъ и жаждой, укрывался въ снѣговыхъ сугробахъ. Эти бѣдствія послужили причиною позднѣйшей долгой и мучительной болѣзни поэта, во время которой духъ его слабѣлъ все больше и больше, пока вмѣстѣ съ нимъ не угасла и жизнь Матушки, 11-го января, 1877 года ¹⁾.

Судьба заставила творческую силу его умолкнуть ранѣе, чѣмъ она успѣла созрѣть въ самостоятельный типъ. Не смотря однако на это, нѣсколько его произведеній все-же остаются цѣнными для литературы; таковы именно: „Kozia skala“, „Orava“ и пѣсни „Preletel sokolík“ (съ музыкою Ванса) и „Nad Tatrou sa blíska.“

Какъ ранняя зорька, блеснулъ на горизонтѣ словацкой литературы весьма талантливый пѣвецъ „Hrdoš'a," Лад. Паулини.

Паулини Ладиславъ (Paulíny; псевд. *Подоминскій*, нынѣ еванг. священ. въ Претержѣ), дядя Вилема Паулини Тота и

¹⁾ На Нижне-Кубинскомъ кладбищѣ соотечественники его соорудили ему въ 1879 году (31 августа) прекрасный памятникъ.

знаменитый сатирикъ и юмористъ. „Hrdoš alebo Ztratený general,“ старинная повѣсть, осталась единственнымъ его произведеніемъ. Судя по ней, мы видимъ въ Паулини зоркаго наблюдателя, знатока своего народа и истиннаго истолкователя пестрой мозаики легендъ, повѣрій и мифологическаго народнаго міросозерцанія, но, увы! — малаго художника. Эти гладенькія, коротенькія, пластично выраженныя, строфы являются плодомъ абсолютнаго натурализма автора. Тѣмъ не менѣе это обширное произведеніе его не лишено своей очаровательности благодаря необычайному пониманію со стороны автора какъ Словака вообще, такъ и его духовныхъ сторонъ.

Янъ Францисци (Jan Francisci), подававшій прекрасныя надежды въ области лирической поэзіи, родился въ 1822 году и получилъ свое образованіе въ Пресбургѣ и Левочѣ. Францисци рано сталъ заниматься изученіемъ простонародныхъ словацкихъ пѣсенъ, сказаній и обычаевъ, изъ которыхъ онъ бралъ темы для своихъ произведеній. Въ 1845 году онъ пошелъ было общественною стезею юриста, но революція принудила его сойти съ нея. Въ этой революціи онъ принялъ дѣятельное участіе и особенно отличился во время движенія словацкихъ добровольцевъ, за что Мадыяры, арестовавъ его вмѣстѣ съ пріятелями Дакснеромъ и Бакулинымъ, присудили всѣхъ троихъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Къ счастью потерпѣвъ въ это время пораженіе, они не могли тотъ-часъ же исполнить своего приговора и заключили ихъ лишь въ тюрьму, изъ которой они были освобождены Виндишгрецомъ, по занятіи имъ Пешта. Послѣ революціи Францисци снова сталъ служить своему краю. Въ 1861-мъ году онъ началъ издавать политическую газету: „Pešťbudinské Vedomosti“ и агитировать въ пользу общаго словацкаго съѣзда, чего и достигъ въ томъ же году. Спустя два года Францисци былъ назначенъ главнымъ жупаномъ Липтовской столицы, вскорѣ

однако (1870 года) будучи отставленъ съ пенсіею, сдѣлался главнымъ завѣдывающимъ словацкой (основанной на акціяхъ) книгопечатни, гдѣ занимается и до сихъ поръ. Еще въ 1864 году Францисци издалъ (подъ псевд. *Римавскаго*) книжку стихотвореній „Моимъ сверстникамъ.“ Это была первая книга, напечатанная Штуровской словачиной. Двадцать стихотвореній этого собранія посвящены двадцати пріятелямъ автора, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Пресбурга въ 1844 году. Всѣ эти стихотворенія дышатъ пламеннымъ чувствомъ, а легкая форма ихъ придаетъ имъ извѣстную пѣвучесть. Впрочемъ, это былъ первый и послѣдній стихотворный трудъ Францисци.

Подобною же легкостью формы отличаются тоже и стихотворенія *Яна Калинчака* ¹⁾. Они полны благороднаго чувства и здравыхъ мыслей. Военская пѣсня его „*Koniček mój bystrý, vranú*“ окончательно сдѣлалась народною; но Калинчакъ по преимуществу былъ новеллистомъ.

Павель Добшинскій (*Dobšinský*) родился 16 марта 1828 года въ Вел. Слаботовцахъ, Гемерской столицы и умеръ 22 сентября 1885 года въ Дренчанахъ, гдѣ съ 1861 года былъ еванг. проповѣдникомъ ²⁾. Въ годы своей юности онъ написалъ нѣсколько весьма удачныхъ произведеній, какъ-то: поэму „*Zlatý pluh*,“ пѣсни „*Či ľubi mladá dievčina*,“ „*Život Slovenský*,“ „*Dumy odo dňa 10 mája 1846* и др. Произведенія эти свидѣтельствуютъ о достаточномъ поэтическомъ талантѣ автора, но Добшинскій скоро обратилъ свои взоры къ народной литературѣ и принялся изучать исключительно лишь ее какъ теоретически, такъ и на практикѣ.

Петръ Забой Кельнеръ-Гостинскій (*Petr Zaboј Kellner-Hostinský*) тоже принадлежитъ въ числу послѣдователей Ха-

¹⁾ Биографію его см. въ отдѣлѣ этой книги, посвященномъ новеллѣ.

²⁾ Биографія его, составленная Іос. Шкультети, помѣщена въ „*Slov. Pohl'ad*,“ 1886 г. стр. 189—191.

лупки. Онъ родился ¹⁾ 6-го января 1823 года въ с. Великой Поломѣ, Гемерской стóлицы, гдѣ отецъ его былъ еванг. приходскимъ священникомъ. Философскій и богословскій курсы онъ окончилъ въ Пресбургскомъ лицѣѣ, послѣ чего слушалъ лекціи въ тамошней юридической академіи и занимался въ редакціи Штуровскихъ „Народныхъ Новинъ“ и „Татранскаго Орла“ до 1848 года. Къ этому періоду относятся первыя его стихотворенія и статьи, писанныя подѣ псевдонимомъ Забой Гостинскаго. Осенью того-же года, духовно и тѣлесно утомленный, онъ вернулся домой. Въ 1849 году, когда въ зимѣ словацкіе добровольцы заняли Гемерскую стóлицу подѣ предводительствомъ генерала Левартовскаго, Кельнеръ былъ избранъ на должность „служнаго,“ которую и занималъ (за исключеніемъ двухъ лѣтъ) до 1867-го года. Послѣ изданія Угорскаго Уложенія онъ безъ куса хлѣба остался въ Римавской Сobotѣ, гдѣ и умеръ 10 августа 1873 года. Кельнеръ былъ необыкновенно прилежнымъ писателемъ, особенно въ области исторіи и философіи. Несмотря на то, что масса его трудовъ разсѣяна по разнымъ словацкимъ журналамъ, бóльшая часть ихъ такъ и осталась въ рукописи и сложена въ домѣ бывшей „Словенской Матицы.“ Изъ области поэтической литературы Забой Гостинскій оставилъ всего нѣсколько произведеній, писанныхъ народнымъ стилемъ. Его „Dumy na Tatrách“—чисто патетически-философское произведение:

„Cim ste v pravekoch boly, Tatry naše ²⁾).

Kolískou národom.

Čim budú svetu svaté hradby vaše?

Myšlienok východom.

¹⁾ Біографія его, составленная Павломъ Добшинскимъ, помѣщена въ „Letop. Mat. Slov.“ XI, 2, 1874 г., 137—139.

²⁾ „Чѣмъ вы были прежде, Татры—горы наши?—Народовъ колыбелью. Чѣмъ будутъ міру святны стѣны ваши?—Идей Востокомъ. Кто тайну вашихъ

Kto vašich duchov tajomstvá vyveští?

Zrodený syn Tatier.

A kto rozumie slovám tých povestí?

Vybraný bohatier.

Čo vaše víchry, blesky, vody, šumy?

Chóry pesní ľudu.

Či vaše túžby zostanú len dumy?

Hlasom žitia budú.

Ci vaše blesky rodom tým zasviet'a?

Jak hviezd nočných zbory.

A vaše duchy po nich sa rozletia?

Jak šum vetrov hory.“

Имя поэта Гостинскому приобрѣла главнымъ образомъ его повѣсть въ стихахъ „Silvestrova pos,“ это рядъ отрывковъ, взятыхъ частью изъ народныхъ преданій, частью-же являющихся прямо размышленіями самого поэта, безо всякой органической связи. Истиннымъ призваніемъ Гостинскаго были: философская спекуляція и историческое изслѣдованіе.

Янъ Ботто (Jan Botto), замыкающій собою рядъ послѣдователей Халупки, родился въ 1829 году, въ деревнѣ Вышнемъ Скальницѣ, на Римаувѣ ¹⁾. Окончивъ левочскую гимназію, онъ поступилъ въ 1847-мъ году на курсы инженерныхъ наукъ въ пештскій университетъ и получилъ въ 1854 году дипломъ землемѣра. Подстрекаемый Яномъ Францисци, Ботто написалъ нѣсколько стихотвореній въ Левочѣ, куда пересел-

духовъ воспоеть?—Родимый Татровъ сынъ. А кто слова сказаній тѣхъ пойметъ?—Избранникъ—богатырь. Что ваши вихри, бури, шумъ и воды?—Народныхъ пѣсенъ хоры. Всегда-ль останутся мечты ваши мечтами?—Будутъ гласомъ жизни. Блеснетъ-ли ваше сіяніе народамъ?—Какъ звѣздъ полночныхъ хоры. А души ваши пронесутся-ль міромъ?—Какъ шумъ въ лѣсу отъ бури.“

¹⁾ Біографическія данныя о немъ наход. въ „Spreveci Jana Botto,“ изд. въ Прагѣ, въ 1880 г. (1-й томъ „Чешско-словенской бібліотеки“) и въ „Свѣтозоръ“ XV, 1880, 260.

лилась въ то время изъ Пресбурга вся словацкая молодежь. „Все пробуждалось,—пѣло,“ пишетъ онъ о томъ времени. Ботто остался вѣренъ поэтическому призванію до самой послѣдней минуты своей жизни и умеръ въ 1881-мъ году, въ Баньской Быстрицѣ ¹⁾).

Самымъ выдающимся произведеніемъ Ботта является „Смерть Яношика,“ (Smrť Jánošíkova), героя словацкихъ лѣсовъ, избивавшаго пановъ, мстителя за угнетенный народъ и благодѣтеля того-же народа ²⁾). Поэма дѣлится на девять пѣсенъ.

Двѣнадцать осиротѣлыхъ юнаковъ сидятъ вокругъ костра и сожальютъ объ атаманѣ, захваченномъ, не смотря на его геройскую защиту, отрядомъ солдатъ въ плѣнъ. Яношикъ заключенъ въ темницу, куда ночью проникаетъ его возлюбленная, чтобы проститься съ нимъ. Утромъ его будитъ шумный приходъ солдатъ, которые и ведутъ скованнаго атамана „добрыхъ молодцевъ“ къ мѣсту казни. Толпы народа сопровождаютъ траурную колесницу Яношика за городъ, къ виселицѣ. Эшафотъ. Яношикъ, вспоминая свою молодость, при видѣ обширнаго края, заманчиво разстилавшагося передъ его взорами, безстрашно вступаетъ на эшафотъ, этотъ „алтарь свободы.“ Императорскій гонецъ привозитъ вѣсть о помилованіи, но—уже поздно. Народъ рассказываетъ повѣсти о безвинно казненномъ юнакѣ, и духъ Яношика живетъ въ народномъ преданіи.

Личность Яношика, какъ ее изображаетъ поэтъ, исторически невѣрна, но авторъ и не имѣлъ въ виду этой вѣрности.

¹⁾ О стихотвореніяхъ Ботто см. также статью г. М. Соколова, въ Сборникъ по Славяновѣдѣнію, посвященномъ проф. В. И. Ламанскому, 1883 г. Прим. перев

²⁾ Подробнѣе о Яношикѣ говоритъ Добшинскій въ прекрасной своей книгѣ: „Prostonárodní obyčaje, poverý a hry slovenské.“ (Турч. св. Март. 1880, стр. 88—94).

Онъ хотѣлъ воспѣть этого словацкаго Илью Муромца въ томъ видѣ, въ какомъ предстаетъ себѣ его народъ въ своихъ сказаніяхъ, не въ видѣ историческаго лица, Юрія Яношика, казненнаго 13-го марта 1713 года, въ Липт. св. Микулашѣ, но какъ народнаго героя, защищавшаго свободу родимаго края, котораго тотъ-же народъ, смывъ съ него пятно преступленія, идеализировалъ до безсмертія ¹⁾. Не смотря на сказанное, „Смерть Яношика“ не есть эпосъ. Такъ и кажется будто пѣвцу не хватило таланта, такъ блистательно проявившагося въ его мелкихъ героическихъ произведеніяхъ, для произведенія въ томъ-же родѣ, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Это просто отрывокъ изъ идеальнаго эпоса о Яношикѣ, обработанный съ элегической точки зрѣнія. „Если-бы Словенско было страной, обладающею болѣею свободою, Ботто создалъ бы эпосъ, но въ странѣ угнетенной, несчастной, поэтъ изобразилъ „юнака свободы“ погибающимъ и мрачнымъ“ ²⁾. Такимъ образомъ тутъ мы снова встрѣчаемъ недостатокъ въ компановкѣ, не отнимающій, впрочемъ, у поэмы той поэтичности, которая все-же остается при ней, не смотря на плохой сюжетъ для эпоса, невѣрный конфликтъ и черезчуръ уже растянутую катастрофу смерти Яношика. Главное значеніе поэмы заключается въ прекрасной передачѣ образовъ, въ выразительной рефлексіи и въ классической законченности выраженія, не говоря уже о той глубинѣ чувства, которая такъ блестяще возвышаетъ именно народное значеніе поэмы. Но сфера Ботта—мелкія баллады. Самыми лучшими изъ нихъ, какъ по глубинѣ идеи, драматизму и пластичности, такъ и по силѣ выраженія можно назвать: „Povest' bez konca,“ „Žltá ľalijsa“ и „Margita a Besná.“ Изъ произведеній Ботта

¹⁾ „Spevy,“ стр. 221.

²⁾ Феръ. Шульдъ, въ „Narod. Listech,“ 25 іюня, 1880 г.

философскаго характера первое мѣсто занимаетъ прекрасное по своей рефлексивности стихотвореніе „Žiaľ by Svätobožove;“ заслуживають вниманія также: „Zpěv na slovenskú kníhtlačiareň“ (что ни слово-то золото) и не менѣе удачное коротенькое стихотвореньице „Vrahom,“ гдѣ поэтъ вѣщаетъ отъ лица всего своего народа. Хороши также и „Piesne vojenské,“ четыре романса въ стилѣ малорусскихъ думокъ; хотя они и не лишены извѣстной силы и мягкости выраженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ вѣетъ и какимъ-то холодомъ. „Они, что ель въ безвѣздную ночь,“ говорить о нихъ Ваянскій ¹⁾).

Ботто имѣетъ болѣе значенія въ своихъ балладахъ, нежели въ произведеніяхъ чисто аллегорическаго характера, которыя, правда указываютъ на, то, что поэтъ уже въ пятидесятихъ годахъ былъ глубоко проникнутъ славянскою идеею и ея будущностью, но не сумѣлъ высказать ее ясно, не прикрываясь мистическимъ плащомъ. Судя по „смерти Яношика,“ мы могли бы назвать Ботто истолкователемъ тѣхъ мрачныхъ сторонъ словенства, которыя коренятся уже въ самомъ характерѣ народа, и тѣхъ, которыми оно обязано своему притѣснителю. Мистицизмъ и аллегоризмъ Ботта зачастую являются отголосками тѣхъ образцовъ, на которыхъ онъ воспитывался, но за то, гдѣ поэтъ изображаетъ свой народъ и его духовныя свѣтлыя или мрачныя стороны, указывающія на наивное, но глубокое знаніе жизни, гдѣ онъ говоритъ о бѣдствіяхъ и несчастной судьбѣ этого народа, тамъ онъ вполне самостоятеленъ. Развитія въ творествѣ Ботта нѣтъ. Ни одно его произведеніе нельзя назвать зачаточнымъ; онъ писалъ ихъ исключительно по призыву своей души, не изъ-за славы и не ради забавы. Оносительно внѣшней формы стихотвореній Ботта можно сказать тоже, что и о пѣсняхъ Халупки: мно-

¹⁾ „Narodnie Noviny,“ XI, 1880 г. № 59.

гія изъ нихъ почти совсѣмъ не грѣшатъ противъ правильной формы и колеблющійся ритмъ ихъ производитъ впечатлѣніе мелодіи. Это, впрочемъ, и естественно; какъ въ балладахъ Халуки пѣвучесть многихъ изъ нихъ достигла своей высшей степени, такъ у Ботта духъ народной поэзіи, пожалуй, будетъ еще интенсивнѣе.

Значеніе Ботта въ литературѣ можно опредѣлить и формулировать слѣдующимъ образомъ: рѣчь его художественна, изящна и свѣжа, безо всякой растянутости, напыщенности или вульгарности; словацкій языкъ въ его стихахъ звучитъ, какъ звонъ золотого колокольчика.

Ботто является поэтомъ по преимуществу народнымъ (судя по внѣшности даже болѣе народнымъ, чѣмъ самъ Сладковичъ); поэтъ дышетъ душою народа, изъ котораго вышелъ, и съ него вполнѣ достаточно этого фонда для всей возвышенности и прелести его твореній. Онъ обладаетъ особеннымъ искусствомъ въ изображеніи темныхъ сторонъ словацкаго характера и увѣковѣчилъ ихъ въ истинно классическомъ словѣ.

Покончивъ съ рядомъ писателей, творившихъ свои произведенія въ духѣ Халуки, мы перейдемъ къ двумъ поэтамъ, воспитанникамъ западнаго романтизма.

Вилемъ Паулини-Тотъ (Pauliny-Tóth) занимаетъ довольно видное мѣсто въ дѣлѣ словацкаго возрожденія ¹⁾. Онъ родился 3-го іюня 1826 года въ Сѣницѣ, Нитранской жупы, и уже черезъ годъ лишился отца, тамошняго еванг. священника. Мать его, женщина образованная и ревностная патриотка, сама занималась первоначальнымъ образованіемъ маленькаго Вилема. Съ 1836 по 1846 годъ онъ учился въ Ко-

¹⁾ Обширная и замѣчательно составленная д-ромъ Гурбаномъ, біографія Паулини находится въ альманахѣ „Nitra“, VII, 1877 г. 329—408.

марнскомъ мадьярскомъ училищѣ, гдѣ успѣлъ омадьяриться до того, что Карлу Штуру (старшему брату Людевита, тогдашнему директору гимназіи въ Модрѣ) едва, и то съ большимъ трудомъ, удалось своимъ вліяніемъ выбить изъ головы его трескучія произведенія мадьярскихъ романтиковъ. Впрочемъ добиться полнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ не удалось и Людевиту Штуру, когда Паулини поступилъ на юридическій факультетъ въ пресбургскій лицей. Питая великія надежды на будущее, Паулини изучалъ почти всѣ науки: законовѣдѣніе, богословіе, философію и исторію. По окончаніи наукъ Паулини занялъ мѣсто воспитателя въ Сербіи, откуда однако спустя годъ тоска по родинѣ принудила его возвратиться домой, гдѣ онъ и занялъ снова мѣсто воспитателя въ шляхетской семьѣ, въ Гонтѣ, и въ томъ же году былъ сдѣланъ учителемъ въ еванг. заведеніи въ Кремницѣ. Въ 1848 году, будучи выслѣженъ въ своихъ дѣйствіяхъ Кошутовскимъ комиссаромъ, онъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или тюрьму, или же мундиръ „гонведа;“ при столь затруднительномъ положеніи онъ выбралъ послѣдній, и вслѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ его въ жаркихъ стычкахъ при Швехатѣ, Раабѣ, Морѣ, Баболинѣ и Тетенѣ. Схваченный въ Пештѣ имперцами, онъ былъ заключенъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея спустя лишь довольно продолжительное время, когда невинность его была вполнѣ обнаружена. Въ 1850 году мы видимъ Паулини уже на государственной службѣ, сначала въ качествѣ „подслужнаго,“ затѣмъ „служнаго“ и, наконецъ, перваго стѣличнаго комиссара. Въ 1855 году онъ вступилъ въ бракъ съ мадьяркою Вильгельминою Тотъ, женщиною высокоблагородною, отецъ которой усыновилъ его и хлопоталъ ему дворянское званіе. Въ 1862 году Паулини редактируетъ въ Будѣ беллетристическій журналъ, „Sokol“ и юмористическій „Černokňazník,“ а въ 1865 онъ снова попадаетъ въ тюрьму

за свою брошюру о Яношикѣ, въ которой рѣзкими чертами изобразилъ положеніе словацкихъ крестьянъ до 1848 года. Въ 1866 году Паулини Тотъ былъ назначенъ вице-старшиною „Словенской Матицы“ и въ 1867 году основалъ гимназію въ Турч. св. Мартинѣ, куда было переселился изъ Буди; въ 1868 году онъ явился учредителемъ сберегательной кассы тамъ-же. По прошествіи года Паулини былъ избранъ въ депутаты отъ Кульпинскаго отруга въ южной Угріи, въ 1871 г. инспекторомъ Нитранскаго сеніората и затѣмъ въ томъ же году былъ главнымъ редакторомъ газеты „Národné Noviny.“ Съ этого времени, вплоть до самого 6-го мая 1877 года, т. е. до дня его смерти, мы видимъ его неутомимымъ и дѣятельнымъ защитникомъ правъ своего народа. „Среди Словаковъ онъ былъ, что форець во Вратнѣ, а при Мурані, среди Мадьяръ, что Черногорець на стражѣ, въ ночи, передъ боемъ“ ¹⁾.

Какъ поэтъ, Паулини былъ поклонникомъ иностраннаго романтизма и, не смотря на всѣ усилія словацкихъ наставниковъ, ему никогда не удалось отрѣшиться отъ него. Первое собраніе его произведеній (33 стихотвор.), подъ названіемъ „Staré a nové piesne od Vilema Podolského,“ вышло въ 1863 году въ Прагѣ (изд. Е. Валечкою). Эти пѣсни дышатъ пламенной любовью къ родинѣ, особенно въ тѣ прошлыя времена, сложившіяся подъ вліяніемъ 1848 года. Пѣвучесть и выразительность сказанныхъ пѣсенъ вызвали переложеніе ихъ на ноты и многія изъ нихъ поются до сихъ поръ. Въ 1877 году дочь незабвеннаго поэта издала всѣ его стихотворенія, исполненныя любовью къ дѣвѣ и отечеству, а порою и острою, жгучею сатирой. „О чемъ пѣть?“ спрашиваетъ поэтъ тотъ-часъ же въ первой своей пѣснѣ: „о знаменитыхъ дѣя-

¹⁾ Д-ръ Гурбанъ, въ „Нитрѣ,“ VII, 1877 г. 379.

ніяхъ?—Мой юный народъ не имѣетъ героевъ, еще не жилъ, не можетъ похвалиться своею исторіею. Когда-же лира моя, умилившись, старается пробудить спящій народъ, то она издаетъ только стонъ и навѣваетъ еще большую грусть.“ Поэтъ обращается къ любви, гдѣ вождемъ его является Колларъ. Еще будучи ученикомъ Паулины уже переписывалъ въ свою тетрадку пѣсни изъ Колларовой „Дочери Славы,“ декламировалъ ихъ, и самыя выдающіяся изъ нихъ отзывались у него въ душѣ даже въ минуты его собственнаго вдохновенія. Онъ приходилъ въ восторгъ, любуясь закатомъ солнца, пестрыми красками вечерняго полумрака, сѣрыми, окутанными туманомъ, горами, вслушивался въ журчанье ручья, лазилъ по скалистымъ стремнинамъ, въ ущельяхъ которыхъ вѣтеръ шумѣлъ о минувшей славѣ; мечталъ о народахъ, разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ свѣта, о рѣчи этихъ народовъ и обычаяхъ; забирался въ дебри исторіи человѣчества и его духовнаго прогресса въ новѣйшее время, такъ поздно однако являющагося озарить своимъ свѣтомъ истомленные лица податранскихъ жителей. Нильскимъ жрецамъ божество представлялось въ образѣ Изиды, Зердусу—въ огнѣ, грекамъ—на Олимпѣ, римлянину—въ молніяхъ Юпитера; для однихъ оно сіяетъ своимъ свѣтомъ въ произведеніяхъ Кановы и Рафаэля, для другихъ—въ дерзкихъ полетахъ могущества и славы,—нашъ поэтъ находилъ его въ огнѣ, горящемъ въ очахъ его Мины... Съ лирою въ рукахъ обошелъ-бы онъ весь міръ, пѣлъ-бы о мученіяхъ своей любви, погибшей въ весеннемъ ея разцвѣтѣ, будилъ-бы уснувшія чувства людей, живущихъ на пространствѣ земли отъ Волги до Салы, и отъ волнъ Балтійскихъ до Адріатики, пѣснью своею омылъ-бы онъ старинные грѣхи народа и мощными звуками своей лиры заставилъ-бы подобно трубному гласу въ часъ послѣдняго суда всѣхъ спящихъ подняться изъ могилъ....

Въ такомъ духѣ написаны всѣ любовно-патріотическія произведенія Паулини. Небольшія патріотическія, тенденціозныя стихотворенія сдѣлались достояніемъ народа. Сатиры Паулини, касающіяся національно-политической жизни Словенска была въ свое время въ большомъ ходу благодаря нѣкоторымъ острымъ намѣкамъ, заключающимся въ нихъ. Для историка литературы стихотворенія Паулини имѣютъ значительный интересъ: благодаря имъ онъ отчасти можетъ познакомиться съ тою бурною порою, когда они появились. Впрочемъ, они и не имѣли притязанія на нѣчто бѣльшее; родились они мгновенно, оказали въ свое время сильное вліяніе, и благородный пѣвецъ не требовалъ и не обѣщалъ себѣ отъ нихъ ничего больше, кромѣ того, что-бы они будили святымъ своимъ огнемъ его родимый край отъ мертвеннаго усыпленія (см. „Žiadost“). Пьесы: „Jánošík s milou“, „Pieseň bez konca“, „Poslední spevec“, „Romatenec“ и „Zlatý prsteň“ (историческая повѣсть изъ послѣдней четверти XVII-го столѣтія) являются самыми цѣнными произведеніями Паулини въ литературномъ отношеніи. Паулини былъ талантливымъ публицистомъ и излюбленнымъ новеллистомъ; въ драмѣ онъ несравненно слабѣе.

Поэтомъ сроднымъ съ Паулини по духу былъ Догнанный.

Микулашъ Догнанный (Mikuláš Dohnány). Меланхолическая и созерцательная мысль Догнаннаго ¹⁾ вся погрузилась въ глубину гениальныхъ, отличавшихся рефлексивностью поэтовъ, особенно въ творенія Байрона, изъ которыхъ онъ перевелъ нѣсколько; небольшое количество стихотвореній Догнаннаго являются какъ-бы отголоскомъ мощныхъ аккордовъ указаннаго поэта. Будучи человѣкомъ высоко образованнымъ,

¹⁾ Нѣсколько данныхъ для его біографіи находятся единственно лишь въ „Slovenské Pohl'ady“, III, 1852, 198.

Догнанный былъ основательно знакомъ съ классическою, западно-европейскою и славянскою литературами. Онъ умеръ еще молодымъ, всего на 26-мъ году жизни, вполнѣ неожиданно отъ воспаленія мозга, 2-го іюня 1852 г., въ Тернавѣ гдѣ занимался въ редакціи Гурбановскаго журнала „Slovenské Pohľady.“ Шекспиръ, Байронъ и Оссіанъ были неразлучными друзьями поэта даже на смертномъ одрѣ его. Сочиненія Догнаннаго могутъ служить для насъ его біографіею. Они всѣ полны чувства и производятъ на читателя сильное впечатлѣніе; по нимъ мы можемъ лучше всего судить о способности автора къ анализу, равно какъ по мелкимъ лирическимъ произведеніямъ его—о любви поэта къ словацкому народу и его быту.

Желаніе Догнаннаго:

„Nechcem ja dňov prežiť mnoho ¹⁾

Dost' mi jedna pekná chvíľka....“

исполнилось. Придя 22-го мая (1852 г.) въ редакцію „Pohľadov“ и усѣвшись на свое мѣсто, поэтъ вдругъ ни съ того, ни съ сего произнесъ слѣдующія слова: Во имя преблагословенной Троицы призываю всѣхъ вѣрныхъ Славянъ 30 мая въ Тернаву.“ Затѣмъ, будучи на общемъ собраніи городского Совѣта, онъ, къ величайшему удивленію всѣхъ присутствующихъ, вдругъ повелѣ рѣчь о звѣздахъ; послѣ этого, придя домой, онъ написалъ д-ру Гурбану письмо, гдѣ между всякимъ вздоромъ помѣшаннаго мы читаемъ слѣдующее: „я начинаю имѣть какія-то видѣнія и не понимаю еще хорошо теперешнихъ моихъ поступковъ. Будьте добры, станьте за меня....“ Въ послѣднихъ стихахъ, написанныхъ имъ въ своемъ дневникѣ, мы читаемъ:

¹⁾ Не желалъ-бы дней прожи ь я много, мнѣ довольно и одной минуты красной“

„Žiaľom, bolest'am niet ešte konca ¹⁾
 Pod Tatrami,
 Slziam, nerest'am ani utrpeniam!
 Černobog tam ešte trápi duše dobré....“

Нѣсколько дней спустя поэтъ скончался.

Въ 1848 году Догнанный издалъ свою драму „Podmaní-
 povci,“ а въ 1850 (въ Скалицѣ) „Исторію словацкой рево-
 люціи 1848 года“—трудъ, имѣющій большое значеніе по до-
 стовѣрности фактовъ и глубокому пониманію вещей.

Главная заслуга въ дѣлѣ народнаго возрожденія и но-
 ваго разцвѣта литературы въ 40-хъ годахъ принадлежитъ
 почти всецѣло евангелической части словацкой молодежи, и
 особенно духовенству. Эти люди жили однимъ чувствомъ, ве-
 ли борьбу за этотъ народъ, съ нимъ страдали и побѣждали,
 ему пѣли. Такъ составилъ цѣлый рядъ поэтовъ-патріотовъ,
 произведенія которыхъ имѣютъ неизгладимое національное
 значеніе.

Изъ нихъ самое выдающееся мѣсто по оригинальности
 принадлежитъ Кузмани.

Д-ръ **Карлъ Кузманн** (Karel Kuzmány) родился 16-го но-
 ября 1806 года въ Брезнѣ, Зволенской стóлицы ²⁾. Еще въ
 годы юности, обучаясь у своего отца греческому и латин-
 скому языкамъ, онъ нашелъ въ домашней библіотекѣ Доле-
 жалову чешскую грамматику, которая окончательно и на всю
 уже жизнь установила его взгляды на народъ. Съ 1817 по

¹⁾ „Въ Татрахъ все еще нѣтъ конца печали и бѣдствіямъ, слезамъ, на-
 реканьямъ и страданьямъ! Тамъ Чернобогъ все еще мутитъ добрыя души“....

²⁾ Біографію его см. въ „Соколъ“ II, 1863 г. 220. Болѣе основательная
 біографія его принадлежитъ М. Храстку, въ „Slawische Blätter“ Лукшича I,
 1865 г. 308 и слѣд.

1820-й годъ онъ учился въ гимназіи въ Добшинѣ, а по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ въ несчастномъ Гемерскомъ училищѣ (Sajó Gömör). Начиная съ 1823-го года, Кузмани прожилъ пять лѣтъ въ Пресбургѣ, гдѣ слушалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ ученыхъ силъ (исключая стараго Палковича, который, по собственному признанію Кузмани, былъ не симпатиченъ для молодежи). Наконецъ, когда, съ появленіемъ въ свѣтъ „Дочери Славы“ и „Славянскихъ древностей“, оживился весь Пресбургъ, Кузмани и многіе другіе словацкіе юноши были первыми распространителями идей, выраженныхъ въ этихъ произведеніяхъ, среди жителей Лобеди, Куницы, Госпиды, Трисницы и даже въ самой Іенѣ, гдѣ сказанная молодежь обучалась въ университетѣ, въ 1828 году. Въ 1829 году Кузмани, возвратившись изъ Германіи, учительствовалъ въ Кежмарской гимназіи, а въ слѣдующемъ году получилъ мѣсто дьякона въ Баньской Быстрицѣ; затѣмъ половину слѣдующаго года онъ былъ священникомъ въ Зволенѣ, и наконецъ, къ веснѣ 1832 года мы видимъ его снова въ Баньской Быстрицѣ уже суперинтендентомъ. Семнадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ здѣсь, явятся годами жестокой борьбы съ мадьяризмомъ, проникавшимъ въ общество и въ церковь. Здѣсь онъ издавалъ журналъ „Hronka“, писалъ богословскія сочиненія и стихи; отсюда онъ поддерживалъ постоянную духовную связь съ Колларомъ, Шафарикомъ, Ганкою, графомъ Росцишевскимъ (смотрителемъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ) и распространялъ въ обществѣ славянскія литературныя произведенія своего времени, отсюда-же вліялъ онъ также и на много общавшихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи молодыхъ людей, какъ-то на Людевита Штура, Калинчака, Плошицу, а позже даже на Сладковича. Тутъ онъ вмѣстѣ съ другими издалъ евангелическій канціональ и здѣсь-же пережилъ преслѣдованія и всѣ ужасы революціи, жертвою которыхъ

сдѣлались многія рукописныя неизданныя его сочиненія. Въ 1849 году Кузмани получилъ кафедру правител. богословія въ Вѣнскомъ университетѣ. О дѣятельности его въ этотъ періодъ времени свидѣлствуютъ слѣдующіе его труды: сочиненія по богословію, изд. въ Вѣнѣ въ 1856—60-мъ годахъ („Církevní ev. právo,“ „Právo manželské pro veškerá vyznání“ и др.); новое, по оригиналу исправленное, изданіе Кралицкой библии съ аналогическимъ правописаніемъ (въ Брит. библейск. обществ.); дѣятельное участіе въ вѣнской газетѣ „Slovenské Noviny,“ сотрудничество въ переводѣ издаваемого Раевскимъ „Euchologia pravoslavné církve“ и др. Въ Вѣнѣ-же Кузмани произнесъ рѣчи на похоронахъ Коллара и Шафарика. Въ 1860 году, снова избранный суперинтендентомъ, онъ переселился въ Баньскую Быстрицу, гдѣ въ это время, какъ и во всей словацкой землѣ, шла отчаянная борьба. Скоро, впрочемъ, Кузмани снова занялъ кафедру въ Вѣнѣ и отсюда уже исполнялъ свои обязанности суперинтендента, такъ какъ въ „свободной“ странѣ не было въ безопасности отъ подкупленныхъ убійцъ. Спустя года три онъ поселился, наконецъ, въ Турч. св. Мартинѣ, гдѣ единогласно былъ избранъ вице-старостою „Словенской Матицы.“ Этотъ почтенный мужъ, равно великій ученый, какъ ревностный патріотъ и человѣкъ непреклоннаго характера, скончался 11 августа 1866 года.

Кузмани, хотя и былъ весьма талантливымъ поэтомъ въ церковной поэзіи, особенно судя по его сборнику „Narfoz-pění“ (писанному почешски), тѣмъ не менѣе имѣетъ извѣстную заслугу и въ литературѣ свѣтской, гдѣ онъ оставилъ послѣ себя достаточное число пѣсенъ. Пѣсни эти печатались сначала по чешски въ журналѣ „Hronka“ (1836—38 гг.) и затѣмъ въ журналѣ Добшинскаго и Паулини „Sokol“ пословацки. Многія болѣе мелкія его произведенія сдѣлались народными, и военная его пѣсня „Do zbroje, Slovania“ до сихъ

поръ въ ходу по всей словацкой землѣ, равно какъ и патріотическая его пѣсня „Hej len vždy veselo,“ вдохновенная ода „Zadumenie podzimne“ и прекрасный гимнь „Kto za pravdu horí“ (на послѣдній была написана нѣсколько разъ музыка). Вообще свѣтскія стихотворенія Кузмани отличаются возвышенностью идеи, восторженностью, задушевностью и глубиною чувства.

Наряду съ Кузмани стоитъ Годжа.

Михаилъ Милославъ Годжа (Michal Hodža). Годжа ¹⁾ родился 22 сентября 1811 года въ Ракшѣ (по сосѣдству съ родиною Коллара), Турчанской стóлицы; университетскій курсъ онъ окончилъ въ Вѣнѣ, послѣ чего сейчасъ-же былъ назначенъ еванг. священникомъ въ Липт. св. Микулашѣ. Никто изъ словацкихъ корифеевъ не былъ преслѣдуемъ такъ систематически, какъ Годжа, въ лицѣ котораго преслѣдовался прямо принципъ словацкой національности. Жизнь Годжи, которую онъ окончилъ изгнанникомъ въ Тѣшинѣ 26 марта 1870 года весьма интересна и поучительна для желающихъ познакомиться съ тогдашнею Угріею, но здѣсь мы не имѣемъ достаточно мѣста распространяться о ней. Изъ весьма богатой народной, политической, ученой, духовной и педагогической дѣятельности Годжи (о которой свидѣлствуютъ сочиненія: „Epigenes slovenicus,“ „Dobré slovo Slovákom,“ „Větin o slovenčině,“ „Der Slowak,“ оба „Dohovory,“ „Protestant,“ обѣ „Čitanky“ и „Ne pi pálenku t. j. nezabi“ и др., уже не говоря о цѣлой массѣ рукописей, не вышедшихъ въ печати) мы упомянемъ лишь о томъ, что всѣ народныя собранія, на которыхъ велись совѣщанія и обсуждались

¹⁾ Очерки изъ его жизни напечатаны Цтибогомъ Зохомъ „въ Соколѣ“, П, 1863 г., 436 и слѣд. и въ „Свѣтозорѣ“ XIV, 1880 г. 415—418.

болѣ серьезные вопросы о текущихъ дѣлахъ и вообще нуждахъ Словаковъ, въ большинствѣ случаевъ происходили у него. У него-же получило свое начало въ 1844 году извѣстное общество „Tatrin,“ старостою котораго былъ онъ самъ и которое онъ поддерживалъ болѣе всѣхъ до самаго послѣдняго его чахтицкаго собранія въ 1847 году. Въ интересахъ народа Годжа многократно ѣздилъ въ Вѣну, въ Прагу, по всей Угріи и принималъ дѣятельное участіе въ посольствѣ, которому было поручено изложить предъ императоромъ и высшими государственными учрежденіями свои претензіи и желанія. Во время возстанія Годжа оказывалъ примѣтное вліяніе на народъ своими пламенными рѣчами, пока наконецъ не былъ осужденъ сеніоральной, генеральной и окружной консисторіями, а затѣмъ и высшимъ инспекторомъ еванг. церкви, какъ недостойный священническаго сана и изгнанъ изъ прихода и страны, какъ человѣкъ опасный. Во время разныхъ празднествъ и торжествъ въ народныхъ собраніяхъ, на проповѣднической кафедрѣ, во время возстанія — всюду онъ былъ непобѣдимъ въ отношеніи энергіи. Въ качествѣ народнаго вождя, Годжа проявилъ въ себѣ замѣчательную способность взвѣшивать обстоятельства и примѣняться къ ихъ требованіямъ; какъ духовный пастырь, берецъ за независимость словацкой еванг. церкви въ Угріи, какъ проповѣдникъ, ораторъ, патріотъ и духовный писатель, онъ является образцомъ, котораго еще никто не превзошелъ у Словаковъ. Вліяніе его не было замѣтно такъ рѣзко, какъ вліяніе Л. Штура или Гурбана, но куда только могла проникнуть его благотворная духовная дѣятельность, тамъ рождались золотые плоды. Демосѣеновское краснорѣчіе и теплоту Л. Штура, проникавшія прямо въ сердца, неутомимую энергію, воодушевленіе и неустрашимость Гурбана, Годжа

соединялъ въ себѣ съ необыкновенною проникательностью, ясною логикою и глубиною чувства. Въ поэзіи онъ—мечтатель и мистикъ, въ наукѣ—строгій мыслитель. Памятникъ, воздвигнутый ему вѣрными Словаками на чужой Тѣшинской землѣ 8 августа 1872-го года, лишь незначительное воздаяніе за истинно великія дѣла его.

Какъ поэтъ, Годжа былъ главнымъ образомъ духовнымъ поэтомъ, „Давидомъ съ неземною псалтырью, духовнымъ пѣвцомъ отъ рожденія,“ какъ выразился о немъ Колларъ. Отрывки его „Вѣрославина,“ этой второй „Дочери Славы,“ полны прекрасныхъ мыслей и восторженного чувства; національныя идеи Годжи получили въ нихъ полнѣйшее свое выраженіе. Къ сожалѣнію „Mator,“ большая героическая поэма, въ одномъ изъ эпизодовъ которой фигурируетъ эпическій Яношикъ, а равно и множество другихъ произведеній Годжи остались въ рукописи.

Вѣрнымъ другомъ Годжи въ его національной, литературной и религіозной борьбѣ, а также и сверстникомъ его на поприщѣ поэзіи былъ Гурбанъ.

Іосифъ Людевитъ Гурбанъ (Jos L'ud. Hurban) родился 18 марта 1817 года въ Бецковѣ ¹⁾, гдѣ отецъ его былъ еванг. священникомъ. Въ 1830 году онъ былъ помѣщенъ въ Пресбургское учебное заведеніе, гдѣ въ теченіи 10 лѣтъ изучалъ свободныя науки, философію и богословіе. Ревностный Словакъ-ренегатъ, проф. Грегущъ едва было не воспиталъ юнаго Гурбана совершеннымъ мадьярономъ. Внезапное возвращеніе въ національному словацкому патріотизму произошло въ

¹⁾ Біографія его, составленная Паулини, помѣщена въ „Соколъ,“ I, 1862 года, 137 и слѣд.; удачная характеристика его дѣятельности принадлежитъ тоже Іосифу Шкультети въ его соч.: „Pamiatka d-ga Josefa M. Hurbana“ Турч. св. Мартинъ, 1888 г., гдѣ помѣщено также и подробное описаніе похоронъ покойнаго.

Гурбанъ въ 1836 году. Чѣмъ былъ онъ въ то время для словацкаго общества въ Пресбургѣ, для Штуровскаго института, для кружка путешественниковъ и пѣвцовъ, на публичныхъ собраніяхъ, на своихъ лекціяхъ, читанныхъ для младшихъ учениковъ, словомъ, во всей духовно-національной жизни Пресбургской молодежи, чѣмъ былъ онъ вообще для своей родины,—мы видѣли уже выше.

Въ 1836 году, 24 апрѣля Гурбанъ принялъ въ Дѣвинѣ имя Милослава. Послѣ путешествія по словацкой землѣ, онъ былъ въ 1840 году посвященъ въ священническій санъ и получилъ приходъ въ Брезовой, гдѣ пробылъ три года. Прага, Пешть, Оломуць, Быстрица, Берно, св. Микулашъ, Пресбургъ и Сегединъ были въ это время въ постоянномъ сношеніи съ Брезовой благодаря многочисленнымъ литературнымъ статьямъ, сочиненіямъ и письмамъ Гурбана. Занятія его по философіи и исторіи происходили здѣсь обыкновенно по ночамъ, такъ какъ весь день его цѣликомъ былъ посвященъ дѣламъ духовнымъ. Здѣсь, въ Брезовой, Гурбанъ учредилъ воскресную школу, посѣщавшуюся большимъ числомъ слушателей, здѣсь-же онъ говорилъ, а позже и напечаталъ о „первомъ своемъ огорченіи,“ именно: о запущенности словацкихъ школъ и происходящемъ отъ того ослабленіи народнаго духа, о затруднительности народнаго образованія безъ кружковъ, безъ періодическаго изданія, народныхъ библіотекъ и т. д., за что и былъ преслѣдуемъ и обвиняемъ со стороны адвокатовъ, шляхты-ренегатовъ и инспекторовъ. Вскорѣ затѣмъ Гурбанъ издалъ свою книгу „Cestopis po Sечách a Moravě“ и альманахъ „Nitra,“ изъ-за которыхъ ему пришлось вести ожесточенную борьбу особенно съ ренегатами духовнаго званія. Въ томъ же (1842) году по всей словацкой землѣ распространилась книга Халушки „Sendschreiben,“ направленная противъ генеральнаго инспектора графа Залъ, который ради болѣе ус-

пѣшной мадьяризаціи края, пытался провести унію между лютеранами и кальвинистами. Эта знаменитая брошюрка, окончательно разбившая Зая, сильно повліяла на дальнѣйшую жизнь Гурбана: это сочиненіе было „первымъ протестомъ противъ неприкосновенности шляхты,“ а равно и признакомъ начинавшагося народнаго движенія. Со всѣхъ сторонъ начали раздаваться энергическіе голоса протеста, но въ конвентахъ все еще господствовала всемогущая шляхтаренегаты и помощи ожидать отсюда было невозможно. Іозеффи, Себерини, Годжа были голосами вопіющихъ въ пустынь. Помочь могла только литература, но и здѣсь царило затишье. Никто не брался за перо: всевластный графъ Зая, ученые, въ рукахъ которыхъ находилась словацкая молодежь, профессора, „просвѣщенное“ помѣщичество, всемогущіе своимъ крикомъ конвенты, инспекторы, фискалы, адвокаты—все это шло съ общимъ теченіемъ. Бѣдное, запуганное, пригнетенное духовенство было безсильно ¹⁾. Въ 1843 году Гурбанъ получилъ приходъ въ Глубокомъ и тотъ-часъ-же принялъ свое путешествіе по словацкой землѣ; унія графа Зая принуждала его направить свой маршрутъ преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ церковный авторитетъ могъ имѣть еще силу. Послѣ тщетныхъ увѣщаній, что-бы образованные Словаки противустали задуманному насильственному акту, Гурбанъ принялся за новый трудъ и къ 1845 году было уже готово его сочиненіе: „Unia, čili spojení luteranů s kalvínou v Uhrách,“ за которое Лейпцигскій университетъ почтилъ автора ученою степенью доктора богословскихъ наукъ, а императоръ наградилъ золотою медалью. Тѣмъ не менѣ Пресбургскій конвентъ, мудрецы-профессора, деньги, краснорѣчіе, притѣсненія по службѣ и пр.—все было пущено въ

¹⁾ „Sokol,“ I, 254.

ходъ противъ Гурбана. Трудно здѣсь отмѣтить всѣ факты дальнѣйшей борьбы Гурбана, его богословско-полемическія брошюры и книги, посредствомъ которыхъ онъ нападалъ и защищался, ту утонченность и насиліе, при помощи которыхъ враги желали лишить его прихода, движеніе противъ суемудрыхъ замысловъ уніи, сочувствіе тысячи лицъ, увлеченныхъ сочиненіемъ Гурбана и, наконецъ, позже, послѣ 1856 года, новую жестокую борьбу его по поводу патента. Мѣсто не позволяетъ намъ распространяться здѣсь также и о благотворной дѣятельности Гурбана при основаніи общества трезвости, чего онъ достигъ при помощи католическихъ священниковъ Заводника и Голчека, ни о висѣлицахъ, которыми многократно угрожали Гурбану во время революціи. О томъ, чѣмъ былъ Гурбанъ для Словенска въ эти годы, исторія говоритъ мало. Онъ, то собиралъ народныя сходы въ Міявѣ, Вербовцахъ, св. Микулашѣ, Липтовѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ убѣждалъ народъ добиваться своихъ правъ, то дѣлалъ безчисленныя заявленія, куда слѣдуетъ, то живою рѣчью своею призывалъ словацкій народъ къ дѣятельности и снабжалъ учащуюся молодежь и опытныхъ воиновъ деньгами, оружіемъ и порохомъ. При посредствѣ особыхъ пословъ онъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ со своимъ народомъ, однихъ увѣщевалъ, другихъ побуждалъ, собиралъ пособія, помогалъ заключеннымъ въ тюрьму народнымъ мученикамъ, словомъ, работалъ такъ, какъ только въ состояніи работать человекъ ¹⁾. Когда была составлена сыскная записка о Гурбанѣ, Штурѣ и Годжѣ, они бѣжали въ Прагу, призывая на помощь чешскихъ братьевъ своими прочувственными рѣчами. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Гурбана въ Вѣнѣ, Загребѣ, Пельчахъ, Рогичѣ, сербскомъ Бѣлградѣ, Границѣ и Митровицѣ—всюду искалъ онъ той-же помощи, пока не нашелъ ее, на-

¹⁾ „Sokol“, I, 349.

• вонецъ, въ лицѣ бана Елачича. Три похода словацкихъ добровольцевъ увѣнчали дѣятельность Гурбана на этомъ поприщѣ. Затѣмъ, когда въ 60-хъ годахъ для Словенска настала новая эпоха, Гурбанъ снова сталъ въ первомъ ряду дѣятелей.

Отдѣльныхъ трудовъ Гурбана появилось въ печати пока нѣсколько болѣе двадцати. Но затѣмъ нѣтъ почти ни одного словацкаго (а ранѣе чешскаго) журнала, альманаха, словаря, гдѣ бы Гурбанъ не былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся сотрудниковъ.

Вотъ краткій очеркъ богатой дѣятельности необыкновеннаго мужа, который до глубокой старости сѣумѣлъ сохранить юношескую твердость духа и ничѣмъ непоколебимую вѣру въ торжество своихъ идей. Еще въ 1846 году онъ сказалъ самъ о себѣ.

„Na krídlach prechých mladosti duch letí ¹⁾
 Do krajín vyšších, do iného sveta,
 V slnečné ríše, nádeja kde svieti
 A kvitne krajšej skutočnosti kviet'a....
 Cez hroby svojho zemskeho pokoja
 Mládenec letí so svetom do boja.

Teč rieka môjho ďalej už života,
 Videl som pravdu mladosti svej krokov,
 A bár ma život v odpory zmotá—
 Neol'utujem svojho žitia krokov:
 Stlačil som roky v myšlienku jedinu
 A v tej života chvíle nezahynú“....

¹⁾ Духъ юности летитъ на быстрыхъ крыльяхъ къ вышнимъ странамъ, къ иному міру, въ область солнца, гдѣ сіяетъ надежда и цвѣтутъ цвѣты болѣе прекрасной дѣйствительности.... По гробамъ своего земного покоя юноша мчится на бой съ міромъ. Протекай далѣе рѣка моей жизни, я уже видѣлъ истину моихъ юношескихъ шаговъ, и хотя жизнь скуетъ меня крѣпкими оковами, я не

И этимъ словамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдняго вздоха; 21 февраля 1888 года онъ мирно отошелъ въ вѣчность, сопровождаемый до самой могилы громадными толпами своего народа и оплаканный всѣмъ Славянствомъ.

Переходя теперь къ рассмотрѣнію поэтической дѣятельности Гурбана, мы должны сознаться, что большимъ поэтическимъ талантомъ въ истинномъ значеніи слова онъ не обладалъ. Массѣ тенденціозныхъ, писанныхъ на разные случаи, лирическихъ ¹⁾ его произведеній (какъ, наприм. „Básnikov rovník“, прославляющее Голаго и др.), фантастическое сочиненіе его „Divadlo duchov nad Tatrami“ и поэма „Zriňský na Sihoti“ свидѣлствуютъ, правда, о пыломъ чувствъ и богатой фантазіи автора, а эпиграммы на разные случаи—о его остроуміи и патріотизмѣ, но большаго значенія они не имѣютъ; таково-же и его небольшое собраніе „Piesne nategaz“ (1861 г.), заключающее въ себѣ политико-патріотическія пѣсенки. Сравнительно болѣе удачнымъ поэтическимъ произведеніемъ Гурбана можно назвать его думы, попросту называемыя „пѣснями“, въ которыхъ пламенные мечты, возвышенныя идеи, тяжелое разочарованіе, словомъ, цѣлая картина эпохи и душевнаго міра автора достигли самаго удачнаго своего выраженія. Въ изящной литературѣ Гурбанъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ новеллѣ, въ области которой онъ считается однимъ изъ даровитѣйшихъ писателей.

Къ указанному кружку литературныхъ дѣятелей принадлежитъ также и авторъ извѣстной пѣсни „Hej Slováci, ešte naša slovenská reč žije“—Само Томашикъ.

буду раскаиваться въ поступкахъ моей жизни: я слилъ въ одну идею годы, и въ ней не погибли минуты жизни.“

¹⁾ „U proudů valných Dunaje širého“, „Bije zvon svobody“ и нѣсколько другихъ сдѣлались національными пѣснями народа.

Самуилъ Томашикъ (Sam. Tomášik) родился 8 февраля 1813 года ¹⁾, въ Ельшавскоой Теплицѣ и учился въ разныхъ городахъ сѣверо-восточной Угріи. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ еванг. священникомъ на мѣсто умершаго отца своего, но такъ какъ онъ не достигъ тогда еще совершеннолѣтія, то сдалъ довольно трудный экзаменъ, и отправился пока въ Германію, въ Берлинскій университетъ. По дорогѣ заѣхавъ на нѣкоторое время въ Прагу, нашъ поэтъ познакомился тамъ съ тогдашними представителями чешской литературы и, совершивъ затѣмъ путешествіе къ другимъ славянскимъ народамъ въ Лужицкой и Поморской земляхъ, въ 1835 году возвратился въ Хижное, гдѣ и окончилъ свою скромную, но плодотворную жизнь 10 сентября, 1887 года. Передъ смертью онъ успѣлъ еще разъ побывать въ Прагѣ, гдѣ и былъ свидѣтелемъ того прогресса, который сдѣлали Чехи въ послѣднія 40 лѣтъ.

Томашикъ написалъ много патріотическиххъ, народныхъ и различныхъ стихотвореній въ формѣ обычной пѣсни, а также и стихотвореній политическаго характера, въ видѣ маршей и т. д. Всѣ эти пѣсни и досихъ поръ пользуются особенною любовью Словаковъ, такъ какъ игривостью чувства, выразительностью языка и удачно выбранною формою словацкихъ краковяковъ, онѣ дѣйствительно производятъ сильное впечатлѣніе; въ этомъ отношеніи ихъ почти нельзя отличить отъ настоящей простонародной пѣсни. Въ устахъ пѣвучаго народа слышится до полсотни такихъ стихотвореній — пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшимся назвать стихи Томашика настоящими художественными произведеніями, да они не претендуютъ на это; собраніе ихъ вышло въ Прагѣ, въ 1888 году. Въ области новеллистики Томашикъ

¹⁾ Біографію его см. въ „Соколѣ“ Паулини, II, 1863 г. 251—254 и въ „Соколѣ“ Добшинскаго, II, 1861, 21—26.

тоже имѣть сравнительно бѣльшее значеніе, чѣмъ въ поэзіи.

Цтибогъ Зохъ (Ctiboh Zoch, до 1852 года подписывавшійся Cochius), современникъ Томашика, родился 15 марта 1815 года, въ Вел. Веси, Оравской столицы, гдѣ отецъ его 50 лѣтъ былъ учителемъ. Окончивъ курсъ еванг. богословія въ Пресбургѣ, онъ вмѣстѣ съ Люд. Штуромъ издалъ въ 1836 году: „Plody učenství řeči česko-slovenské,“ затѣмъ, пробывъ нѣкоторое время воспитателемъ въ дворянской семьѣ въ Липтовѣ, назначенный священникомъ, переѣхалъ въ Оравскій Ясеновъ. Въ 1854 году мы застаемъ его на должности Оравскаго „сеніора,“ каковую онъ и занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 15 декабря 1865 года.

Зохъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ словацкихъ національно-политическихъ и литературныхъ движеніяхъ; имя его мы встрѣчаемъ во всѣхъ журналахъ, альманахахъ и календаряхъ за 1841—65 годы, гдѣ онъ писалъ во всѣхъ областяхъ литературнаго творчества. Передавать на основаніи его записокъ всѣ тѣ мученія, которыя ему пришлось вынести, или исчислять множество различныхъ его статей и изслѣдованій, какъ изданныхъ, такъ и оставшихся въ рукописяхъ, здѣсь невозможно. Отмѣтимъ лишь то, что Цтибогъ Зохъ, будучи всю свою жизнь преслѣдуемъ чувствительнымъ матеріальнымъ недостаткомъ и недугами, былъ, не смотря на это все, замѣчательнымъ археологомъ и лингвистомъ: славянскія древности и языковѣдѣніе были его любимѣйшими занятіями; объ этомъ въ достаточной степени свидѣлствуютъ его литературные труды, разбѣянные по журналамъ, и сравнительный чешско-словацкій словарь, который къ несчастію какъ-то затерялся еще въ рукописи. Зохъ написалъ цѣлую массу стихотвореній исключительно на разные случаи и для литературы по бѣльшей части не имѣющихъ значенія, хотя послѣднее его стихотворное произведеніе дѣй-

ствительно заслуживаетъ вниманія. Прекрасная пѣснь „Slovenov pohľad na seba“ лучше всего указываетъ на поэтическій талантъ и риторическую силу Зоха.

Въ упомянутомъ ряду поэтовъ особенно отличается Мароти по своей плодовитости.

Данилъ Мароти (Daniel Maróthy) родился 14-го апрѣля 1825 года въ Машковѣ, Новоградской стѣлицы, и получилъ свое образованіе тоже въ Пресбургѣ. Будучи въ 1850 году рукоположенъ въ еванг. священники, онъ получилъ приходъ сначала въ Завадѣ и Крупинѣ, а съ 1855 года и уже до самаго конца своей жизни проживалъ въ Велик. Люборѣчи, гдѣ и скончался 18 апрѣля 1878 года.

Этотъ благородный человѣкъ и ревностный патріотъ отличался необыкновенною энергіею въ дѣлѣ распространенія словацкихъ книгъ въ своемъ отдаленномъ отъ центровъ округѣ; его жилище было настоящею провинціальною книжною лавкою. Начиная съ первыхъ томовъ Штуровскаго „Татранскаго Орла“ и до послѣднихъ книжекъ „Орла“ Калинчава и Трухлаго, тянется непрерывный рядъ его талантливыхъ, пламенныхъ и восторженныхъ пѣсней.

Мароти былъ прототипомъ патріота-поэта, который ради своего пылкаго чувства жертвуетъ даже самою поэзіею. Дѣйствительно ода его „Verili sme a ešte veríme,“ поставившая автора на ряду съ первыми отечественными поэтами и представляющая изъ себя пламенную пѣснь, съ характеромъ прежде всего этическимъ, не вознаграждаетъ беспорядочности въ композиціи, ни библейскій порывъ ея — плохенькой формы. Стихотворенія его интересны исключительно лишь для историка занимающагося изученіемъ культуры и соціального положенія народа въ ту эпоху, въ которую они явились, въ эпоху полную оскорбленій и несправедливости.

Изъ послѣднихъ твореній Мароти мы упомянемъ лишь о трехъ: „Vám,“ „Našim ubehlíkom“ и „Čo nás spasí;“ эти произведенія служатъ лучшею характеристикой личности самого автора.

Йосифъ Янчо (Josef Jančo; род. въ Липтовѣ, податной начальникъ въ Рабѣ и, потомъ въ Пресбургѣ) въ юныхъ лѣтахъ своихъ (1841—1844) написалъ поэму: „Milina,“ собственно большое народное сказанье въ стихахъ. Поэма эта, судя по легкому ея слогу и живымъ краскамъ, а равно и нѣскольکو другихъ произведеній, тамъ и сямъ попадающихся въ „Татранскомъ Орлѣ,“ позволяли возлагать большія надежды на автора въ будущемъ, но съ этого времени мы о немъ уже не слышимъ ничего, и имя его появляется въ свѣтъ снова лишь въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Стихотворенія Янчо свидѣтельствуютъ о его патріотическихъ мечтахъ, но въ другихъ отношеніяхъ не имѣютъ никакого значенія.

Къ числу поименованныхъ поэтовъ, благодаря нѣсколькимъ произведеніямъ присоединяется еще одна весьма интересная личность, именно Заборскій.

Ионашъ Заборскій (Jon. Záborský) родился въ 1812 году въ Заборѣ, Турчанской столицы, и слушалъ курсъ богословскихъ наукъ въ Галле (Добросолье) вмѣстѣ со Штуромъ. Червенакомъ и Гросманомъ. Весьма даровитый, но бѣдный молодой человѣкъ, обратилъ на себя вниманіе католическаго духовенства, которое всевозможными обѣщаніями и даже намеками на епископскую митру, успѣло обратить Заборскаго въ лоно своей церкви. Заборскій уступилъ и.... до самой своей смерти оставался простымъ приходскихъ священникомъ въ бѣдной, малолюдной и скучной странѣ, среди одичавшаго народа, будучи въ довершеніе всего еще преслѣдуемъ за свои нескрываемыя симпатіи къ Славянамъ и за свою богатую литературную дѣятельность, особенно въ области драмы. Уже

въ 1848-мъ году онъ былъ заключенъ Мадырами въ тюрьму за свое мнимое яко-бы участіе въ словацкомъ возстаніи. О религіозныхъ вопросахъ онъ судилъ безо всякихъ предубѣжденій и безъ боязни; жаль что трудъ его „Dějiny uhorské“ не былъ изданъ „Словенскою Матицею.“ Кромѣ того Заборскій замѣчателенъ въ исторіи нашей литературы еще и тѣмъ, что въ то время, когда уже всѣ словацкіе беллетристы писали свои произведенія на словацкомъ языкѣ, онъ все еще упорно придерживался чештины. Масса непріятностей, обманутыя надежды, матеріальный недостатокъ не могли, конечно, не вызвать у писателя той суровости во взглядахъ, какая свазывается въ его послѣднихъ трудахъ и особенно въ характерной его повѣсти „Panslavistický farár,“ нѣчто въ родѣ автобіграфіи Заборскаго. Скончался нашъ поэтъ 23-го января 1876 года, въ Жупчанахъ.

Заборскій началъ свою литературную дѣятельность одою „Na Slovákov,“ которая была напечатана Колларомъ въ альманахѣ „Zora.“ 1836 года. Затѣмъ въ 1840 году онъ издалъ въ Левочѣхъ свои „Bájky;“ въ 1851 году, въ Вѣнѣ были напечатаны его извѣстные „Žehry“ (стихи и двѣ рѣчи), которыя были до того жестоко раскритикованы Догнаннымъ и Калинчакомъ (въ журн. „Pohl'ady“), что Заборскій даже пересталъ писать больше. До сихъ поръ онъ писалъ все почешски, но въ 60 годахъ, уступивъ увѣщаніямъ своего друга Викторина и снова принявшись за перо, онъ сдѣлался усерднымъ словацкимъ писателемъ, особенно въ области драмы. Въ послѣднее время вышли въ свѣтъ весьма дѣльные его изслѣдованія по исторіи. Къ ряду поэтовъ-патріотовъ Заборскій принадлежитъ своими эпиграммами „Iskrice“ и большою мистеріею: „Vstúpenie Krista do pekel.“ Изъ этой мистеріи авторъ опубликовалъ лишь отрывки, но по нимъ можно су-

дять и обо всемъ цѣломъ. Авторъ самъ разъясняетъ тему своего произведенія слѣдующимъ образомъ:

Богословіе учитъ, что до искупленія рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ никто не могъ проникнуть на небо, евангеліе же говоритъ, что души умершихъ до Христа оставались въ раю. Духъ святой сошелъ въ рай и, благодаря страданіямъ Христа въ Іудеи, чрезъ архангела Уріила обратилъ къ вѣрѣ греческихъ мудрецовъ въ Темпейской долині. Когда же увѣщанія Уріила не привели къ желанной цѣли по причинѣ помѣхи со стороны злыхъ духовъ, то Св. Духъ по Божьему всемогуществу пророчествуетъ о будущемъ состояніи и достопамятностяхъ христіанскаго міра.

Въ этихъ напечатанныхъ отрывкахъ мы знакомимся со всѣмъ XIX вѣкомъ. Здѣсь упоминаются или описываются: промышленность, машины, фабрики, желѣзныя дороги, книгопечатаніе, бумага, часы, спички, сахаръ, торговля, пароходы, телеграфы, громоотводы, увеличительное стекло, газеты, знаменитые мужи новаго времени, компасъ открытіе новыхъ земель, воздухоплаваніе, храмы и города христіанскаго міра, газъ и фотографія. Что такой предметъ мало годенъ для поэтическаго произведенія—это сознавалъ и самъ Заборскій, говоря по обыкновенію весьма откровенно: „эта вещь менѣ всего имѣетъ значенія въ поэтическомъ отношеніи, но за то она весьма поучительна“¹⁾.

Достойны вниманія также басни Заборскаго (стихами и прозою), по своей тенденціи преимущественно патріотическія²⁾; всего ихъ до 130. Единство помысла, хорошее исполненіе, блестящее и непринужденное остроуміе—ихъ достоинства.

¹⁾ „Sokol“, II, 1863, 50.

²⁾ Третье изданіе на словацкомъ языкѣ сдѣлано Викторинимъ, въ Будѣ, въ 1865 году.

Мы подошли къ послѣдному писателю этого цикла, къ С. Гробоню. Оставляемъ въ сторонѣ цѣлый рядъ писателей, которые или только спорадически появляются на поприщѣ словацкой поэзіи [таковы: *Стефанъ Дакснеръ* (род. въ Тисовцахъ, безстрашно боровшійся за права своего народа въ Угріи и бывший жупаномъ Гемерско-Малогонтской стóлицы, гдѣ преимущественно его трудами устроена первая словацкая гимназія), *Авустъ Крчмери* (еванг. священникъ въ Будишѣ, Зволенской стóлицы, составитель „Véncš“ и многихъ мелодій на пѣсни) и еще нѣсколько другихъ] или-же такихъ писателей, которые, правда, чаще появляются въ печати, но съ незначительнымъ успѣхомъ (каковы: *Юрій Слота-Раецкій*, бывший катехетъ катол. гимназіи въ Баньской Быстрицѣ; *Авустъ Гориславъ Шкультети*, почтенный директоръ бывшей Велико-Ревуцкой гимназіи; *Самуилъ Годра*, еванг. свящ. (1809—1873), *Янъ Троканъ* и др.).

Само Богданъ Гробонъ (Гробои, род. 24 августа 1820-го года, въ Сельницѣ, Липтовской стóлицы, гдѣ отецъ его былъ еванг. проповѣдникомъ) былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе обѣщавшихъ въ будущемъ воспитанниковъ Пресбургскаго лицея ¹⁾. Своими вдохновенными пѣснями и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ онъ сдѣлался извѣстенъ въ лагерѣ молодежи на Дунаѣ, а вскорости и по всей словацкой землѣ. Въ 1842 году Гробонъ отправился въ Германію въ товариществѣ многихъ другихъ Словаковъ слушать университетскій курсъ въ Галле; въ 1844 году онъ оставался нѣкоторое время въ Прагѣ ради дальнѣйшаго своего образованія, но скоро вернулся въ родительскій домъ, страдая грудною болѣзнью. Записки Богуславы Райской (чешской пи-

¹⁾ Краткая біографія его находится въ „Исторіи чешской литературы“ Юнгманна, 2-е изд. 1848 г. 565.

сательницы, позже жены Челяковского) заключаютъ въ себѣ много любопытнаго о въ высшей степени идеалистическомъ и мечтательномъ до фантастики характерѣ Гробоня. Послѣ возстанія, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе, онъ исчезаетъ съ публичной арены, порою лишь выпуская въ свѣтъ кое-какія свои произведенія. Послѣдніе годы Гробоня проводилъ на дачѣ въ Сельницкихъ горахъ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, больной физически, но не духовно.

Стихотворенія его, появившіяся въ самомъ началѣ его творческой дѣятельности, вызывали всеобщіе удивленіе, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше становились мистическими и темными, пока не перешли, наконецъ, въ нѣчто невозможное.

Рядъ поэтовъ Штуровской школы пополняется еще Людевитомъ Желло, типомъ вполне самостоятельнымъ, поэтомъ рѣзко отличающимся отъ вышеупомянутыхъ. Счастливый соперникъ Яна Голаго въ исторической поэмі, по значенію своему онъ стоитъ на ряду съ Сладковичемъ и Халупкою.

Людевитъ Желло (L'udevít Zello) родился 7-го августа 1809 г. въ Баньской Быстрицѣ ¹⁾. Родители его (отецъ его былъ булочникомъ и торговалъ зерновымъ хлѣбомъ) переселились въ 1820 году въ Пештъ, гдѣ Колларъ принялъ мальчика въ себѣ въ домъ. Здѣсь, посѣщая школу и вмѣстѣ съ тѣмъ прислуживая Коллару (особенно во время тяжелой болѣзни его въ 1824 г.) Желло прожилъ цѣлыхъ три года; Ганимедъ, подающій чаши въ „Дочери Славы,“ — молодой Желло. Въ 1825 году Людевитъ поѣхалъ на четыре года въ Пресбургъ. Въ Пештъ (у пѣвца всеславянской идеи!) Желло успѣлъ до того опѣмечиться, что, даже будучи уже въ Пресбургѣ, продолжалъ писать нѣмецкіе стихи. Въ 1829 году, по приѣздѣ на

¹⁾ Биографію его см. въ „Соколъ“, III, 1864, 23—27.

ваникулы домой, онъ получилъ предложеніе занять мѣсто помощника учителя въ Чиеъ-Тарчѣ, которое онъ принялъ съ охотою, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь своимъ въ то время совершенно обѣднѣвшимъ родителямъ. Тутъ впервые пришлось ему учить дѣтей, сочинять стихи на смерть разныхъ лицъ и даже говорить проповѣди на томъ языкѣ, на который онъ до сихъ поръ обращалъ такъ мало вниманія. Нѣсколько позже у него явилось желаніе продолжать свое прерванное ученіе, но въ 1830 году онъ былъ избранъ нѣмецко-словацкимъ учителемъ въ Ракошь-Керештуръ, и такимъ образомъ судьба его была рѣшена. Въ 1832 году вышла въ свѣтъ „Дочь Славы,“ и Желло, явившись въ Пештъ, получилъ въ подарокъ отъ знаменитаго автора одинъ экземпляръ. Въ первое время Желло мало понималъ её, но превозмогъ своею усидчивостью всяческія затрудненія. Съ этихъ поръ нашъ поэтъ сталъ и самъ уже пробовать свое перо въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на родной, напр. имъ переведена перелицованная Энеида Блюммера и др., но все это плохенькія произведенія. Оригинальныя стихотворенія его, писанныя почешски, издалъ Кадави въ Пештѣ, 1842 г.

Въ маломъ Керешѣ, куда переселился Желло въ 1834 году, въ мѣстечкѣ, заселенномъ преимущественно мадяронами, гдѣ даже племянникъ великаго Шафарика подписывалъ свое имя „Safáry,“ Желло написалъ первое свое длинное произведение: „Rad Miliducha,“ которое онъ тоже отдалъ на судъ Кадави. Въ бурное время 1848—года, какъ произведение, такъ и самъ авторъ были забыты; послѣдній кромѣ другихъ непріятностей страдая также и отъ матеріальнаго недостатка, совсѣмъ уже было замолкъ. Въ печальныя времена, наставшія послѣ революціи, единственными утѣшителями Желло были Бедрихъ Салай, воспитанникъ Люд. Штура, а позже Вилемъ Паулини-Тотъ, восемь лѣтъ служившій

въ Кечкеметѣ. Друзья часто сходились вмѣстѣ, читали свои литературныя произведенія и высказывали о нихъ свои мнѣнія.

Вторично на литературномъ поприщѣ Желло является лишь въ 60-хъ годахъ; тогда онъ напечаталъ въ журналахъ нѣсколько лирико-патріотическихъ пѣсенъ, которые сначала не обратили на себя никакого вниманія публики. Издавъ, наконецъ, въ 1862 году (во II томѣ „Липы“) свою, по оригинальной рукописи отдѣланную и увеличенную 12-ю пѣснями историческую поэму изъ жизни полабскихъ Славянъ, „Гибель Милидуха“ (Rád Miliducha), Желло сразу сталъ на ряду съ первыми словацкими писателями.

Полабскіе Славяне проводятъ свои дни, занимаясь земледѣліемъ и торговлею. Они раздѣлены на многочисленныя, непріязненныя другъ другу племена, сосѣди которыхъ, Нѣмцы, объединившись, привлекаютъ ихъ разными путями на свою сторону, а послѣ грабятъ, жгутъ и все предають мечу въ славянскихъ земляхъ. Вотъ черная туча снова надвигается издали и вскорѣ нѣмецкіе отряды нападаютъ на цвѣтушія поля Лютичей. Молодые юнаки берутся за оружіе, и не смотря на то, что самый сильный изъ нихъ (мощный богатырь Волянъ) со своими перешелъ на сторону врага, они разбиваютъ грабителей-чужеземцевъ и разгоняютъ ихъ по лѣсамъ, Волянъ исчезаетъ, якобы убитый и погребенный жрецами. По прошествіи нѣкотораго времени на знаменитой Черной Скалѣ сталъ появляться какой-то больной глазами человекъ въ греческомъ одѣяніи, который призывалъ месть боговъ на голову своихъ обольстителей и проклиналъ самого себя. Въ человекѣ этомъ мы узнаемъ Волана, котораго жрецы, видя его раскаяніе въ учиненной измѣнѣ, излѣчили отъ ранъ и приняли въ свои ряды подъ именемъ Богдана. Проходятъ годы, которые убѣляютъ его голову и измѣняютъ черты лица, а онъ, все сторонясь людей, среди пустынныхъ дебрей, въ зловѣщей пещерѣ Черной Скалы, предается будто-бы заня-

тію тайними науками, що на самоть дѣлѣ готовить мѣсть Нѣмцамъ, желая объединить раздробленное Полабское Славянство (Бодричей, Лютичей и Сербовъ) подъ властью одного государя. Выборъ его для этой цѣли падаетъ на храбраго Милидухова (сербск. короля) сына, смѣлаго и благороднаго героя Велиміра. Этотъ послѣдній гоститъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Миланомъ при дворѣ князѣ Люта, прилежно обучаясь военному искусству у извѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ Лютичей. Стройный, златовласый Велиміръ любитъ прекрасную дочь Люта, Милину. Молодые люди имѣютъ свиданіе въ лѣсу на охотѣ, чѣмъ и пользуется Богданъ, пламенными словами убѣждающій юную дѣву, чтобы она увлекла ни о чемъ не думающаго Велиміра къ Черной Скалѣ, гдѣ онъ намѣренъ открыть ему свой замыселъ. Съ этого времени Велиміръ измѣняется, задумчивость и меланхолія всецѣло овладѣваютъ имъ, любовь борется въ немъ съ честолюбіемъ (по плану Богдана онъ долженъ свергнуть съ престола Люта, отца своей возлюбленной и устранить отъ наслѣдства ея братьевъ). Лишь только король Франковъ, Карлъ, вторгся въ Чехію, оба юноши исчезаютъ съ гостепріимнаго двора, посѣшая въ сербскую землю, гдѣ соединенныя Богданомъ силы Сербовъ подъ властью Милидуха истребляютъ разбитыя въ Чехіи франкскія войска. Велиміръ и Миланъ, преслѣдуя свою цѣль, созываютъ въ присутствіи Милидуха на совѣтъ всѣхъ князей и владыкъ сербскихъ, которые желаютъ союза съ сосѣдними Лютичами. Изумленный король соглашается. Юный Миланъ, чтобы закрѣпить союзъ, предлагаетъ соединить бракомъ Велиміра съ дочерью Люта. Послѣ жертвоприношенія сербское посольство отправляется къ Лютичамъ. Князь Лють послѣ цѣлаго ряда пиршествъ и угощеній исполняетъ просьбу этого посольства въ священномъ храмѣ, устранивъ такимъ образомъ ревниваго Велимірова соперника, пылкаго Витоша, который тоже страстно любитъ Милину. Затѣмъ снова слѣдуютъ продолжительныя свадебныя пиршества, во время ко-

торых оскорбленный Витонъ тщетно пытается умертвить счастливаго жениха и, въ концѣ концовъ, переходитъ на сторону Франковъ. Сербское посольство возвращается домой, оно ведетъ съ собою Лютицкихъ гостей, чтобы снова вмѣстѣ начать пиршества при сербскомъ дворѣ. Разбитый король Карлъ между тѣмъ не бездѣйствуетъ. Онъ посылаетъ развѣдчиковъ на Милидуховъ дворъ и готовится къ великой войнѣ. Развѣдчикъ, будучи переодѣтъ пѣвцомъ, среди толпы нищихъ протискивается въ городъ и поетъ пѣсни на пирѣ, гдѣ однако Милидухъ узнаетъ въ немъ бывшего своего плѣнника и бросается на него, но шпионъ исчезаетъ и воины не могутъ разыскать его. Послѣ этого всѣ снова принимаются за пиръ, который тянется уже цѣлыхъ двѣ недѣли; гости и свои ложатся спать раньше чѣмъ обыкновенно, и вотъ, когда всѣ были погружены въ глубокій сонъ, лютицкіе и сербскіе юнаки съ Миланомъ во главѣ, прокрадываются изъ города къ лѣсному озеру, гдѣ будучи предупреждены еще раньше Богданомъ присягаютъ отсутствующему Велиміру, который соединилъ въ одно цѣлое сербскій и лютицкій народы; самъ же Велиміръ въ объятіяхъ возлюбленнаго существа сладко поживаетъ на брачномъ ложѣ. Но Милина видитъ страшный сонъ, она просыпается, предъ взорами ея открывается зарево пожара, окрашивающее въ огненный цвѣтъ всѣ окрестности; она слышитъ дикіе вопли. Королевицъ вскакиваетъ съ постели, хватается свою одежду и мечъ и сбѣгаетъ во дворъ, гдѣ тысячи голосовъ вопятъ: „Франки! Франки! На враговъ!“ Велиміръ покидаетъ погруженную въ отчаяніе супругу. Войско уже за горами. Княжна въ темнотѣ пробирается мимо рядовъ прислужницъ и съ вѣрнымъ слугой верхомъ скачетъ за отошедшимъ войскомъ. Три дня уже преслѣдуютъ Сербы отступающихъ Франковъ, которые, наконецъ, останавливаются на Гверенафельдскомъ взгорьѣ. Солнце восходитъ. Воинственные крики оглашаютъ окрестность, и снова наступаетъ гробовая тишина. Отряды выстроились (франкскіе вмѣстѣ съ измѣн-

никами Бодричами—подъ начальствомъ короля Карла, а сербо-лужицкіе—подъ начальствомъ самого Милидуха). Жрецъ совершаетъ жертвоприношеніе; Франки водружаютъ на горѣ золотой крестъ; мѣдныя трубы затрубили свою пѣсню смерти, и стрѣлы съ обѣихъ сторонъ засвистѣли. Нѣмцы однако непоколебимо стоятъ на вершинахъ, пока, наконецъ, Сербы не кинулись на нихъ со всею силою и не начался жестокой бой. Сербскіе воины совершаютъ чудеса, но ряды ихъ рѣдѣютъ, солнце склоняется къ западу, а ни одна сторона не замѣчаетъ этого. Будучи вдвое многочисленнѣе Сербовъ, Нѣмцы со всею силою устремляются на середину сербскаго строя. Утомленный Милидухъ снова садится на коня, становится во главѣ своихъ отрядовъ и отражаетъ наступающихъ непріятелей; но онъ уже черезъ-чуръ далеко проникъ во франкскіе ряды,—и падаетъ съ разрубленной головой. Сербскіе ряды отступаютъ. Велимиръ хватаетъ знамя и съ вѣрными отрядами снова врывается въ самую жаркую сѣчу, но конь его спотыкается,—королевичъ падаетъ; когда онъ поднялся, сотни мечей сверкнули надъ нимъ. Его тѣло, обернутое въ золотое знамя, изрублено ими въ куски. Въ это мгновеніе вдали показалась дѣва на конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ; она, какъ вихрь, нападаетъ на франкскіе отряды и за нею во слѣдъ устремляются остатки славянскаго воинства. Нѣмцы дрогнули; они стоятъ, какъ очарованные; сильно разить ихъ сербскіе мечи. Дѣва прокладываетъ себѣ дорогу къ тому мѣсту, гдѣ пало золотое знамя, но сраженная падаетъ съ коня. Сербы разсѣяны по своимъ мѣстамъ и ущельямъ. Прекрасный блѣдный юнакъ мчится безъ шлема къ Черной Скалѣ, гдѣ старческая фигура Богдана съ выраженіемъ отчаянья кричитъ въ долу, что поздно уже прибѣгать подъ его кровь. Но Миланъ издали не слышитъ его, входитъ въ пустынное ущелье и въ пещерѣ находитъ горячую грудь пейла съ сожженнымъ тѣломъ вѣщуна. Юноша выбѣгаетъ, вскакиваетъ на своего коня и, притупивъ свое

оружіе во многихъ безуспѣшныхъ бояхъ, погибаетъ, наконецъ, въ одномъ изъ нихъ.

Эта поэма безъ героя, безо всякаго единства дѣйствія и соразмѣрности въ формѣ, не лишена тѣмъ не менѣе извѣстнаго значенія. Раздѣленіе ея хотя и не правильно, но обосновано; описанія обладаютъ эпическимъ спокойствіемъ; всюду бросается въ глаза пластичность, разнообразіе и свѣжесть выраженія и, наконецъ, гармонія, столь завлекательная у словацкихъ поэтовъ благодаря одинадцатистопному размѣру. Во всемъ произведеніи замѣтно соотвѣтствіе духу времени, въ которомъ авторъ пишетъ и отсутствіе малѣйшей какой-либо хронологической или топографической невѣрности, а равно и ложно классической растянутости. Картинныя описанія допросовъ владыкъ у Милидуха (пѣснь 1-я), свадебныхъ пиршествъ (VI) и битвъ (XI), прекрасныя лирическія мѣста при описаніи жертвоприношенія (IV) или въ монологѣ Милины (тамъ-же и въ VI-й), трогательное психологическое описаніе душевной борьбы молодыхъ новобрачныхъ (X), драматическій эффектъ въ эпизодѣ съ измѣнникомъ (V), наконецъ, языкъ поэта все это ставитъ „*Rad Miliducha*“ на ряду со „*Святопольомъ*“ Голаго; вообще это двѣ талантливішія героическія поэмы Словаковъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этого произведенія, мы снова встрѣчаемся съ Желло уже въ 1871 году. Скромный „догорающій старичекъ-поэтъ“ оправдывается въ своемъ долгомъ молчаніи слѣдующими словами:

„Nedivte sa, že už spev. môj vl'údny ¹⁾
Do nemoty tupej upadol:
Štyriciaty osmý rok osudný
Dvacat' spevných liet mi ukradol“....

¹⁾ „Не удивляйтесь что моя всемогущая пѣсня занѣмала на устахъ: роковой 48-й годъ похитилъ у меня двадцать пѣвческихъ лѣтъ.... Рука дрожить

„Na vetchej prst strune drevenie,
 Každý tón jej chripí, krepenie—
 Komu poslední už oheň blčí,
 Neni čudno, že spev jeho mlčí“....
 („Pozdrav,“ „Orol“ III, 1872, 2).

Беллетристическій журналъ „Orol“ началъ печатать отрывки изъ новаго лирико-эпическаго произведенія Желло „Rastilav“ (по величинѣ не меньше „Милидуха“), но цѣлое произведеніе осталось въ рукописи. Печатавшіеся отрывки обратили на себя всеобщее вниманіе. Эти отрывки, какъ лирическіе („Dumka,“ и „Vodnia panna“), такъ и эпическіе („Svatoplukova zrada,“ „Súd,“ „Kain,“ „Pokanie,“ „Tri bozky,“ „Černoboh,“ „Slávnost' na Velehradě,“ „Pokúšanie ku zrade,“ „Honba“ и „Svatopluk v Rezne“) обличаютъ въ авторѣ прежняго художника, лирическій пылъ и эпическое спокойствіе котораго не въ состояніи были ослабить серебристыя сѣдины глубокой старости. На ряду съ этими двумя большими поэмами Желло написалъ также не мало прекрасныхъ патріотическихъ пѣсенъ, преимущественно тенденціозныхъ стихотвореній на разные случаи, по которымъ любопытно прослѣдить сказавшееся на авторѣ вліяніе лирики Сладковича: всѣ они отличаются убѣдительностью тенденціи и внѣшнюю выразительностью. Изъ нихъ мы упомянемъ особенно: „Slovenskej šľachte,“ „Mad'aromanom,“ „Päst' oproti pästi“ и „Pokušenie.“

Желло умеръ въ М. Керешѣ, 21 января, 1873 года.

играя на ветхой струнѣ, каждый тонъ этой струны хрипнѣть и стонѣть,—не удивительно, если умолкаетъ пѣсня того, для кого сіяетъ уже послѣдній лучъ.“

1860.

Кубани. -- Чаякъ. — Лойко. — Цапко. — Думный.

Вмѣстѣ съ новымъ направленіемъ шестидесятые годы дали Словакамъ также и нѣсколько новыхъ писателей, которые, однако, за исключеніемъ одного, не оправдали возлагавшихся на нихъ большихъ надеждъ.

Людевѣтъ Кубани (L'ud. Kubáni) родился 16-го октября 1830 года, въ селѣ Загоранахъ, Малогонтской стѣлицы ¹⁾. Первые годы своей юности ребенокъ проводилъ на берегахъ шумной Римава, среди романтической мѣстности, въ домѣ своего отца, вскорѣ послѣ рожденія Людевѣта переведеннаго отсюда въ Дренчаны. Но на 10-мъ году молодого Кубани послали въ Попрадскую гимназію для изученія нѣмецкаго языка. Побывавъ съ 1842 года въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ окончилъ курсъ наукъ въ Левочѣхъ. Съ 1850-го по 1867 годъ мы видимъ его уже на политико-юридическомъ поприщѣ въ качествѣ чиновника, въ Ельшавѣ, Римавскомъ Брезовѣ, Собоцѣ и снова въ Ельшавѣ; послѣ Угорскаго уложенія онъ получилъ отставку и пенсію. Съ 1867 г. начинается третья эпоха въ жизни Кубани. Въ этотъ періодъ времени онъ скромно проживалъ въ Римавской Банѣ, своей родинѣ, занимаясь литературою и въ то-же время сильно страдалъ отъ матеріальнаго недостатка. Печальными красками рисуетъ онъ свою жизнь въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 23-го ноября 1869 г., писанномъ въ редакцію „Орла.“ „Я уже началъ работать надъ „Slovenské táboru;“ рамки для этихъ тусклыхъ картинъ-готовы. Дайте лишь поскорѣ дѣйствующихъ лицъ, дабы я могъ ихъ опоэтизировать. Правда, что sine Cerere et

¹⁾ Біографію его, прекрасно составленную Забоемъ Гостинскимъ, см. въ альманахѣ „Таборъ“ I, 1870 г., 277—288. Также въ „Орлѣ“ I, 1870, 16—19.

Vascho fuget Apollo.... Не думайте, что я шучу.... Это—настоящая, голая истина.... Положение мое скверно.... съ пятью дѣтьми такъ жить плохо!“.... Два дня спустя послѣ этого, Кубани въ качествѣ свѣтскаго декана и нотариуса отправился, вмѣстѣ съ присланною комиссіею, въ Р. Брезовъ для совѣщанія о школьныхъ дѣлахъ. По исполненіи своихъ официальныхъ обязанностей, онъ остался на именинахъ у одного своего сослуживца. Тутъ онъ сообщилъ своему брату новую свою импровизацію „K pamäti Sládkovičovej“ ¹⁾ и затѣмъ по желанію другихъ гостей принялъ участіе въ карточной игрѣ. По полуночи между нимъ и нѣкимъ Андреемъ Анталиномъ (проигравшимъ было) завязался споръ. Два другихъ игрока встали изъ-за стола, но Анталиевъ продолжалъ ссору дальше и, наконецъ, въ припадкѣ горячности, выхвативъ изъ кармана ножъ, ударилъ имъ Кубани межъ реберъ такъ сильно, что ножъ на палецъ вонзился въ сердце, и поэтъ мгновенно, склонивъ голову на столъ, скончался на рукахъ своего брата.

На Римавско-Брезовскихъ высотахъ виднѣется упраздненный древній, нѣкогда гуситскій храмъ, окруженный стѣною; вокругъ него раскинулось старинное кладбище, гдѣ и высится могила надъ прахомъ Людевита Кубани ²⁾.

¹⁾ Увы! это была уже лебединая пѣсня поэта. Она напечатана въ альманахѣ „Таборъ“ I, 1870 г. 298.

²⁾ Мы не можемъ не привести нѣсколько строкъ изъ характеристики Кубани, сдѣланной Забоемъ Гостинскимъ. „Фигура его была красивая, умѣренно рослая, полная, изящная. Въ большихъ блестящихъ голубыхъ глазахъ его отражалась смѣсь веселости и задумчивости; когда онъ обращалъ свои взоры на кого нибудь, то очаровывалъ ими, какъ золотой змѣй. На полномъ и юношески здоровомъ лицѣ его отражались всѣ изгибы его чувства и желаній, его думъ и идеаловъ, словно среди вѣтвей дерева, когда оно раскроетъ свои почки. Въ высокой груди его тлѣлъ безпрестанный огонь, какъ въ жерлѣ вулкана, разбрасывая цѣнные камни его идей; на его высокомъ челѣ то свѣтъ зари, то мракъ ночной. Когда наступало время избра-

Характерною чертою первыхъ появившихся въ печати стихотвореній Кубани является меланхолія; эту меланхолію не въ состояніи скрыть звонкій смѣхъ, раздающійся въ его новеллахъ за это время.

„Ach, počujte, bratia drahí,
Moja hlava tá Sahara:
Schnú v nej žriedla, schnú v nej vlahy
Bo ju páli biedy spara.

A ta smädná karavana
Co sa ohňom piesku brodí
V modlitbách si už od rána
Prosí o kvapôčku vody:

Oj! to sú vám tie myšlienky
Co sa k sláve povzniesť chcejú
Vzdialené však od studienky
Občerstvenia—v púšti tlejú.

A ten samum smrtonosný
Čo jim ryje v piesku hroby:

нія депутатовъ, мы видѣли его, какъ онъ былъ озабоченъ, какъ говорилъ рѣчи и предлагалъ народнаго кандидата; если-же дѣло шло о школахъ и церкви, мы дивились его энергіи и краснорѣчію. Но болѣе всего звѣздами души его были народныя и литературныя интересы. На этомъ поприщѣ онъ имѣлъ такіа обширныя познанія, что могъ бы легко быть украшеніемъ какого либо университета. Среди занятій онъ не зналъ ни дня, ни ночи; исторія главнѣйшихъ литературъ была ему прекрасно извѣстна; въ политическихъ и административныхъ дѣлахъ онъ хорошо понималъ какъ старыя, такъ и новѣйшія принципы. Кромѣ того онъ обладалъ талантомъ критика. Разговоры, которые велись съ нимъ, большею частью касались жизненныхъ и литературныхъ вопросовъ, какъ славянскихъ, такъ и словацкихъ. Помню тѣ планы, которые онъ создалъ въ своей головѣ и съумѣлъ обработать ихъ во славу своего народа.“ „Таборъ,“ I, 1870, 284, 285.

Je ten strašný, neuprosný
(Osud slovenskej chudoby“....¹⁾).

Въ первыхъ же произведеніяхъ Кубани мы замѣчаемъ уже богато развитую, самостоятельную творческую силу поэта, гениальные выводы котораго, сосредоточенность мысли и художественная форма рѣзко бросаются въ глаза. Меланхолія и мечтательность автора не производятъ на читателя угнетающаго впечатлѣнія, напротивъ, отъ нихъ вѣетъ какимъ то призывомъ къ новой лучшей жизни. Самое выдающееся его стихотворное произведение есть „Deň 6. a 7. júna 1861 r. v Turč, sv. Martine.“ Это произведение Кубани является высоко поэтическимъ твореніемъ (поскольку это возможно при темѣ чисто политическаго характера), прекрасно характеризующимъ всѣ особенности своего времени. Послѣ пролога слѣдуетъ первая часть (св. Мартинъ): съѣздъ безчисленной толпы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; затѣмъ вторая часть (Липы): совѣщанія собравшихся и, наконецъ, третья часть (Матица) изображаетъ хлопоты членовъ совѣта по открытію „Матицы.“ Стихотвореніе заканчивается эпилогомъ полнымъ воодушевленія. Въ этомъ произведеніи Кубани далеко превзошелъ „Святомартиніаду“ Сладковича. Прекрасная отдѣлка формы, изящный поэтический языкъ производятъ на читателя весьма пріятное впечатлѣніе. Въ третью эпоху жизни Кубани достигаетъ вершины своего творческаго таланта. Отъ этого періода времени намъ остались его: героическая поэма

¹⁾ „Ахъ, послушайте, дорогіе братья, моя голова—Сахара; въ ней иссыхаютъ источники, пропадаетъ вода, ибо её жжетъ зной бѣдствій. И этотъ терзаемый жаждою караванъ, что бредетъ по раскаленному песку, уже съ самаго утра умоляетъ небо послать ему хоть капельку воды. О, это тѣ мечты, что пытаются вознестись къ славѣ, но удаленные отъ источника иссыхаютъ, тлѣютъ въ пустынѣ. А этотъ смертоносный самумъ, готовящій имъ могилу въ нескѣ, это та грозная, неумолимая судьба—бѣдствія Словаковъ....“

и значительное количество болѣе мелкихъ лирическихъ стихотвореній и беллетристическихъ сочиненій, изъ которыхъ однако напечатаны не всѣ.

„Radzivillovna,“ историческая поэма по своему содержанию относится ко временамъ послѣдняго Ягеллона въ Польшѣ. Авторъ дѣлитъ свое произведеніе на 4 части („Vilna,“ „Piotrkov,“ „Krakov“ и „Knyšina“), изъ которыхъ каждая въ свою очередь подраздѣляется на пять равномѣрныхъ главъ.

Пурпурный вечеръ сходитъ на Вильно. Радзивилловна, вдова Гастольда, спитъ въ паркѣ своей увеселительной дачи. Идеалъ ея снова является къ ней неожиданно въ лицѣ героя поэмы Сигизмунда-Августа, который клянется ей въ любви и убѣждаетъ ее не смотри на ея сопротивленіе вступить въ бракъ желая посредствомъ него объединить Литву съ Польшею подъ одною властью. Спустя нѣкоторое время часовня Гастольда дѣлается свидѣтельницею ихъ тайнаго бракосочетанія. Шляхта оплакиваетъ смерть стараго короля, но угнетенный народъ съ радостью и надеждою взираетъ на наслѣдника престола Сигизмунда Августа. Между тѣмъ злоба матери Сигизмунда, старой итальянки Боны, состоящей въ связи съ краковскимъ воеводою Петромъ Кмитомъ, готовитъ казни. Безчисленные толпы польской шляхты и литовскихъ дворянъ собираются въ Піотрковъ, чтобы послѣ торжественныхъ похоронъ короля Сигизмунда избрать ему наслѣдника. Одинъ изъ доброжелателей Боны сообщаетъ ей рѣшеніе значительной части шляхты, чтобы королевичъ отказался или отъ своей жены или отъ престола. Между членами сейма завязывается жаркій споръ. Королевичъ не соглашается на условія, отрывается отъ трона и удаляется. Бона торжествуетъ, но тутъ вся шляхта во главѣ съ Петромъ Барятинскимъ, сѣдымъ, какъ липовый цвѣтъ, старцемъ, повергается на колѣни передъ Сигизмундомъ Августомъ и, послѣ того какъ послѣдній ни за что не соглашается отказаться отъ любимаго существа, всѣ вдругъ съ жаромъ восклицаютъ: „да здравствуетъ ко-

ролы!“ Прошелъ годъ. Враги Гастольдовны—побѣждены ея прелестью, благородствомъ и добротою; только Бона тайкомъ злится все пуще и пуще. Молодая королева ѣдетъ въ Краковъ для коронаціи; старуха-мать короля встрѣчаетъ еѣ съ ласковымъ привѣтомъ на устахъ, желая показать свою якобы любовь къ невѣсткѣ и даже по итальянскому обычаю въ первый день своего общенія съ молодою королевою сама приготавливаетъ ей весь завтракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подноситъ ей въ напитокъ быстро дѣйствующій ядъ. Торжество коронаціи окончилось, и шляхта ликуетъ, но прекрасная Варвара чувствуетъ, что ей уже не долго остается жить. Помощь докторовъ напрасна, и королева вскорѣ умираетъ, получивъ отъ короля обѣщаніе, что онъ дастъ своему народу новую мать. Ликованіе народа быстро смѣняется невыразимою печалью.

Въ своей „Радзивилловнѣ“ Кубани является замѣчательнымъ эпикомъ. Соразмѣрность и гармонія въ построеніи дѣйствія поэмы, живописныя и полныя огня описанія, оригинальный колоритъ въ группировкахъ, драматическая краткость въ рѣшительныхъ моментахъ, характеристика героини, соотвѣтствіе съ духомъ времени, когда происходитъ событіе,—все это сливается въ одно прекрасное цѣлое ¹⁾. Мелкія лирическія произведенія Кубани за этотъ періодъ отличаются тою-же прелестью поэзіи, какъ прежнія; это—звуки, въ трогательныхъ меланхолическихъ тонахъ которыхъ отражается истинное вдохновеніе. Другимъ, много обѣщавшимъ, но менѣе сильнымъ писателемъ, былъ Чаякъ.

¹⁾ Произведеніе это вышло въ Пештѣ (1869 г.) въ альманахѣ „Minerva“, органѣ уже исчезнувшей „Новой словацкой школы.“ Тенденція этой школы состояла въ томъ, чтобы работать въ пользу сближенія съ Мадырами при помощи болѣе реальныхъ (якобы) средствъ, но дѣло ея не увѣнчалось успѣхомъ: нѣкоторые члены ея прямо перешли въ лагерь Мадырѣ, другіе-же по прежнему возвратились къ своимъ.

Янко Чаякъ (Jancko Čajak) родился въ Вел. Палудзѣ, 5 января, 1830 года ¹⁾. Получивъ начальное свое образованіе въ Липтовско-Святомикулашской и Рожнавской гимназіяхъ, онъ слушалъ еванг. богословіе въ Левочѣ и окончилъ курсъ наукъ въ Вѣнѣ, въ 1870 году. Затѣмъ, прослуживъ воспитателемъ въ шляхетскомъ домѣ главнаго Липтовскаго жупана Сентивани до 1858 года, онъ былъ назначенъ сначала викарнымъ проповѣдникомъ въ св. Янѣ, гдѣ и получилъ позже приходъ. Этотъ благородный и образованный человѣкъ, уступчивымъ характеромъ и зависимымъ положеніемъ котораго такъ любили пользоваться враги народнаго дѣла, скончался 4-го февраля 1867 года, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ.

Чаякъ, какъ поэтъ, находился всецѣло подъ вліяніемъ народно-пѣсенной поэзіи. Легкая форма, народная рѣчь, полная остроумія шутки, порою легкая меланхолія или-же жгучая сатира и рѣзкая иронія—вотъ характерныя черты его стихотвореній, въ большинствѣ случаевъ не длинныхъ. Собраніе сочиненій Чаяка начинается отдѣломъ „Pieseň.“ Эти коротенькія пѣсенки являются отзвукомъ „ничѣмъ незапятнаннаго, радостнаго паренья молодого духа и позднѣйшихъ жестокихъ жизненныхъ испытаній и бѣдствій“ ²⁾. Въ отдѣлѣ „Mladost“ мы слышимъ отголоски юнацкихъ дней поэта; которые онъ провелъ въ кругу своихъ сотоварищей, cadaго въ своемъ родѣ идеалиста. Эти прелестныя стихотворенія такъ и дышатъ любовью къ природѣ, отчизнѣ и народу. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ „L'ubost.“ Любовная пѣсня, какъ кажется,—сфера автора. Отдѣлъ этотъ является вѣрнѣе облагороженнымъ отображеніемъ словацкой народной поэзіи. Въ отдѣлѣ

¹⁾ Очеркъ его біографіи, составленный Павломъ Добшинскимъ, см. въ собраніи его сочиненій: „Vásne Janka Čajaka,“ въ Турч. св Мартинѣ, 1875 г.

²⁾ Добшинскій, въ собр. сочиненій Чаяка, стр. 16.

„Život“ мы находимъ уже болѣе серьезныя вещи. Грустные и возвышенныя чувства, сатира, иронія и простодушный юморъ встрѣчаются тутъ, какъ въ водоворотѣ жизни, заключающая въ себѣ вѣрную картину той эпохи (1850—1866), когда они явились. Собраніе сочиненій оканчивается отдѣломъ „Povesti,“ который свидѣтельствуетъ, что Чапекъ обладалъ также прекраснымъ талантомъ и въ этикѣ.

Подобнымъ-же меланхолическимъ характеромъ отличаются произведенія и Тисовскаго.

Гостивитъ Густавъ Лойко-Тисовскій (Hostivit Lojko-Tisovský) родился 4-го декабря 1843 года въ Тисовцахъ ¹⁾. Первыхъ три класса онъ прошелъ въ Тѣшинской еванг. гимназіи, прекрасно управляемой тогда Яномъ Калинчакомъ, благодаря которому въ душѣ молодого Лойко пробудился и окупѣлъ національный патріотизмъ. Послѣдніе два года Гостивитъ провелъ въ Пряшовѣ и затѣмъ отправился въ Вѣнскій университетъ, гдѣ вмѣстѣ съ филологіею изучалъ еванг. богословіе; въ чрезмѣрномъ напряженіи юношескихъ силъ за это время слѣдуетъ искать причину постигшей его смерти. Спустя три года Лойко былъ вызванъ въ словацкую Велико-Ревуцкую гимназію, куда онъ отправился съ охотою, отказавшись даже отъ болѣе выгодныхъ мѣстъ, которыя предлагали ему въ Россіи. Въ Великой Ревуцѣ, вмѣстѣ съ д-ромъ Браниславомъ Зохомъ, они являлись лучшими силами среди учителей заведенія, а равно и въ дѣлѣ вообще народнаго движенія въ своемъ округѣ. Лойко скончался 2 іюня, 1871 года, въ Ревуцѣ.

Еще во время своей университетской жизни онъ издалъ

¹⁾ Біографію его, составленную д-ромъ Иваномъ Браниславомъ Зохомъ, см. въ „Орлѣ“ 1871 г. стр. 292—295, и въ отчетѣ Велико-Ревуцкой гимназіи за 1870—71 г.

собрание своихъ сочиненій въ трехъ небольшихъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Hlas z cudziny,“ „Zpomienky“ и „Nové piesne“ Гостивита Тисовскаго. Избранныя стихотворенія его и повѣсти были изданы также въ Скалицѣ, въ 1871 году, когда автора уже не было въ живыхъ. Поэтическія мечты Лойка не достигли еще полной зрѣлости, все въ нихъ еще какъ-бы въ броженіи. Лирическія произведенія его являются плодами самыхъ разнообразныхъ душевныхъ настроеній автора, большею частью, мечтательности, но всѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются пламеннымъ патріотизмомъ. Многія изъ произведеній Лойка служатъ лишь указаніемъ, чего можно-бы было ожидать отъ него въ будущемъ. Эпика его въ большинствѣ случаевъ отличается удачно выбранными сюжетами, не лишена извѣстнаго достоинства, хотя композиція не удовлетворительна.

Цапко тоже не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ ¹⁾).

Янъ Милославъ Цапко Зніевскій (Carpko Znyovský) родился 18 сентября 1846 года, въ Кляшторѣ, у Зніева, Турчанской стóлицы. Низшіе классы гимназіи онъ прошелъ въ Баньской Быстрицѣ, гдѣ въ то время директоромъ словацкой гимназіи былъ знаменитый Мартинъ Чуленъ. Пробывъ годъ въ омадьярившейся Нитрѣ и будучи тамъ преслѣдуемъ за свою любовь къ народу, онъ возвратился обратно въ Баньскую Быстрицу. Затѣмъ побывъ немного въ Пресбургѣ, гдѣ поступилъ было въ юридическую академію въ 1864 г. онъ снова уже больной возвратился на родину. Здѣсь онъ продолжалъ заниматься въ уединеніи, агитируя вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Биографія его находится въ „Sirôtky. Básne Jana Mil. Carpka—Znyovského. Usporiadal a vydal Andrej M. Sytniansky. Въ Быстрицѣ 1868 г.,“ стр. 111—116; также въ „Ортъ“ II, 1871 г. 349—350.

среди молодежи и призывая ее къ патриотической дѣятельности, какъ у себя на родинѣ, такъ и по всей почти „живописной Турочской области.“ Онъ руководилъ увеселеніями, устраивалъ сходы для бесѣды, составлялъ хоры пѣвчихъ, труппы любителей драматическаго искусства, писалъ стихи на разные случаи и т. д., пока не захворалъ еще сильнѣе и не скончался 18 августа 1867 года съ послѣднимъ возгласомъ на устахъ: „Слава славянству! Да здравствуютъ Словаки!“

Избранныя стихотворенія Цапка были изданы Андреемъ Трухлымъ въ 1868 году. Небольшой томикъ, украшенный прекрасною элегіею Сладковича „Nad mohyloou Janka Carpkovoу“, служить самою выразительною біографіею молодого, достойнаго удивленія, поэта, о которомъ и теперь „Словацкій садикъ“ воспоминаетъ съ почтеніемъ.

Въ стихахъ Цапка слышатся отголоски пѣсенъ Сладковича, Кузмани и Гурбана; благодаря своей формѣ словацкихъ „травницъ“, многія изъ нихъ въ устахъ зніевскихъ дѣвушекъ попали въ ряды настоящихъ народныхъ пѣсенъ. Искренній энтузіазмъ къ родной землѣ и къ родному народу такъ и льется изъ этихъ стиховъ въ нихъ примѣтно страстное непреодолимое желаніе, сдѣлать этотъ народъ и страну его счастливыми. Поэтъ или мечтаетъ на развалинахъ Дѣвина, или-же обращается съ воззваніями то къ братьямъ и сестрамъ, отцамъ и средоточію юной духовной жизни, то къ измѣнническимъ вержамъ. Въ стихотвореніяхъ Цапка, хотя въ литературномъ отношеніи и не имѣющихъ особеннаго интереса, все-же нельзя отрицать извѣстнаго лирическаго таланта, который въ будущемъ могъ-бы достигъ извѣстной высоты.

За Цапкомъ слѣдуютъ **Милославъ Думный** (Miloslav Dumný) или какъ настоящее его имя **Даніиль Бахатъ** (Bachat),

нынѣ еванг. сеніоръ въ Буда-Пештѣ). Ему принадлежит не малая заслуга въ дѣлѣ развитія національной жизни за его усердную дѣятельность въ Прибылинѣ, Гиббахъ, Кокавѣ, Липт. св. Микулашѣ и Буда-Пештѣ. Онъ написалъ много лирическихъ и другихъ стихотвореній, преимущественно политическаго характера и на разные случаи. Нѣкоторые изъ нихъ довольно хороши, но вообще въ новеллѣ Думному поспчастливилось больше. Собраніе его сочиненій (3 тома) вышло подъ названіемъ: „Nevädze,“ въ Скалицѣ въ 1870 году.

Вотъ всѣ болѣе выдающіяся литературныя силы второго поколѣнія. Собственно говоря, изъ всѣхъ поименованныхъ писателей одинъ лишь Кубани дѣйствительно обогатилъ литературу.

1870—1888.

Орсагъ-Гвѣздославъ.—*О. Белла.*—Ваянскій.

Труды самаго юнаго поколѣнія поэтовъ появляются въ послѣднихъ номерахъ „Сокола“ и альманаховъ „Напредъ“ и „Живена“ (1871 г.); все это зачаточныя произведенія и какъ для самихъ авторовъ, такъ и для литературы не имѣютъ глубокаго значенія. Впрочемъ, одинъ изъ поэтовъ этого поколѣнія успѣлъ уже выдѣлится. Это—Павель Орсагъ, извѣстный впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Гвѣздослава. Получивъ чисто мадьярское воспитаніе, молодой поэтъ, казалось, навсегда уже былъ оторванъ отъ роднаго народа, но поэзія Сладковича поставила его на прямой путь, и первыя свои стихотворныя произведенія Орсагъ (вышли въ Скалицѣ, въ 1868 г. „Basnické prviesenky Josefa Zbranského“) посвятилъ этому своему учителю.

До 1880 г. мы не замѣчаемъ въ словацкой поэзіи никакого движенія. Тягостное положеніе народа за это деся-

тильтіе придушило пылъ и силу творчества. Въ этотъ періодъ времени среди молодыхъ писателей болѣе выдающимися являются всего лишь трое.

Первый изъ нихъ **Андрей Белла** (полковой священникъ, жившій прежде въ Пештѣ, нынѣ—въ Прагѣ). Небольшой сборникъ своихъ „Piesni“ онъ издалъ въ Пештѣ, въ 1880 г. Это ничто иное, какъ отголоски трогательныхъ народныхъ пѣсенъ „травницъ“, которыя поэту удалось слышать въ его любезномъ Липтовѣ; здѣсь онъ воспѣваетъ чувства и страсти простого народа легкими и мелодичными стихами. Белла не лишенъ дарованія и вкуса и, вѣроятно, еще сумѣетъ проложить себѣ дорогу къ болѣе сложнымъ темамъ.

Во второмъ поэтѣ, **Гвѣздославѣ**, мы узнаемъ Іосифа Збранскаго—Павла Ораса (нынѣ адвоката въ Наместовѣ, въ Верхней Оравѣ). Начиная съ 1880 года и до настоящаго времени изъ подъ пера его вышло много прекрасныхъ стихотвореній, и мы уже смѣло теперь можемъ сказать, что онъ не только сталъ наравнѣ со своимъ учителемъ Сладковичемъ, но во многомъ и превзошелъ его. Гвѣздославъ—призванный лирикъ, и лирикъ до того чисто словацкій, что мы не можемъ себѣ его даже представить отторгнутымъ отъ родной почвы. Роскошная природа, пѣніе жаворонка и удары овчарскихъ бичей, широкія долины и вольные лѣса, загорѣлыя, измученныя, потомъ покрытыя лица сыновъ народа—вотъ царство поэта. Идеиная концепція его великолѣпна, сила и богатство поэтическихъ образовъ неисчерпаемы, языкъ прекрасенъ, а внѣшняя форма стиховъ безукоризненна; этого богатства къ сожалѣнію у него часто уже черезчуръ много, до того, что иногда мысль затемняется пышностью формы. Собраніе стихотвореній Гвѣздослава пока еще не вышло въ печати. Изъ первыхъ произведеній его какъ самое выдающееся, мы отмѣтимъ фантастически-аллегорическую поэму:

„Oblaku,“ изъ позднѣйшихъ рефлексивное „Roľník“ и, наконецъ, изъ самыхъ новѣйшихъ—прекрасную современную идилію: „Hájnikova žena.“ Нѣтъ сомнѣнія, что Гвѣздославъ скоро станетъ на ряду съ величайшими славянскими лириками.

Третьимъ поэтомъ, наконецъ, является **Ваянскій** (псевдонимъ Свѣтозара Гурбана, сына д-ра Іосифа М. Гурбана), талантливый эпикъ и лирикъ, прекрасный публицистъ и знаменитый романописатель. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, онъ намѣревался было сдѣлаться адвокатомъ, но благодаря своему положительному славянскому патріотизму не могъ найти себѣ подходящаго мѣста нигдѣ въ Угріи и такимъ образомъ, сдѣлавшись журналистомъ, поселился въ Турч. св. Мартинѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ (зимою 1879 г.) перваго своего стихотворнаго сборника „Tatru a more,“ Ваянскій тотъ-часъ же занялъ довольно опредѣленное мѣсто въ словацкой литературѣ. Цѣлый маленькій мірокъ заключается въ этой прекрасной книжечкѣ его стихотвореній. Чувствительныя жанровыя родныя и югославянскія картины, преданія, протканныя глубокими сентенціями, двѣ большихъ поэмы, изъ которыхъ первая озарена блескомъ южнаго солнца и бурлитъ водами Адриі, а вторая увѣковѣчила въ простыхъ звукахъ одну изъ печальныхъ главъ исторіи словацкаго народа,—все это дышетъ высокимъ славянскимъ сознаніемъ, согрѣто горячею любовью къ народу и исполнено надеждъ, что трогаетъ душу читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ её. Что касается внѣшней стороны, то и тутъ мы должны съ благодарностью отмѣтить тотъ фактъ, что Ваянскій первый обдуманно и послѣдовательно открылъ своими произведеніями новую эпоху строгаго просодическаго стихосложенія въ новѣйшей словацкой поэзіи.

Изъ послѣднихъ стихотворныхъ трудовъ Ваянскаго за-

мѣчательны: „Vilín“ 1886 г.), народная поэма, протканная замѣчательными рефлексіями, которыя прекрасно характеризуют современную жизнь, и сборникъ „Z pod jagma“ (1887 года), отличающійся многими прекрасными и не лишенными извѣстнаго значенія стихотвореніями.

Появляются и другіе писатели-поэты, общающіе много хорошаго въ будущемъ. Вообще же Словаковъ можно поздравить съ тѣмъ, что у нихъ, среди бѣдствій и притѣсненій, явились такихъ два пѣвца, которыми они смѣло могутъ гордиться передъ лицомъ даже великихъ родственныхъ литературъ.

II. Д Р А М А.

Я. Халупка.—Доинанний.—Подірадскій.—Палярикъ.—Паумли-Тотъ.—Ормись.—Заборскій.—Нельнеръ-Гостинскій.

Драматическое творчество Словаковъ не можетъ похвалиться плодами такой же литературной цѣны, какою у нихъ отличается эпосъ и лирика. Если положеніе, что драму рождаетъ сцена, справедливо, то по отношенію къ произведеніямъ словацкой литературы оно является неоспоримою истинной. Словацкіе драматическіе писатели, будучи удалены какъ другъ отъ друга, такъ и отъ арены общественный жизни, все свое время проводили въ тихихъ деревняхъ, скучныхъ мѣстечкахъ и оставались въ постоянномъ одиночествѣ. При такихъ условіяхъ брались они за перо, и потому труды ихъ носятъ на себѣ какой-то особенный отпечатокъ. Произведенія ихъ—или сатиры на жизнь мелкопомѣстныхъ провинціаловъ, или же почерпнуты изъ исторіи. Такимъ образомъ эти драматическія произведенія, даже сравнительно лучшія, остаются на дѣлѣ трудами чисто книжными и, слѣдовательно являются достояніемъ лишь узкаго круга интеллигентныхъ читателей; между тѣмъ болѣе широ-

кимъ кругамъ общества доступны лишь картины изъ его-же собственной жизни, а если нужно, то и каррикатуры изъ нея-же: онѣ раздражаютъ, бичуютъ, но и забавляютъ.

Среди этихъ писателей-педагоговъ первое по времени мѣсто принадлежитъ Халупкѣ ¹⁾.

Янъ Халупка (Jan Chalúpka) родился 28 октября 1791 года въ Верхнемъ Мичинѣ, Зволенской стóлицы, и долгое время занималъ мѣсто администратора Дунайскаго суперинтенденства и еванг. священника въ Брезнѣ, гдѣ и умеръ 15 іюля, 1871 года.

Появленіе Халупки на поприщѣ словацкой національной жизни составляетъ эпоху въ этой послѣдней; прозвище же творца словацкой комедіи принадлежитъ ему лишь по столько, по сколько онъ былъ первымъ болѣе плодотворнымъ писателемъ комедій у Словаковъ. Всѣ литературные труды Халупки, уже по своей формѣ отличающіеся высокимъ натурализмомъ, имѣютъ слѣдующую задачу: бичевать провинціальныхъ сплетниковъ и клеветниковъ, разить посредствомъ сатиры отсутствіе въ людяхъ національнаго патріотизма и издѣваться надъ глупымъ обезьянничаньемъ „коцурковцевъ“ моднаго свѣта ²⁾. Долголѣтнее мѣстожителство писателя,

¹⁾ Біографію его см. въ „Орлѣ“, II, 1871 г. 218.

²⁾ Какъ писалъ онъ свои произведенія, объ этомъ свидѣлствуютъ остроумныя предисловія его къ своимъ пьесамъ. Такъ, напримѣръ, въ „заключеніи“ своей комедіи „Všetko naopak“ онъ говоритъ: „что только ни увидятъ Коцурковцы у другихъ, то сейчасъ же и обыкновенно безъ разбору перенимаютъ, какъ обезьяны. „Ей Богу, и я такъ сдѣлаю; будь тамъ, что ни будь, а я долженъ имѣть такой же чепецъ; какъ будто мы хуже другихъ; мы покажемъ себя, кто мы.... и т. д.“— Одинъ изъ подобныхъ индивидуумовъ, возвратясь недавно изъ дальняго путешествія, именно изъ Остригома и Вацова, задалъ задачу Коцурковскимъ философамъ: нельзя-ли устроить такъ, чтобы можно было доставать картофель изъ земли очищеннымъ, свареннымъ и уже облитымъ масломъ, словомъ, приготовленнымъ такъ, чтобы оставалось лишь набрать его на блюдо

мѣстечко Брезно, доставило ему образцы для дѣйствующихъ лицъ и событій въ его произведеніяхъ; отсюда черпалъ онъ ихъ для своихъ комедій, изображая ихъ также и въ прозѣ съ фотографическою вѣрностью (въ журналѣ „Hronka“ за 1836 годъ).

Первое и самое извѣстное произведеніе Халушки—трехъ-актная комедія „Kocúrkovovo alebo Len abysme v hanbe nezostali,“ въ которой нѣкоторыя остроумныя вставки сдѣланы Кузмани ¹⁾. Комедія эта сильно бичуетъ предрасудки мѣ-

и подать къ столу. Одинъ изъ Коцурковцевъ, особа важная, занимающая семь должностей (и поэтому собственно не исполняющая ни одной)... дѣйствительно приказалъ посадить на пробу цѣлыхъ двѣ мѣрки очищеннаго картофеля со старымъ саломъ. Этотъ примѣръ подзадорилъ другого Коцурковца, и тотъ напрягъ всѣ свои умственные силы для открытія способа, чтобы голуби высиживали молодыхъ голубятъ уже приправленными, какъ-бы только что снятыми съ вертела. „Если удастся это предпріятіе,“ говорилъ онъ: „то пословица, что „жаренные голуби сами никому не летятъ въ ротъ“—будетъ достойна смѣха.“ Правда, Коцурковскія газеты умалчиваютъ о томъ, удались-ли эти мудрыя затѣи какъ одному, такъ и другому, но это приводится для того, чтобы всякій не—Коцурковецъ сумѣлъ объяснить себѣ, какъ одна Коцурковская идея дружится съ другою и какимъ образомъ произошло то, что художнику, который первымъ представилъ намъ Коцурково, иные подражаютъ и до сихъ поръ. Разъ кто-либо открылъ что нибудь, Коцурковецъ сей часъ же долженъ всунуть туда свой носъ. Такимъ образомъ явилась на свѣтъ и эта комедія.“ См. „Драмат. соч. Я. Халушка,“ IV, 1874, 79—80.

¹⁾ Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя болѣе интересныя вещи изъ предисловія Яна Халушки, во второму ея изданію. „Едва лишь „Коцурково“ появилось въ свѣтъ, какъ сейчасъ же, здѣсь любители шутокъ, тамъ злые критики, схватили его до такой степени, что всѣ 500 печатныхъ экземпляровъ были разобраны въ короткое время; встрѣчались и такіе примѣры, что ловкіе люди, имѣвшіе возможность, приобрѣтали эту книгу на шармака. Много шума надѣлала эта комедія. Многіе изъ тѣхъ, кто не имѣютъ никакого понятія о сатирѣ, додумывались и до того, что тутъ все дѣло касается того или другого общества или даже извѣстныхъ лицъ. Мало того, нѣкоторые были на столько проинипательны, что высмотрѣли въ лицѣ стараго и молодого пана учителя насмѣшку надъ учительскимъ званіемъ. Что нѣкогда случилось съ знаменитымъ произведеніемъ „Абдерить,“ то-же случилось и теперь съ этою бѣдною сатирой.

стечка. Ренегать, „Панъ зъ Худобиць,“ блюстителъ евангел. церкви, хвастунъ и почитатель Мадьяръ и ихъ языка, изъ котораго однако-же знаетъ всего пять-шесть словъ и Тѣсношилъ Яношъ, мадьяризованный словацкій сапожникъ являються удачнѣе всѣхъ очерченными типами комедіи, хотя характеристика ихъ перѣдко затемняется растянутостью и болтливостью автора, а иногда даже банальностью. Тѣмъ не менѣе „Kocúrkovo“ все же стоитъ выше слѣдовавшей за нею пятиактной комедіи: „Všetko naopak alebo Tesnošilova Anička sa žení, a Honzík sa vydáva.“ Все это произведение состоитъ изъ однихъ лишь невѣроятныхъ замужествъ и женидебъ и въ довершеніе всего приправлено массою мадьяризовъ. Тѣ-же мотивы встрѣчаемъ и въ третьей комедіи Халупки, носящей названіе „Juvélir“ (въ 3-хъ дѣйств.), которую авторъ окончилъ въ день послѣдней годовщины своего рожденія, слѣдовательно на 77-мъ году своей жизни. Это была такимъ об-

Тѣ, которые считали себя ложно оскорбленными, всѣми силами старались открыть этого насмѣшника-автора. Но эти лишены всякаго основанія, подозрѣніе, гнѣвъ и преслѣдованія повлекли за собою такое же послѣдствіе, какое вызывается обыкновенно преслѣдованіемъ за вѣру и націю. „Коцурково“ было бы совершенно забыто, но благодаря этимъ нападкамъ на него, оно приобрѣло такую извѣстность, что въ то время только и говорилось, что о Сечени, Лафайетѣ и объ этой знаменитой книжкѣ.... Какое значеніе имѣли „Векфильдскій священникъ“ для англійскихъ учителей и ученыхъ, а „Телемакъ“—для французскихъ, въ области англійскаго и французскаго языковъ, такое же значеніе имѣло „Коцурково“ въ отношеніи чешскаго языка. Благодаря „Коцуркову“ научился чешскому языку и всему краю извѣстный (уже умершій) Эрцгерцогъ, этотъ настоящій мадьяринъ, который, будучи отставленъ отъ намѣстничества чешскаго королевства, признавался, что какъ онъ самъ понималъ Чеховъ, такъ и эти послѣдніе понимали его, когда онъ говорилъ съ ними.“ Въ кониѣ концовъ я считаю нужнымъ напомнить еще слова, написанныя Коллару знаменитымъ Копитаромъ по прочтеніи „Коцуркова:“

„Kocurkovistae dic: Euge! macte! ultro!

Gratulamur Slavis nasci Voltairios.“ (?)

(„Драмат. соч. Я Халупки,“ I, 1871 г. 5, 6).

разомъ послѣдняя комедія старика-сатирика, и онъ безуспѣшно старался получить за нее премію отъ „Словенской Матицы.“ Правда въ „Ювелирѣ“, на ряду съ прежними, мы находимъ нѣсколько и новыхъ типовъ, но старческое утомленіе писателя уже сильно сказывается въ немъ.

Къ упомянутымъ тремъ комедіямъ Халупки нужно прибавить еще пятиактную его драму „Dobrovol'níci“ (изъ временъ мадьярскаго возстанія), плохенькое произведеніе, и еще нѣсколько бездѣлушекъ, не имѣющихъ для литературы ровно никакого значенія. Единственною хорошею стороною Халупковскихъ драматическихъ произведеній является живость въ обрисовкѣ типовъ, писанныхъ въ большинствѣ случаевъ съ натуры. Въ остальномъ плохенькій драматическій рутинизмъ, и, что особенно непріятно дѣйствуетъ на читателя, до наивности тривіальный языкъ, переполненный мадьярскими, нѣмецкими и латинскими фразами. Халупка бралъ свои типы изъ жизни въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно существовали, съ ихъ принужденною манерностью и неестественностью; да и шаблонность Халупковскихъ пьесъ является вѣрною фотографіею съ мертвенной, „воцурковской“ шаблонности, даже не идеализованной, не опоэтизированной фотографомъ.

Янъ Халупка не имѣлъ послѣдователей; имя его стоитъ одинокимъ во вновь пробуждающейся литературѣ. Только кое-гдѣ по временамъ мы замѣчаемъ робкія попытки на поприщѣ драматической литературы. Такова напр. 4-хъ актная драма „Podmanínovci“ (1848 г.) **Николая Догнаннаго**. Дѣйствіе драмы почерпнуто изъ дюжинныхъ рыцарскихъ романовъ; дѣйствующія лица—плодъ горячечной фантазіи автора, обрисовка типовъ—примитивная.

Пятиактная трагедія „Holuby a Šulek“ **Іосифа Подградскаго** (еванг. свящ. въ Сомборѣ), изданная въ 1850 году, въ

литературномъ отношеніи тоже не имѣть особенной цѣны. Авторъ—самородный духъ, но безо всякой художественной обработки. „Holuby a Šulek“ является плодомъ стремленія создать достойный памятникъ двумъ народнымъ мученикамъ, которые во время революціонной бури, первыми гордо и смѣло взойшли на эшафотъ. Съ этой-то точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать указанный трудъ. Онъ изобилуетъ многими прекрасными типами, многими выдающимися идеями, предъ которыми остается лишь удивляться среди этого хаоса сценъ, нагроможденныхъ безо всякаго складу и ладу ¹⁾.

Янъ Палярикъ (Jan Palárik) въ дѣлѣ знакомства со сценою превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ ²⁾. Онъ родился 27-го апрѣля, 1822 года, въ Раковѣ на Кысуцахъ, Тренчанской стóлицы, гдѣ отецъ его былъ учителемъ. Молодой человѣкъ отправился изучать богословіе сначала въ Остригомъ и затѣмъ въ Тернаву, гдѣ подъ вліяніемъ сочиненій Голага въ немъ вспыхнуло чувство народности и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялся изучать европейскіе языки. Еще будучи въ семинаріи, Палярикъ сталъ высказывать свои либеральные взгляды на вещи; здѣсь онъ составилъ изъ болѣе способныхъ своихъ товарищей-семинаристовъ особый кружокъ, члены котораго мечтали сдѣлаться въ жизни апостолами правды для Словенска (сюда принадлежали: Гаттала, Викторинъ, Гочаръ, графъ Ніари и др.) Въ 1847 году состоялось рукоположеніе Палярика въ священническій санъ.

Литературная дѣятельность его начинается въ Винд-

¹⁾ Ср. также мнѣніе Валяскаго въ „Народныхъ Новинахъ“, XI, 1880, № 111 („Literárne rozprávienky“ II).

²⁾ Самая обширная біографія его находится въ собраніи его драмат. соч., изд. въ Пештѣ, 1870 г., стр. 502—518; меньшія—въ „Orol“, IV, 1873, 44—47; „Slavin“, I, 61—64; „Květy“ 1870 г., № 52 и др.

пахтѣ, у Баньской Штявницы, гдѣ онъ священствовалъ съ 1850 года. Здѣсь въ томъ-же году онъ сталъ издавать первый словацкій церковный журналъ: „Cyriľ a Method.“ Въ этомъ журналѣ Палярикъ принялся ревностно отстаивать свои либеральные взгляды въ дѣлахъ церкви, требуя: особаго словацкаго архіепископа въ Нитрѣ или Тернавѣ, новаго переустройства епархіальныхъ соборовъ, исправленія въ администраціи и дисциплинѣ католической церкви сообразно требованіямъ времени, чѣмъ, по его мнѣнію, облегчилось-бы соединеніе разныхъ вѣроисповѣданій и т. п. Всѣми этими требованіями, однако, онъ возбудилъ лишь недоброжелательство къ себѣ со стороны знатнаго угорскаго духовенства, во главѣ котораго стоялъ тогда Словакъ-ренегатъ, примасъ Сцитовскій. Эта ненависть враговъ Палярика достигла, наконецъ, своего крайняго предѣла особенно послѣ того, какъ онъ рѣзко выступилъ противъ рѣшенія Остригомскаго собора (1849 года), на которомъ, между прочимъ, подать, назначаемая на содержаніе семинарій, всею своею тяжестью была свалена на нисшее духовенство. Третьяго января Палярикъ былъ вызванъ къ остригомскому церковному суду, который, не смотря на энергическую и разумную защиту со стороны обвиняемаго, все-таки приговорилъ его къ мѣсячному тюремному заключенію и запретилъ ему подъ угрозой эскоммуникаціи писать о вещахъ, непріятныхъ для начальства. Вскорѣ однако Палярикъ былъ переведенъ на тяжелую нѣмецкую службу въ Пештъ, въ качествѣ капедлана и катехета. Здѣсь съ 1851 по 1856-й годъ, онъ редактировалъ газету: „Katolické Noviny“ и переводилъ сочиненія Шмида для юношества; здѣсь же подъ вліяніемъ Пештскихъ театровъ онъ началъ писать и свои драматическія произведенія. Въ 1862 году при протекціи графини Елены Эстергази (русской, урожденной Безобразовой), Палярикъ получилъ желанный Майтѣховскій при-

ходъ. На новомъ мѣстѣ онъ мало занимался литературными трудами, предавшись болѣе дѣламъ хозяйственнымъ. Среди этихъ заботъ, онъ все же однако не переставалъ словомъ и дѣломъ работать въ пользу основанія „Slovenských Novín“ (въ которыхъ и самъ позже выступилъ на поприще политической дѣятельности), которыя и явились въ слѣдующемъ году въ Пештѣ и, будучи органомъ такъ называемой „новой словацкой школы“, отстаивали федеративный принципъ угорскаго королевства противъ приверженцевъ централизаціи—„Пештбудинскихъ Вѣдомостей.“ Въ послѣдній годъ своего существованія (1874 г.) „Slovenské Noviny“, однако, оставили этотъ неблагодарный трудъ. Въ 1870 году Палярикъ занемогъ и видимо сталъ хирѣть. Чешскія газеты преждевременно разнесли слухъ, что Палярикъ умеръ. Читая это, больной писатель замѣтилъ: „еще не умеръ, но скоро умереть!“ и дѣйствительно 7-го декабря того-же года Палярикъ скончался отъ рака въ желудкѣ.

Въ храмъ Талии Палярикъ вступилъ впервые со своею четырехъ-актною комедіею „Incognito“ (въ альманахѣ „Concordia“ 1858 года, подъ псевдонимомъ Бескидова). Точно такъ-же, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ „Коцурково“ Халупки, такъ теперь „Инкогнито“ Палярика читалось по всей словацкой землѣ, вызывая новое движеніе среди общества. Въ этомъ произведеніи словацкое общество увидѣло явленія и типы, взятые изъ его-же собственной жизни, услышало свою рѣчь, взгляды и предрасудки, а благодаря этому у него явилось предчувствіе своего будущаго исправленія. Дѣйствительно, „Инкогнито“ обнаруживаетъ въ авторѣ много юмора и хорошее знакомство со сценическими требованіями,—но литература отъ этого произведенія не стала богаче. Въ немъ слишкомъ много намековъ, имѣющихъ чисто временное и мѣстное значеніе, чтобы оно могло сохранить за собою цѣну и зна-

ченіе для позднѣйшаго времени. Это—обычная комедія, сильно смахивающая на фарсъ.

Не многимъ удачнѣе вышло и другое произведеніе Палярика, трехъ-актная комедія „Drotár“ (1860 г.), которою начался сезонъ въ Загребскомъ театрѣ (4 октября), 1863 года. Пьеса эта слишкомъ растянута и неудачна по изображенію характеровъ. Пештскій богатый купецъ, его дочь, польскій графъ-дезертиръ вовсе не выглядятъ воспитанниками паркетовъ, но за то авторъ щедро надѣлилъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ юморомъ; самый удачный типъ пьесы—жидъ Маушль.

Спустя два года Палярикъ напечаталъ третью свою (снова 3-хъ актную) комедію, которую назвалъ: „Smierenie alebo Dobrodružstvo pri obžinkoch.“ Главную идею и нѣсколько явленій ея онъ заимствовалъ изъ польской двухъ-актной комедіи того-же названія, принадлежащей перу Іосифа Корженёвскаго, такъ что Палярикъ былъ весьма мало оригиналенъ въ ней; то же, что въ ней принадлежит самому автору, составляетъ его политическое сгredo, которое онъ влагаетъ въ уста учителя Орѣшко, дочери его Милуши, молодой графини Элизы Грабовской и др. Все дѣйствіе снова вращается вокругъ „инкогнито“ первой пьесы.

Послѣднимъ и самымъ обширнымъ произведеніемъ Палярика является „Dimitrij Samozvanec,“ трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Здѣсь мы видимъ ту же тему, которую разрабатывали Заборскій въ своихъ „Лжедмитріадахъ,“ Хомяковъ—въ „Димитріи“ и Шиллеръ—въ своихъ драматическихъ отрывкахъ: „Demetrius.“ Впрочемъ пьеса Палярика имѣетъ съ ними лишь общую тему, и то иначе понятую и идеализированную. Основною идеею ея служитъ идея славянская: союзъ и дѣйствительная взаимность славянскихъ народовъ. Кому извѣстны взгляды Палярика на всеславянскій вопросъ, кому извѣ-

стно, что пьеса эта была писана въ эпоху 63-го и 64-го годовъ, тотъ пойметъ и все направленіе ея. Сейчасъ же съ первыхъ страницъ произведенія мы видимъ въ авторѣ просвѣщеннаго мыслителя, славянина-патріота, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увь—плохого поэта. Авторъ всюду высказываетъ свои личныя чувства устами дѣйствующихъ лицъ, и анахронистическіе монологи этихъ послѣднихъ иногда нельзя даже считать серьезными. Вообще Палярикъ лучше всего самъ охарактеризовалъ себя слѣдующими словами (Добшинскаго „Sokol“ I, 1860 г. 22):— „Потративъ поэтическіе годы пылкой своей юности на прозу, правда, сухую, но не лишенную извѣстнаго значенія и полную душевной борьбы, теперь, когда для меня наступаютъ уже прозаическіе годы хладной старости, я взялся за веселую лиру игривой Таліи; я напрягъ всѣ свои духовныя силы для того, чтобы изъ струнъ ея, доселѣ еще не тронутыхъ, извлечь какую либо пріятную мелодію для пробужденія моихъ соотечественниковъ. Вамъ понравилась, дорогіе мои земляки, первая моя комедія, и вы со всѣхъ сторонъ съ восторгомъ призывали меня, чтобы я продолжалъ свою игру. Но дорогіе братья! *не легко съ искусствомъ перебирать струнами лиры, если рука съ молодыхъ лѣтъ не привыкла къ этому....* Въ юные годы.... люди обыкновенно взбираются на высочій и крутой Олимпъ художественной славы.... Принявъ это во вниманіе, каждый убѣдится, что изъ меня не выйдетъ уже ни Шекспиръ, ни Шиллеръ, ни даже словацкій Кишфалуди. Правда, теперь, дабы доказать свое доброе желаніе, я снова написалъ новую народную комедію „Дротарь“, но, создавая ее, я слишкомъ чувствовалъ, какъ тяжело быть поэтомъ тому, кто никогда не занимался этимъ искусствомъ, тѣмъ болѣе если у него уже остываетъ пылъ молодости и изсякаетъ богатство фантазіи, этой создательницы изящныхъ искусствъ. *Богъ знаетъ, удастся-ли мнѣ когда*

либо при самомъ лучшемъ желаніи и охотѣ создать нѣчто лучшее или, по крайней мѣрѣ, подобное.“

Послѣ появленія Палярика на поприщѣ драмы, мы видимъ, какъ въ слѣдъ за нимъ выступаетъ на томъ же поприщѣ цѣлый небольшой кружокъ словацкихъ драматурговъ. Во главѣ ихъ стоитъ Паулини-Тоть.

Вилемъ Паулини-Тоть (извѣстный также подъ псевдонимами: Подольскаго, Милославина, Розмарина, Мыдлослава и др.) написалъ книжное произведение: „L'udska komedia,“ въ девяти отдѣленіяхъ съ прологомъ (написано еще въ 1846 г., но издано лишь въ 1862 г.). Тѣни фантастическихъ чужихъ образцовъ этого произведенія перемѣшиваются въ немъ съ аллегоріею и дѣйствительностью. Этотъ плодъ широкой фантазіи изобилуетъ блестящими идеями, но романтизмъ его бесплоденъ. Въ „Человѣческой комедіи“ мы встрѣчаемъ два противоположныхъ направленія: 1) историческое, касающееся времени начиная съ 1514 года (смуты Дожей, крестьянскія революціи и т. д.) и 2) аллегорическое, относящееся къ новой эпохѣ и касающееся преимущественно нынѣшняго положенія словацкаго народа. Самъ писатель, впрочемъ, хорошо сознавалъ недостатки своего произведенія и не придавалъ ему никакого эстетическаго значенія, называя свою драму „кучею камней, кирпича, извести, дерева; ни храмъ, ни дворецъ, ни даже вообще годный для жилья домъ“¹⁾.

Школа Штура имѣла свои особые взгляды на драматическую поэзію; словацкой сценѣ, не смотря на то, что Словаки не имѣютъ своей исторіи, они предсказывали великое будущее. Школа эта различала драму историческую, процвѣтавшую у большинства славянскихъ народовъ, и идеальную, основанную на народномъ преданіи. Это-то послѣднее Ми-

¹⁾ „Sokol“ Паулини, I, 1862, 13.

булашъ Догнанный считаетъ единственнымъ образцомъ для идеальной словацкой драмы ¹⁾. Далѣе, Штуровская школа утверждала, что драматургія достигнетъ своего исторически-художественнаго вѣка только въ славянскомъ мірѣ, что славянская культура проявится раг excellence въ поэзіи, и главнымъ образомъ въ драмѣ. Съ точки зрѣнія исторіи, говорили Штуровцы, идея красоты получила свое развитіе у Эллиновъ преимущественно въ искусствѣ ваянія, у Романо-германцевъ—въ живописи и музыкѣ, у Славянъ же—въ поэзіи. Поэзія собственно, какъ искусство, развилась у Грековъ въ формѣ эпоса, у Романцевъ и Германцевъ—въ формѣ лирики, а у Славянъ—въ формѣ драмы ²⁾. Въ истинности этого роскошнаго фантастическаго сна утверждала ихъ четырехъ-актная драма Ормиса ³⁾: „Mataj,“ изд. въ Рожнавѣ, въ 1862 году. „Матай“ является первымъ не только словацкимъ, но и славянскимъ драматическимъ произведеніемъ, построеннымъ на народномъ преданіи. Эта чисто случайная вещь возбудила, однако, великія надежды. Словенско является не только географическимъ и этнографическимъ центромъ для всѣхъ славянскихъ племенъ, но и центромъ ихъ національныхъ идей. Какъ у Словаковъ первые славянскіе апостолы возвѣстили христіанскую вѣру, какъ въ словацкой землѣ создалось первое христіанское общество, какъ у Словаковъ родился Колларъ, такъ-де въ Татрахъ же вспыхнула и новая искра, зажегшая свѣтъ на пути ко храму народнаго преданья, дабы возвѣститъ зарю новаго вѣка, наступающаго для славянской поэзіи, вѣка разцвѣта драматическаго творчества ⁴⁾. Но, увы! драма Орми-

¹⁾ „Sokol“ Добшинскаго, II, 1861, 95.

²⁾ См. „Slovo k návěštíu П. З. Гостинскаго, „Sokol,“ I, 1862, 207.

³⁾ Самуилъ Ормисъ былъ учителемъ бывшей словацкой Великоревучкой гимназіи. Умеръ онъ 18 октября 1875 г. См. „Orol,“ VI, 1875, 284.

⁴⁾ „Sokol,“ I, 207.

са не открыла своимъ появленіемъ новой эпохи, такъ торжественно возглашаемой! „Матай,“ котораго Словаки въ первомъ припадкѣ восторга называли самороднымъ какъ слово, народнымъ какъ Татра, таинственнымъ какъ сага, прекраснымъ, какъ человѣкъ славы, и могущимъ сдѣлаться амулетомъ каждой семьи ¹⁾, на самомъ дѣлѣ—трудъ весьма поспѣшный, двухнедѣльный плодъ автора. Народное преданье дало автору прекрасную идею, но онъ не провелъ ее въ своемъ произведеніи. „Это,“ какъ удачно выразился о немъ Паулини:—„перлъ, вынесенный наружу изъ глубины души народной, но перлъ неотшлифованный“ ²⁾.

Ормистъ напечаталъ еще одну комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Pravda,“ тоже основанную на народномъ преданіи. Это опять созданный на скорую руку, небольшой трудъ, написанный впрочемъ остроумно и не лишенный свѣжаго юмора.

Новое оживленіе въ литературѣ вызвало къ творчеству, наконецъ, и автора оды „Гусу“ изъ его Жупчанскаго умирнаго жилья, у онѣмеченнаго Пряшова.

Ионашъ Заборскій появился на литературномъ поприщѣ съ длиннымъ рядомъ драматическихъ произведеній, начинающимся драмами: „Odboj zadunajských Slovákov“ и „Arpádovci,“ въ альманахѣ „Липа,“ III, 1864 г.

Драмы Заборскаго можно раздѣлить на четыре категоріи: собственно драмы, трагедіи (съ сюжетами изъ словацкой и русской исторіи, а также изъ угорско-сербскихъ лѣтописей), комедіи и фарсы (изъ общественной жизни Словаковъ). Къ первой категоріи принадлежатъ 7 драмъ: „Odboj zadunajských Slovákov,“ „Arpádovci,“ „Poslednie dni Velikej Moravy,“ „Bitka u Rozhanoviec,“ „Felician Sáh,“ „Karol

¹⁾ Тамъ же, стр. 210.

²⁾ „Соколъ,“ II, 1863, 263.

Dračský, „Alžbeta Ludieková“ (первыя двѣ—въ „Липѣ“ 1864 г., остальные пять изданы Викториномъ въ 1865 г., въ Буда-Пештѣ, подъ названіемъ: *Vásne dramatické*). Эти произведенія представляютъ изъ себя драматизованную отечественную исторію въ періодъ времени съ конца X-го до конца XV-го вѣка.

Тенденцію писателя мы узнаемъ изъ историческихъ введеній, которыми онъ по обыкновенію снабжалъ свои драмы. Нѣсколько словъ, предпосланныхъ первымъ двумъ произведеніямъ, вполне объясняютъ мысль Заборскаго. „Авторъ, говоритъ онъ, старался изобразить тогдашнее положеніе государства и церкви, уяснить господствовавшія тогда воззрѣнія, и намѣтить руководящія идеи вѣка, къ которому относится событіе.“ Исторія Угріи въ рукахъ мадьярскихъ историковъ является какою-то Авгіевою конюшнею, которая ждетъ своего Геркулеса; но такъ какъ древняя исторія Угорскаго королевства по недостатку точныхъ источниковъ ограничивается преимущественно историческими догадками, то въ видѣ самаго подходящаго средства въ данномъ случаѣ является вмѣсто Геркулесовой дубинки—поэзія, посредствомъ которой можно представить все дѣло въ болѣе правдоподобномъ видѣ и домысломъ озарить прошлое¹⁾. Этой задачѣ Заборскій удовлетворилъ весьма удачно. Его „*Vásne dramatické*“ представляютъ изъ себя великолѣпныя культурно-историческія картины изъ сказанной эпохи, но съ драматической точки зрѣнія произведенія эти не выдерживаютъ критики. „Въ нихъ чувствуется сильный недостатокъ художественности и огня, новыхъ типовъ и ситуацій, такъ что мы считаемъ ихъ скорѣе попыткою со стороны автора разъ-

¹⁾ Воляъ Іосифовичъ (=Іонашъ Заборскій) въ „Липѣ“, III, 1864 г. 18--19; ср. также мнѣніе Палярика о тѣхъ-же трудахъ въ „Sokol“, II, 1863, 306.

яснить историческія событія, чѣмъ плодомъ трагической Музы“¹⁾. Это замѣчаніе относится какъ къ первымъ двумъ, такъ и къ пяти послѣднимъ произведеніямъ Заборскаго. Сравнительно самое удачное изъ нихъ есть шести-актная трагедія „Bitka u Rozhanoviec.“

Спустя годъ послѣ изданія „Básne dramatické,“ Заборскій снова является на поприщѣ драматической литературы съ книгою, которую назвалъ „Лжедимитріады“ или „Волненія, вызванныя на Руси Лжедимитріемъ“ и которая заключаетъ въ себѣ девять драматическихъ произведеній (издана снова Викториномъ въ Буда-Пештѣ, въ 1861 году, и посвящена Харьковскому университету). Въ этихъ произведеніяхъ передъ нашими взорами открывается цѣлая галлерей картинъ изъ русской исторіи въ періодъ времени отъ смерти Ивана IV Васильевича Грознаго до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова или періодъ времени отъ конца XVI до 2-й половины XVII вѣка. Писатель опять самъ опредѣляетъ характеръ и цѣль своего произведенія, говоря: „Всѣ эти драмы стоятъ во взаимной связи между собою. Каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя одно законченное цѣлое, въ которомъ авторъ цѣликомъ хотѣлъ изобразить государственный и внутренній строй, міросозерцаніе, нравы и степень культуры въ XVI столѣтіи, а отчасти еще и теперь, у того сѣвернаго Славянства, отъ котораго вообще зависитъ судьба всего Славянства смотря по тому—подпадетъ ли оно тоже чужому вліянію или же будетъ самостоятельно рѣшать свои судьбы. Первые находятъ свой конецъ въ послѣднихъ, послѣднія—свое объясненіе въ первыхъ. Всѣ онѣ имѣютъ видъ отдѣльныхъ актовъ одной большой драмы. Дѣйствіе, завязывающееся въ первой драмѣ получаетъ свое настоящее окончаніе лишь въ

¹⁾ Критическое приложеніе къ „Народнымъ Листамъ,“ 1864 г., 117.

последней. Тѣ-же самыя дѣйствующія лица выступаютъ въ болѣе части драмъ, такъ какъ задача автора состоитъ въ томъ, чтобы представить взору читателя памятную эпоху всю цѣликомъ, со всѣми ея событіями“ ¹⁾.

„Лжедимитріады“ („Убіеніе Дмитрія,“ „Воцареніе Годунова,“ „Лжедимитрій въ Польшѣ,“ „Паденіе Годунова,“ „Первый Лжедимитрій,“ „Второй Лжедимитрій,“ „Третій Лжедимитрій,“ „Ляпуновцы,“ „Послѣдніе злодѣи“) являются плодомъ глубокаго изученія и неотвязчивой мечты; съ трудомъ этимъ не могутъ уже равняться позднѣйшія драмы Заборскаго. Но съ художественной точки зрѣнія и тутъ собственно говоря, дѣло стоитъ иначе. „Лжедимитріады“ написаны растянутымъ темпомъ обычныхъ разсказовъ объ историческихъ событіяхъ; они полны описаній партій и лицъ, занимающихся колдовствомъ и звѣрски злыхъ, описаній побѣдъ и поражений, льстецовъ-бояръ и слѣпыхъ массъ народа, и не имѣютъ ни настоящей драматической завязки, ни поэтическаго огня и вдохновенія, ни поэтической идеи. Какъ культурный образъ эпохи и характеристика типовъ, проявившихся въ эту эпоху, „Лжедимитріады“ всегда останутся трудомъ необыкновенно талантливымъ, но драмами въ точномъ значеніи слова онѣ не могутъ быть названы. То обстоятельство, что авторъ уже черезчуръ былъ точенъ въ передачѣ историческихъ фактовъ и строго придерживался исторической нити, связующей ихъ, не позволило ему опустить смѣлую, художественно творящую руку въ этотъ хаосъ браннаго шума, грохота орудій, грома ружей, въ грязь непрерывныхъ измѣнъ и мерзость убійствъ, чтобы извлечь изъ всего этого годныя для драмы событія, окрасить съ истинною поэтическою изобрѣтательностью человѣческія страсти и нарисовать художественныя картины съ об-

¹⁾ „Лжедимитріады,“ стр. 11.

щечеловѣческою подкладкою. Позднѣйшія драматическія произведенія Заборскаго нисходятъ до степени эфемерныхъ пьесъ Яна Халупки.

Рядъ драматическихъ писателей Штуровской школы замыкаетъ **Петръ Забой Кельнеръ-Гостинскій** своею пятиактною трагедіею „Svätoslavičovci“ (1869 г.), сюжетъ которой взятъ изъ русской исторіи.

Трое княжескихъ сыновей Святославичей: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ, получивъ отъ отца одинаковые удѣлы, ведутъ между собою борьбу за верховную власть. Борьбу эту по совѣту чужеземцевъ начинаетъ Ярополкъ, опираясь на право первородства. Младшій братъ погибаетъ во время бѣгства послѣ проигранной битвы, самый же меньшій спасается къ Варягамъ за море. Спустя нѣкоторое время Владиміръ возвращается на родину и снова по совѣту чужеземцевъ завоевываетъ Новгородъ и Кіевъ и, взявъ себѣ въ наложницы невѣсту самаго старшаго брата Ярополка, въ наказаніе умерщвляетъ послѣдняго, когда тотъ является къ нему просить мира.

Въ этой драмѣ сталкиваются три принципа: западные — право первородства и право завоевателя и славянскій—народное самоуправленіе; такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ борьбою западнаго и восточнаго принциповъ. Изъ дѣйствующихъ лицъ лучше всѣхъ обрисованъ Владиміръ, это дѣтище славянскихъ преданій, идеалъ славянскаго героя. Вообще же говоря, масса лирическаго и эпическаго элемента (хотя и прекраснаго), обильная до приторности колоратура (хотя и блестящая) дѣлаютъ „Святополковичей“ просто поэтическимъ разсказомъ въ формѣ драмы и сводятъ ихъ со сцены на степень книжнаго произведенія. „Фаустъ“, „Гамлетъ“ и „Макбетъ“ очевидно послужили образцами для автора, первый въ дѣлѣ исполненія, а второй

и третій—въ дѣлѣ психологическаго развитія дѣйствія. Слогъ трагедіи необыкновенно возвышенъ.

Не смотря однако на исчисленные недостатки, Гостинскій въ драмѣ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, и его „Святославичей“ можно назвать самымъ поэтичнѣйшимъ драматическимъ произведеніемъ Словаковъ ¹⁾.

То, что являлось у Словаковъ позже въ области драмы, положительно не заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

III. НОВЕЛЛА И РОМАНЪ.

Калинчанъ.—Гурбанъ.—Ферьенчикъ.—Паулики-Тотъ.—Томашикъ.—Франциси.—Носакъ.—Дакснеръ.—Янчо.—Заборскій.—Ладиславъ Паулики.

Начавшійся разцвѣтъ словацкой новеллы обѣщаетъ много хорошаго въ будущемъ. Первою задачею ея является развлеченіе и подъемъ національнаго сознанія въ обществѣ. На поприщѣ этого рода литературы словацкіе писатели имѣли больше успѣха, нежели въ драмѣ, такъ какъ среди поученій и развлеченія они все-таки сумѣли сохранить за собою достоинство поэтовъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Калинчаку ²⁾.

Янъ Калинчакъ (Jan Kalinčák) родился 10 августа 1822 года, въ Горномъ Затурчѣ, Турчанской столицы, гдѣ отецъ его былъ еванг. священникомъ. Мать Калинчака происходила изъ древней шляхетской семьи и потому всегда съ охотою разсуждала о положеніи шляхетскихъ фамилій; она хранила у себя документы, касающіеся всей ея родословной и

¹⁾ Срав. критику его у Люд. Кубани, въ „Slovesnost“, I, 1873, 5—35.

²⁾ Самая лучшая біографія Калинчака—его автобіографія, въ журналѣ „Липа“, II, 1862 г., 99—130; Собраніе его новеллъ вышло (7 томовъ) въ Турч. св. Мартинѣ, въ 1871—73 г.

на основаніи ихъ писала длинныя генеалогіи. Женщина эта была настоящимъ адвокатомъ и знала даже хорошо латынь. Маленькій Калинчакъ нѣкоторое время гостилъ у своей бабушки во Вруткахъ, недалеко отъ Затурча, гдѣ весь проникся жизнью словацкой мелкопомѣстной шляхты ¹⁾. Вотъ что рассказываетъ онъ самъ про это время: „На такія то личности смотрѣлъ я въ своемъ дѣтствѣ и съ наслажденіемъ вслушивался въ пышныя, полныя сознанія собственнаго достоинства, рѣчи шляхтичей, когда „панъ крестный“ или „панъ свать“, встряхнувъ головой, заломивъ шляпу на правое ухо, поправитъ на своей груди куртку и ударивъ по плечу бесѣдующаго съ нимъ „пана брата“, скажетъ:—„сто выстрѣловъ его матери! не будетъ это такъ, если нашъ родъ того не пожелаетъ!“ Хорошъ этотъ нашъ мелкопомѣстный людъ! И поссорится, и помирится, и при всемъ томъ—всегда добрый товарищъ. Мать моя, постоянно рассказывая мнѣ о шляхетскихъ родахъ всей Турчанской стѣлицы, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, а также о народныхъ преданьяхъ, съ дѣтства сдѣлала меня настоящимъ шляхтичемъ. Она весьма охотно занималась чтеніемъ до поздней ночи и все, что

¹⁾ Это были типы подобные тѣмъ, о которыхъ Калинчакъ говоритъ въ своей автобіографіи (В. 1856): „Я былъ во Вруткахъ, и настоящій шляхтичъ, 80-лѣтній старецъ, сказалъ мнѣ: „О панъ крестный, панъ братъ“ (ибо тамъ для меня является крестнымъ отцомъ всякій, кто послѣ моего рожденія, даже полъ года спустя выпилъ у моего отца рюмочку водки или „грѣтаго“ за мое здоровье; таковъ былъ прекрасный обычай старинныхъ шляхтичей, у которыхъ родственныя связи считались до 10-го колѣна), „это были времена! а теперь—охъ!“ и онъ развелъ руками и насунулъ, продолжая далѣе: „прежде мы платили субсидію, теперь—контрибуцію; прежде у насъ былъ „дилекторъ“, теперь —„рихтаръ“, прежде шляхтичъ былъ бариномъ, а теперь уже и жидъ ему говорить „вы.“ (Шляхтичи, равные между собою по положенію, всегда говорили другъ другу „вы“, но, Боже сохрани, если-бы въ прежнее время такъ обратился бы къ нему мужикъ или жидъ!)“—„Липа,“ II, 1862, 102.

только прочитывала сама, рассказывала потомъ своимъ дѣтямъ. Отецъ мой имѣлъ обыкновеніе (по принципу) брать меня съ собою всякій разъ, когда отправлялся куда-нибудь по своимъ частнымъ дѣламъ; нерѣдко это бывали визиты по случаю разныхъ церковныхъ сельскихъ праздниковъ въ Драшковцахъ, Заборѣ, Ясенѣ, Вруткахъ, Липовцѣ и др., находящихся съ ними въ дружбѣ, настоящихъ шляхетскихъ помѣстіяхъ, гдѣ жили и „spectabiles“ и „perillustres.“ Кромѣ того отецъ мой.... постоянно рассказывалъ мнѣ о мужахъ, прославившихъ свое имя въ исторіи“ ¹⁾. Первымъ учителемъ Калинчака былъ нѣкій Пухоръ въ Затурчѣ, „известный своими щелчками, своимъ большимъ носомъ и убійственными стихами“ ²⁾. Вторымъ наставникомъ его былъ Гулей въ Неппалѣ и третьимъ—Халупка въ св. Янѣ; слава послѣдняго состояла въ томъ, что онъ „мазалъ своихъ учениковъ, но не масломъ, а дубинкою, просто прелесть какъ!“ ³⁾. Не смотря на то, что молодой Калинчакъ былъ eminentium eminentissimus, онъ не разъ плакалъ, покидая постель ранѣе 3-хъ часовъ утра (когда пастухъ еще не гналъ коровъ), не будучи въ состояніи вбить себѣ въ голову фразы: *liberi et annales, patres atque sodales*“ и т. д. Затѣмъ Калинчакъ два года учился въ Гемерѣ помадъирски, а потомъ 3 года въ Левочѣ-польшахъ. Здѣсь профессоръ Главачекъ пробудилъ въ душѣ Калинчака національный патріотизмъ, такъ какъ отецъ юноши, хотя въ другихъ отношеніяхъ и былъ примѣрнымъ человекомъ, тѣмъ не менѣе боязливо смотрѣлъ на направление своего времени, будучи самъ воспитанъ горемъ да нуждою, человекомъ забитымъ, „зависящимъ отъ воли всего свѣта.“

¹⁾ Тамъ же, стр. 103

²⁾ Тамъ же, стр. 104.

³⁾ Тамъ же, стр. 104—105.

Изъ Левочи Калинчакъ перешелъ въ Пресбургъ, гдѣ и окончилъ второй курсъ философіи, первый — юриспруденціи и двухлѣтній курсъ богословскихъ наукъ. Здѣсь онъ готовился также къ профессіи учителя, съ успѣхомъ занимая довольно продолжительное время мѣсто своего благодѣтеля, проф. Шрёера, почтеннаго гуманиста. Самъ графъ Зай писалъ Шрёеру: „поздравляю васъ съ удачнымъ выборомъ вашего супплента; онъ смысленный малый, жаль только, что у него есть одинъ грѣшокъ: онъ—приближенный (attaché) Штура.“ Въ Пресбургѣ Калинчакъ началъ писать свои новеллы, будучи вызванъ къ этому повѣстями Чайковского, изъ коихъ нѣкоторыя онъ тоже переводилъ. Въ 1843 году ему, однако, пришлось подвергнуться за свою литературную дѣятельность строгому слѣдствію со стороны инквизиціонной комиссіи, высланной генеральнымъ конвентомъ. Въ октябрѣ того-же года мы застаемъ Калинчака въ Галле; гдѣ онъ наравнѣ съ лекціями по языковѣдѣнію и исторіи, слушалъ также и философію. Когда Калинчакъ возвратился изъ Германіи, его уже ожидало одинадцать воспитательскихъ мѣстъ, изъ которыхъ онъ избралъ себѣ одно, именно у горнаго совѣтника, Ляндерера, въ Виндшахтѣ, у Штявницы. Спустя годъ, однако, онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Модрѣ и директоромъ тамошней гимназіи. Здѣсь Калинчакъ провелъ блаженнѣйшіе годы своей жизни, направляя свою дѣятельность преимущественно на народныя, школьныя дѣла. Въ 1858 году его снова переводятъ смотрителемъ еванг. казенной гимназіи въ Тѣшинѣ, куда съ этихъ поръ и начала толпою стекаться словацкая молодежь, привлекаемая сюда борьбою, которую онъ велъ довольно успѣшно съ „культуртрегерствомъ.“ Послѣ одинацатилѣтняго завѣдыванія Тѣшинскою гимназіею, Калинчаку, однако, дана была преждевременная отставка, получивъ которую онъ поселился въ Турч.

св. Мартинѣ, гдѣ и основалъ беллетристическій журналъ „Ogol“, въ 1870 г. Духъ писателя между тѣмъ быстро и примѣтно ослабѣвалъ. Плохая награда за долготѣтную и добросовѣстную дѣятельность сдѣлала его меланхоликомъ. Юня 16-го, 1871 года онъ скончался въ св. Мартинѣ.

Цѣль, которую Калинчакъ преслѣдовалъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, лучше всего объяснена въ его же собственныхъ трудахъ. „Пиша въ Пресбургѣ повѣсти“, говоритъ онъ: „и читая ихъ вслухъ, когда приходилось, я обратилъ вниманіе, чего прежде не замѣчалъ, на дурныя и хорошія стороны Чайковскаго. Онъ изображаетъ жизнь своего народа живо, человѣкъ и природа—у него тождественны, но у него есть и большая ошибка: онъ—писатель тенденціозный. Онъ описываетъ жизнь казаковъ, какъ людей съ необыкновеннымъ рвеніемъ преданныхъ „святой польской отчизнѣ“, а между тѣмъ изъ исторіи извѣстно, что казаки не только были сильно угнетаемы со стороны польской партіи, но что всевозможныя „Майскія“ и т. п. отнюдь не производили на украинскій народъ никакого оживляющаго впечатлѣнія. И такъ, я со своей стороны никогда не хотѣлъ, изображая угорскую жизнь, мѣрять все на свой собственный аршинъ, ни поклоняться Англичанамъ, какъ Іозика, ни обезьяничать съ Французовъ, какъ Іокай, но всегда старался изобразить жизнь такъ, какъ она есть, какъ она была, т. е. такъ, какъ мы сами живемъ и мыслимъ въ Угріи. Несправедливо, слѣдовательно, упрекали меня Мадьяры, что я въ „Бозковцахъ“ дѣлалъ всѣхъ Чехами, въ убытокъ Угріи, а въ „Милковомъ гробѣ“ порицалъ чешскій элементъ¹⁾.

Первою повѣстью Калинчака являются „Bозковсі“ (1842 г.), которыхъ онъ писалъ, руководствуясь сочиненіемъ Шемберы

¹⁾ Тамъ же, стр. 112.

„Ráni z Bozkovic.“ Взгляды писателя на свѣтъ въ этомъ произведеніи еще не установились, а исполненіе—не удовлетворительно, но не смотря на это, уже въ „Бозковцахъ“ мы видимъ будущаго Калинчака, особенно въ послѣднихъ главахъ сказанной повѣсти. „Milkov hrob“ (1845 г.), историческая повѣсть изъ временъ Матіаша—трудъ по величинѣ больше и по формѣ лучше предыдущаго. Хотя авторъ и недостаточно понималъ характеръ XV-го вѣка, тѣмъ не менѣе повѣсть его симпатична и производитъ пріятное впечатлѣніе на читателя. Въ повѣсти „Bratova ruka“ (1846 г.) Калинчакъ изобразилъ типы, самъ находясь подъ вліяніемъ южно-славянскихъ образцовъ: краски въ этомъ трудѣ—не принадлежатъ автору. Въ произведеніи „Mládenec slovenský“ (1847 г.), небольшой повѣсти изъ временъ IX-го столѣтія, Калинчакъ изобразилъ идеалы Штура и его Пресбургскихъ товарищей, правда, анахронически, но въ такихъ ясныхъ и пламенныхъ чертахъ, что повѣсть эта во многомъ можетъ служить подспорьемъ для ознакомленія съ указанною эпохою. Турецкій рассказъ „Rút' lásky“ (1847 г.) и южнославянской „Serbianka“ (1848 г.) являются произведеніями съ блѣдными историческими красками, не свойственными вообще сочиненіямъ Калинчака. За то маленькій рассказъ „Svatý Duch,“ по содержанію своему относящійся къ эпохѣ Ракочаго и написанный въ томъ-же году, во многомъ превосходитъ всѣ предшествовавшія ему повѣсти. Тутъ мы видимъ Калинчака въ его сферѣ, среди той сварливой, но великодушной и податливой жизни словацкой шляхты, такъ нерушимо сохранившейся до 1848 года (когда исчезли всѣ ея преимущества) такою, какою она была во времена Ракочаго. Этотъ классъ низшей шляхты до 1848 года составлялъ ядро словацкаго народа, если и не по самостоятельной политической жизни, то по крайней мѣрѣ по языку и по характеру. Этой-то прекрасной заман-

чивой жизни Калинчакъ дважды еще коснулся въ своихъ повѣстяхъ: „Reštavracia“ (1860 г.) и „Orava“ (1870 г.). Реставрація,“ это — литературное unicum. Сюжетъ этого произведенія не высокъ, въ немъ нѣтъ эффектной завязки, нѣтъ истинно художественнаго описанія страны, которое было вообще чуждо перу Калинчака, это просто на просто—діалогъ, пересыпанный сотнями словацкихъ пословицъ и поговорокъ, галлерей роскошнѣйшихъ типовъ, начиная отъ старика знаменитаго кортеса Матвѣя Бѣшеневскаго и оканчивая красавицей-рѣзвухой Анютой, дочерью „вицежупана.“ „Реставрація“ переведена на польскій, хорватскій и нѣмецкій языки и стоитъ выше всѣхъ прочихъ повѣстей Калинчака. Историческій романъ „Orava,“ самый послѣдній и чуть-ли не самый большой трудъ Калинчака, является произведеніемъ съ широко-задуманнымъ планомъ, но въ несчастію не исполненнымъ по собственной же винѣ автора, (онъ признается, что повѣсть эта была-бы еще въ три раза больше ¹⁾, если-бы онъ не печаталъ ее въ журналѣ). Не смотря на то, что мы не находимъ въ „Оравѣ“ обычнаго огня и воодушевленія, свойственныхъ Калинчаку, трудъ этотъ тѣмъ не менѣе имѣетъ извѣстное значеніе какъ по своему богатому содержанію и многочисленнымъ отдѣльнымъ эпизодамъ, такъ и по выведеннымъ въ немъ новымъ типамъ и своему глубокому трагизму. Послѣднія новеллы Калинчака уже не такъ удачны. „Knieža lyptovský“ (1852 г.), большая повѣсть изъ временъ XV-го столѣтія, за исключеніемъ нѣсколькихъ главъ, описывающихъ шляхту, вообще—плохенькое произведеніе; для изображенія пышнаго двора князя Корвина и палатина Запольскаго у Калинчака не хватило таланта. „Láska a pomsta“ (1858 г.), повѣсть изъ той-же эпохи, и „Mnich“ являются самыми слабыми повѣстями нашего писателя.

¹⁾ „Orol,“ I, 1870 г., 369.

„По скольку Калинчакъ не былъ писателемъ словацкаго прошлаго, каковымъ онъ хотѣлъ быть, такъ точно не былъ онъ и поэтомъ словацкихъ долинъ и горъ, на что, впрочемъ, и не претендовалъ.... Въ одной лишь формѣ разсказа, именно въ діалогахъ и особенно діалогахъ шляхтичей, является онъ вполне оригинальнымъ.... Тутъ онъ не только оригиналенъ, то даже несравнимъ и неподражаемъ.... Калинчакъ у Словаковъ считается самымъ популярнымъ изъ незначительнаго числа романистовъ, что вполне, конечно, справедливо. Онъ желалъ изобразить все прошлое Словенска; избравъ для этой цѣли легкую форму современной новеллы, онъ въ эпизодическихъ чертахъ обрисовалъ самые достопамятнѣйшіе моменты словацкой исторіи, хотя намѣреніе его изобразить все прошлое Словаковъ во всѣхъ отношеніяхъ не вполне удалось ему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нарисовавъ такъ удачно, даже мастерски, картину словацкаго общества, онъ уже этимъ самымъ совершилъ дѣло, достойное труда всей человѣческой жизни“ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ „живописцемъ словацкой шляхты“ на поприщѣ новеллистики подвизался также Іосифъ Гурбанъ. Изъ его новеллъ, писанныхъ почешски, извѣстны: „Svatoplukovci“ (въ чешск. журн. „Květy“, 1844 г.) и „Gottšalk“ (Галковы „Slovanské besedy“, 1864 г.). По словацки Гурбанъ написалъ больше. Сюда относятся его философскія повѣсти: „Prítomnosť a obrazy zo života Tatranského“ и „Prechádzka po rovažskom svete“ (обѣ 1844 года), затѣмъ, жестоко бичующая нравы общества, пестрая мозаика. „Korytnické poháriky“ (1847 г.), тенденціозная новелла „Od silvestra do troh kráľov“ (того-же года) и интересные очерки изъ недавняго прошлаго, подъ заглавіемъ „Slovenské žiaci“ (1853 г.).

¹⁾ „Malíř slovenských zemanův.“ Napsal Vítězslav Houdek. „Koleda“, IV, 1879 г., 330, 310.

Съ литературной точки зрѣнія самымъ цѣннымъ произведеніемъ Гурбана является его „Olejkár,“ историческій романъ изъ времени XIV столѣтія („Nitra,“ III, 1846 г.). Романъ этотъ обладаетъ блистательнымъ свойствомъ строго художественнаго, писаннаго по вдохновенію, произведенія:— законченностью и цѣлостностью; одинъ и тотъ-же тонъ слышится въ немъ отъ начала до конца. Содержаніе—цѣльно.... обработано..., но сильно сжато на нѣсколькихъ листахъ. Масса идей, увы! помѣщена въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ.... одна фигура тѣснить другую.... и истинно художественная гармонія не можетъ развиваться, какъ слѣдуетъ, за отсутствіемъ пространства.... Это мы находимъ въ первомъ.... словацкомъ романѣ.“ Не смотря на то, что типы, выставленные въ „Олейкарѣ“ обрисованы необыкновенно рутинно, что свѣтъ и тѣни—въ полнѣйшемъ равновѣсіи, впечатлѣніе, производимое имъ, велико. Романъ этотъ не остался незамѣченнымъ въ Татрахъ, его читали на расхватъ, читая-же его, мечтали и плакали.... Каждый поневолѣ призадумается, прочтя эту книгу, и взволнованные чувства читателя переходятъ въ тихую думу. Это явленіе служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что рука писателя коснулась настоящей струны,—но струна эта прозвучала гармонично, пріятно, не вызвавъ однако къ тому-же руки другого“ ¹⁾.

Плодовитѣйшимъ изъ словацкихъ новеллистовъ Штуровской школы является Ферьенчикъ ²⁾.

Микулашъ Стефанъ Ферьенчикъ (Štěpan Ferienčík) родился 30 іюля, 1825 года въ Зволень, Зволенской-же столицы. Во-

¹⁾ „Literarne rozpomienky“ Ваянскаго. „Národné Noviny,“ XI, 1880 г., № 113.

²⁾ См. „Národné Noviny“ XII, 1881 г., № 27, и „Slov. Pohľady,“ I, 1881, 233 и слѣд.

спитаніе свое онъ получилъ въ Штявницѣ, Левочѣ и Пряшовѣ, и намѣревался посвятить себя дѣятельности адвоката. Возстаніе вызвало его въ ряды словацкихъ добровольцевъ, гдѣ онъ воевалъ храбро и честно; послѣ же возстанія онъ совершенно предался литературнымъ занятіямъ. Позже, когда казалось, что для Словенска начинается разсвѣтать лучшее будущее и открылись было врата для свободного слова, Ферьенчикъ съ тою-же охотою и безкорыстіемъ, которыя были характерными его чертами, пожертвовалъ своимъ выгоднымъ общественнымъ положеніемъ и весь предался журнальной дѣятельности, въ тѣ времена почти совсѣмъ позабытой ¹⁾. „Pešťbudínské Vedomosti“, въ 60 годахъ единственный національно-словацкій политическій журналъ, прибрѣлъ въ лицѣ Ферьенчика самого усерднаго сотрудника и редактора. Послѣ того, какъ журналъ этотъ былъ измѣненъ и переименованъ въ „Národné Noviny“, а редакція его была переведена изъ Пешта въ Турч. св. Мартинъ, Ферьенчикъ оставался вѣренъ этому органу до послѣднихъ своихъ дней. Онъ умеръ 3 марта 1881 года.

Ферьенчикъ одинаково былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, славянинъ и публицистъ. Для характеристики его достаточно привести слова Ваянскаго, сказанныя о немъ: „каждая жилка, каждый нервъ его были чисто славянскіе; онъ жилъ въ мірѣ свѣтлыхъ и высокихъ идей; его безкорыстіе и блестящій умъ уступали единственно лишь одному изъ другихъ его качествъ: скромности“ ²⁾. Въ дѣлѣ просвѣщенія нисшихъ слоевъ своего народа Ферьенчикъ имѣетъ громадную заслугу. Въ 1867 году онъ основалъ и съ этихъ поръ все время издавалъ (для народа) газету: „Národní Hlásnik“, въ которой съ

¹⁾ Jan Francisci, тамъ же, № 28.

²⁾ Тамъ же, № 27.

неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью давалъ словацкому народу полезную и пріятную духовную пищу, поучая его преимущественно въ дѣлахъ хозяйства и политики. Не смотря однако на это, жизнь Ферьенчика, какъ словацкаго публициста въ продолженіи 20 лѣтъ, была незавидна. „Кто знакомъ съ убійственнымъ трудомъ газетчика, тотъ пойметъ, что эти 20 лѣтъ были годами страданія для нашего писателя;“ но не смотря на это онъ сослужилъ Словакамъ немаловажную службу своею дѣятельностью, особенно въ то время, когда все дѣло зависѣло отъ журналистики, а между тѣмъ никто за нее не принимался. Имя Ферьенчика давно уже забыто, хотя результаты его публицистической дѣятельности вѣчно будутъ живы въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Какъ беллетристъ, Ферьенчикъ прежде всего заслуживаетъ вниманія по своей плодовитости. Но уже первыя его произведенія: „Kráľovna plesu“ и „Pri kozube“ (1853 г.) жаромъ своего юнаго огня и пламенной любви къ народу несли утѣшеніе, согрѣвали и воодушевляли Словаковъ, сдѣлавшихся малодушными вслѣдствіе своихъ обманутыхъ надеждъ ¹⁾. Упомянутыя двѣ новеллы начинаютъ собою цѣлый рядъ другихъ произведеній, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ. Матеріалъ для своихъ произведеній авторъ черпалъ или прямо изъ настоящей, или же изъ недавно минувшей общественной жизни, рѣже—изъ исторіи; но, разъ избравъ какую-либо тему, онъ обрабатывалъ ее всегда съ полнѣйшею правдивостью. Всѣ повѣсти его переливаютъ живыми красками, психическая сторона описанія пріятна и передана со всѣми подробностями, завязка по большей части запутанная. Ферьенчикъ былъ настоящимъ общественнымъ писателемъ—новеллистомъ, и нѣкоторые его труды, какъ напр. „Jedlovský učitel“ и особенно большая повѣсть „Bratia“ не исчезнутъ изъ литературы.

¹⁾ Францисци, тамъ же, № 28.

Предпринявъ изданіе научно-беллетристическаго ежемѣсячника „Sokol“, Вилемъ Паулини-Тотъ также началъ писать для него новеллы, которыя, собравъ и пополнивъ, онъ издалъ позже подъ названіемъ „Besiedky“ (4 тома, въ Скалицѣ въ 1867—1870 г.).

Въ своихъ повѣстяхъ Паулини, сравнительно съ другими болѣе выдающимися писателями, болѣе всѣхъ старался соединить пріятное съ полезнымъ, даже въ ущербъ самымъ произведеніямъ. Въ кавказскихъ очеркахъ „Kušín“, писанныхъ въ видѣ писемъ, авторъ, желая познакомить насъ съ этнографіею и исторіею кавказскихъ черкесовъ и русскихъ колонистовъ, заключилъ свой рассказъ въ легкія рамки повѣсти и изукрасилъ его прекрасными описаніями мѣстностей и психологически удачнымъ изображеніемъ духовной жизни героевъ. Въ повѣсти „Dva hráči“, дѣйствительномъ происшествіи изъ домашней и заграничной жизни на водахъ, авторъ рассказываетъ намъ объ азартнымъ карточнымъ играхъ и тѣхъ плохихъ слѣдствіяхъ, которыя они влекутъ за собой. Въ повѣсти временъ XIII вѣка: „Tatarský plen“ онъ пытается съ культурно-исторической точки зрѣнія изобразить эпоху татарскихъ вторженій въ Европу и особенно въ Угрію. Наконецъ въ самомъ большомъ и извѣстнѣйшемъ своемъ произведеніи: „Trenčanský Matuš“, Вилемъ Паулини желаетъ представить словацкимъ читателямъ величайшаго ихъ историческаго героя, время Чака, паденіе этого послѣдняго и слѣдствія его. Такимъ образомъ авторъ является передъ нами то историкомъ, то поэтомъ, то снова дидактикомъ; вообще же говоря его историческія повѣсти отличаются сильнымъ недостаткомъ въ художественной композиціи. За то картины, взятая авторомъ изъ настоящей жизни общества, весьма удачны. Никто не станетъ отрицать извѣстнаго интереса въ его „Trinásta pieseň“, ни юмора въ его новеллѣ: „Slovenský

ргавoris“ или же чувства въ его „Jedna pos na Považi.“ Вообще душа его, необыкновенно богато одаренная, но разнообразно настроенная, не могла сосредоточиться на одномъ какомъ либо направленіи, дабы создать въ этомъ же направленіи совершенное.

Вскорѣ послѣ Паулини-Тота, **Самуэль Томашикъ** тоже принялся писать историческія новеллы, которыя вышли у него довольно удачными. Разсказъ его гладокъ и въ большинствѣ случаевъ имѣетъ хорошую завязку. Особенно распространенными являются слѣдующіе труды его: „Bašovci na Muráni,“ „Odboj Vešelinov,“ „Malkontenti“ и „Kuruci,“— Что касается остальныхъ новеллистовъ Штуровской школы, то мы вкратцѣ перечислимъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Сюда принадлежатъ: **Францисци-Римавскій**, **Носакъ**, **Дакснеръ**, **Янчо**, **Заборскій** и, наконецъ, хорошій, но мало пишущій юмористъ, **Ладиславъ Паулини** (псевд. Подолинскій), специальность котораго сатира на „воцуревство.“

1860.

Жиранскій.—Ровиновъ.—Лойко-Тисовскій.—Зехентеръ.—Кубани.—Думный.

Среди новаго поколѣнія Словаковъ мы уже не замѣчаемъ ни такого количества писателей, ни такихъ произведеній, какъ въ предыдущемъ. Такъ, **Стефанъ Жиранскій** (собств. Крижаевъ. еванг. свящ. въ Шуловѣ) рано сошелъ съ литературнаго поприща. **Бранко Ровиновъ** (собств. Леопольдъ Абаффи, свящ. въ словацк. Арадцѣ) написалъ повѣсть изъ цикла преданій о Яношикахъ: „Tri hroby“ („Lira“ 1864 г.), казавшуюся прекраснымъ началомъ дальнѣйшей дѣятельности, но увѣя надежды на автора ея не оправдались. Иныя силы, помолоче, какъ напр. **Лойко-Тисовскій** и въ новеллѣ не достигли извѣстной высоты самостоятельнаго творчества. Такимъ образомъ это

поколѣніе писателей представляет для насъ всего лишь три интересныхъ имени: д-ра Зехентера, Кубани и Думнаго.

Густавъ Казиміръ Зехентеръ (Zechenter, нынѣ докторъ въ Кремницѣ, писалъ подъ псевдонимомъ Стефана Пинка, Ласкомерскаго и др.) является первѣйшимъ словацкимъ юмористомъ. Юморъ его чисто словацкій; произведенія его, оригинальныя какъ съ внутренней такъ и съ внѣшней стороны, производятъ на читателя непреодолимое впечатлѣніе. Его „Dávid Štúbrik“, „Študenti“, „Stonoha v kúpeľoch“, „Slúčkove nehody“, или его „Žarty a rozmaru“¹⁾—вѣрное средство отъ міровой скорби. Точно также и путевыя замѣтки Зехентера („Prechádzky po svetovej výstave 1873 r.“, „Výlet do Tatier“, „Priechod cez Cetovicu“, „Z turčanských Teplic do Trenčanska“ и др.) и масса всевозможныхъ очерковъ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, полны остроумныхъ намековъ, комическихъ фигуръ и пародій. Въ области серьезнаго творчества почетное мѣсто даетъ Зехентеру его „Lipovianska maša“ (1874 г.). Соперникомъ Зехентера въ юмористической новеллѣ является **Людевитъ Кубани** главнымъ образомъ своими отрывками изъ дневника: „Supplicant“ (1873 г.), тоже весьма хорошими для ознакомленія съ общественною жизнью Словаковъ. Тѣ же мотивы, что въ упомянутомъ произведеніи, проведены имъ и въ разсказѣ „Mendík“, болѣе впрочемъ подходящемъ къ сатирѣ. Но самый цѣнный вкладъ, внесенный имъ въ словацкую литературу, есть „Valgatha“ (1872 г.), дѣйствіе которой относится къ эпохѣ гуситскаго движенія у Словаковъ. Кубани является здѣсь прекраснымъ повѣствователемъ и точнымъ живописцемъ; хотя описываемое событіе

¹⁾ Въ Турч. св. Мартинѣ, I, 1878 г.

и принадлежить временамъ давно уже минувшимъ, тѣмъ не менѣ самая страна остается въ прежней неприкосновенности и красотѣ. Одинъ лишь недостатокъ умаляетъ всю прелесть этого сочиненія: „Вальгата“—не окончена. Не смотря однако на это и соображаясь съ тою ея частью, которая вышла въ свѣтъ, мы должны признать, что пока Кубани является самымъ талантливымъ писателемъ на поприщѣ историческаго романа. *Калинчукъ* тоже пытался изображать вышесказанную эпоху, но „передъ „Вальгатою“ „Милковъ“ гродъ“ меркнетъ, какъ звѣзда при лучахъ восходящаго солнца. Эпоха Искры нашла своего изобразителя въ лицѣ Кубани“ ¹⁾).

Большою симпатіею словацкой читающей публики сравнительно съ другими пользуется **Милославъ Думный** (Dumný, собственно Данилъ Бахатъ) благодаря своему произведенію: „Nevädze“ (т. II и III въ Скалицѣ, 1870 г.) и другимъ многочисленнымъ новелламъ, разсѣяннымъ по разнымъ журналамъ и сборникамъ. Первые его труды были дѣйствительно удачны. Его весьма интересныя, чисто словацкія темы, касающіяся преимущественно ближайшаго настоящаго, легкая изящная манера въ повѣствованіи и національный патріотизмъ вызывали прекрасныя надежды, но проза чиновничьей жизни не дала развиться таланту Думнаго, и силы его въ позднѣйшихъ новеллахъ оказались исчерпанными.

1870—1888.

Кутликъ.—Ваянскій.—Кукучинъ.—Бълекъ.—Маршаллъ.

Въ самомъ младшемъ поколѣніи словацкихъ новеллистовъ весьма много надеждъ подавалъ **Феликсъ Кутликъ** (Kut-

¹⁾ „Koleda“, IV, 1879 г., 311.

lik) своими талантливими очерками изъ жизни славянскаго юга. Густыя краски и прекрасная передача скоро сдѣлали его любимцемъ читающей публики; но юный писатель умолять и не отеликается до сихъ поръ. За то **Свѣтозаръ Гурбанъ Ваянскій** не перестаетъ создавать прекрасныя вещи въ области новеллы и представилъ уже цѣлый рядъ трудовъ перворазрядной цѣны. Онъ началъ мелкими „Obrázky z ľudu“ (1880) и дошелъ такимъ образомъ позже до обширнаго общественнаго романа. Изъ его новеллъ, напечатанныхъ въ „Slov. Pohľad.“ выше всѣхъ стоятъ: „Kandidát,“ „Búrka v zátisi“ и „Babie leto.“ Другія произведенія свои Ваянскій издаетъ отдѣльно подъ заглавiемъ. „Besedy a dumy.“ Въ первомъ томѣ этого сборника особенно выдается повѣсть: „Letiace tiene,“ во второмъ же томѣ (1884 г.) помѣщенъ романъ: „Suchá ratolest’.“

Вратѣ о немъ можно сказать: если кто желаетъ познакомиться съ нынѣшнимъ положенiемъ Словаковъ, пусть прочтетъ книгу Ваянскаго. Никакой историкъ культуры не изобразилъ бы его такъ, какъ этотъ талантливый писатель. Замѣчательный наблюдатель и гениальный художникъ, глубокий мыслитель и великiй поэтъ соединились въ лицѣ его, чтобы дать своему народу зеркало всего его прошлаго и вознести его литературу на значительную высоту. Изъ трудовъ Ваянскаго мы знаеомимся съ разгульною жизнью ренегатствующей словацкой шляхты такъ же вѣрно, какъ и со скромною жизнью мѣщанъ, съ деревенскимъ затишьемъ; съ общественно-политическимъ движенiемъ, съ мрачнымъ отраженiемъ скорби, и съ высокимъ воодушевленiемъ вѣрующей славянской души. Характеристика лицъ, мѣстные ландшафты, діалоги, основа и этическое значенiе новеллъ и романовъ его дѣйствительно могутъ быть названы выдающимися. Тургеневъ и Гоголь были учителями Ваянскаго, и не одно его

произведеііе уже достигло высоты ихъ творчества. Не мало-важною заслугою его является также облагороженіе и обогащеніе родной литературной рѣчи. Остается лишь пожелать, чтобы добрый геній его велъ её далѣе по этой благословенной дорогѣ!

Упомянемъ, наконецъ, и еще о четырехъ новеллистахъ: Кукучинѣ (псед.), Бѣлекѣ, Бодицкомѣ и Маршаллѣ. Все это несомнѣнно люди высоко одаренные, хотя почти каждый изъ нихъ идетъ иною дорогою. Стихіею первому служить деревня, типы и фігуры которой онъ умѣетъ рисовать вѣрно и занимательно; характерная рѣчь его дѣйствующихъ лицъ уже и теперь могла бы пополнить словацкій лексиконъ многими идіомами. Второй и третій стремятся къ болѣе обширной концепціи, хотя писатели эти еще не сложились окончательно. Послѣдній, Маршаллъ, послѣдователь Ваянскаго, представилъ прекрасные труды, почерпнутые преимущественно изъ жизни нижнихъ Словаковъ; его свѣжая и живая рѣчь заслуживаетъ полного признанія, хотя міросозерцаніе его не сложилось еще въ одномъ извѣстномъ направленіи.

Такимъ образомъ въ краткихъ чертахъ мы изобразили столѣтнюю литературную дѣятельность Словаковъ: много видимъ мы въ ней любопытнаго, много дѣльнаго. Даже то, что имѣло лишь временный и мѣстный интересъ, и то заслуживаетъ съ нашей стороны благодарности и памяти: оно подкрѣпляло изнемогавшихъ и будило усыпленныхъ. Сознаніе національной словацкой силы и славянской взаимности создало и эту литературу и эту жизнь, слѣжа имъ пружиною въ жизни и путеводною звѣздою въ тяжкія времена. Пока это сознаніе, призывавшее къ культурной работѣ какъ первыхъ вос-

врсителей Словенска, таѣъ и новѣйшихъ его апостоловъ,
будетъ существовать во всей своей свѣжести и силѣ, до тѣхъ
поръ не утратить своего значенія слова поэта:

„Trpet' môže leš zhynút' nie ¹⁾
Slovenská rodina.“

¹⁾ „Словенская семья можетъ страдать, но не погибнуть.“

Указатель личныхъ именъ.

А.

Абаффи (Ровиновъ): 193.

Б.

Бабилонъ: 33.

Байза: 3.

Бартоломеидесъ: 11.

Бахатъ (Думный): 160—161, 195.

Бенедикти: 97.

Бель Мат.: 7.

Белла Андрей: 162.

Бернолакъ Ант.: 3, 4, 8—10, 49.

Бескидовъ, см. Палярикъ.

Бодицкій: 197.

Ботто Янъ: 48, 52, 56, 60, 71,
115—119.

Браксаторисъ, см. Сладковичъ.

Бѣлекъ: 197.

В.

Ваянскій (Гурбанъ): 58, 61, 118,

163—164, 169, 189, 190, 196
—197.

Велколинскій Янъ: 3.

Вешинъ Яр.: 58.

Викторинъ Иос.: 50, 69, 140,
141, 177, 178.

Врагоборъ (псевд.): 43, 62.

Вурумъ: 10.

Г.

Габель: 10.

Гавличекъ: 30, 38.

Гамульякъ М.: 11, 51.

Гамальяръ М.: 11.

Гаттала М.: 49, 169.

Гвѣздославъ, см. Орсакъ.

Годжа Мих.: 1, 4, 13, 28, 29,
42, 44, 45, 47, 49, 60, 61,
63, 72, 75, 109, 128—130, 132,
133.

Годра М.: 11.

Годра С.: 13, 33, 142.

Голко: 33.
 Голубый: 13.
 Голый Янъ: 3, 11, 13—27, 50, 59, 60, 69, 78, 143, 149, 169.
 Голчекъ: 133.
 Гоудекъ В.: 75, 188.
 Горчичка (Синапіусъ): 6.
 Гостинскій-Кельнеръ: 2, 45, 113—115, 151, 152, 175, 280—281.
 Гочаръ: 52, 169.
 Грайхманъ Як.: 110—111.
 Гробонъ С.: 13, 142—143.
 Гроссманъ Л.: 62, 69, 139.
 Грушковичъ А.: 7.
 Гурбанъ Иос. Д-ръ: 4, 7, 28, 29, 31—35, 37, 46, 47, 48, 51, 62, 75, 77, 79, 119, 121, 124, 129—135, 160, 163, 188—189.
 Гурбанъ Свѣтоз. см. Ваянскій.

Д.

Дакснеръ: 112, 142, 193.
 Добшинскій: 42, 50, 62, 113, 114, 116, 127, 136, 157, 173, 175.
 Догнанный: 43, 45, 46, 48, 61, 75, 123—125, 140, 168, 176.
 Думный, см. Бахатъ.

Ж.

Желло Люд.: 13, 55, 143—150.
 Жиранскій (Крижакъ): 193.
 Жозеффи: 62, 132.

З.

Заборскій Ион.: 2, 51, 139—141, 176—180, 193.

Заводникъ: 133.

Зай: 131, 132, 184.

Збранскій, см. Орсакъ.

Зехентеръ Густ.: 194.

Зніевскій, см. Цапко.

Зохъ Цтибогъ: 128, 137—138.

Зохъ Ив. Брон.: 158.

И.

Ивановъ: 96.

Иллешгази: 10.

К.

Кадавый: 75, 144.

Калинчакъ Янъ 39, 46, 54, 62, 63, 69, 72, 75, 79, 96, 113, 126, 138, 140, 158, 181—188, 195.

Кельнеръ, см. Гостинскій.

Керманъ Д.: 7, 8.

Климачекъ: 33.

Козачекъ: 53.

Колларъ Янъ: 11, 29, 30, 31, 38, 51, 69, 76, 122, 126, 127, 128, 130, 140, 143, 167, 175.

Краль Янко: 50, 85, 102, 103—108.

Крижакъ, см. Жиранскій.

Керчмери А.: 142.

Кубани Люд.: 52, 68, 151—156, 161, 181, 194—195.

Кузмани Карль: 13, 51, 52, 62, 125—128, 160, 166.

Кукучинъ (псевд.): 197.

Кутликъ Ф.: 195—196.

Л.

Ламанскій В. И.: 30, 62, 116.
 Ласкомерскій, см. Зехентеръ.
 Лихардъ Д.: 33, 35, 51, 61.
 Ловихъ: 13.
 Лойко-Тисовскій: 158—159, 193.
 Лукшичъ: 52, 125.

М.

Малякъ У.: 75.
 Маршаллъ: 197.
 Мароти Д.: 57, 138—139.
 Матушка Янь: 40, 42, 48, 111.
 Мачай Александръ: 3.
 Милославинъ, см. Паулин-Тотъ.
 Мойзесъ, еп.: 51, 52, 53.
 Мыдлославъ, см. Паулини-Тотъ.

Н.

Незабудовъ (Носакъ): 45, 109—
 110, 193.
 Ніари: 169.
 Носакъ, см. Незабудовъ.
 Носицкій, см. Турза.
 Нѣмцова Божена: 102.

О.

Ормисъ С.: 2, 62, 175—176.
 Орсакъ, (Гвѣздославъ): 58, 161
 —163.
 Опферманъ А.: 14.
 Освальдъ: 51.

П.

Палковичъ Ю., каноникъ: 3, 10,
 16.

Палковичъ Ю., профес.: 12, 33,
 36, 45, 62, 126.

Палярикъ; 49, 50, 52, 169—174,
 177.

Паулини-Тотъ В: 11, 37, 47, 52,
 54, 55, 61, 111, 119—123, 127,
 130, 136, 144, 174, 167, 192
 —193.

Паулини Лад. (Подолинскій):
 111—112, 193.

Пецъ: 61.

Пилярикъ С.: 6.

Пинекъ, см. Зехентеръ.

Пичъ: 62.

Подградскій У.: 168—169.

Подолинскій, см. Паулини-Ладиславъ.

Подольскій, см. Паулини-Тотъ.

Р.

Радлинскій: 51, 55.

Раецкій-Слота: 13, 142.

Ракочи Ю. и Ф.: 5, 8.

Райская Богуслава: 45, 142.

Рибай: 13.

Римавскій, см. Францисци.

Ровиновъ, см. Абаффи.

Руднай Александръ: 3, 10.

С.

Сасинекъ: 51, 55.

Себерини: 13, 37, 132.

Синапіусъ, см. Горчичка.

Ситнянскій-Трухлый: 61, 138,
 159, 160.

Сладковичъ (Браксаторисъ) А: Цацко-Зніевскій: 159—160.
27, 39, 52, 68—96, 108, 119,
126, 143, 154, 160, 161, 162.

Сладковскій М.: 97.

Слота, см. Раецкій.

Соколовъ М.: 116.

Т.

Таблицъ Б.: 12, 13.

Тёкели Эм.: 5.

Тисовскій, см. Лойко.

Томашикъ С.: 48, 52, 135—137,
193.

Троканъ Янъ: 142.

Трухлый, см. Сишнянскій.

Турза-Носицкий: 97.

Ф.

Фандли: 3.

Ферьенчикъ С.: 62.

Ферьенчикъ Мик.: 189.

Францисци-Римавскій: 42, 50, 52,
73, 112—113, 115, 190, 191,
193.

Фуксъ: 10.

Х.

Халупка С.: 13, 33, 48, 60, 96
—102, 108, 115, 118, 119, 143.

Халупка Янъ: 62, 97, 165—168,
171, 180.

Храстекъ Мих.: 10, 125.

Ц.

Цалтикъ: 33.

Ч.

Чакъ Матушъ: 2.

Чаякъ Янко: 42, 157—158.

Челяковский: 102, 143.

Ченскій Ф.: 62.

Червень: 53.

Червенакъ: 139.

Чернянскій С.: 11.

Чипка: 97.

Чулень М.: 159.

Ш.

Шафарикъ: 1, 30, 61, 126, 127,
144.

Шкультети Иос.: 113, 130.

Шкультети Авг.: 13, 142.

Шубичъ-Зрини: 92, 94.

Штуръ Люд.: 4, 12, 13, 28, 29,
30, 32—43, 45, 47, 48, 59—
68, 85, 102, 103, 108, 120,
126, 129, 133, 137, 139, 144,
174, 186.

Штуръ Карлъ: 13, 33, 63, 120.

Штуръ Янко: 45, 47.

Шульцъ Ф.: 117.

Ю.

Юнгманъ: 142.

Юрецкій М.: 45.

Я.

Янда Богумилъ: 75, 89.

Янчо Иос.: 139, 193.

Замѣченные опечатки и поправки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
2	2	сн. Заборинскій	Заборскій
—	—	— Самуилъ и Ормизъ	и Самуилъ Ормизъ.
3	1	св. отпятой	отнятой
6	14	— Ногѣіѣва	Ногѣіѣка
9	4	сн. провозласивъ	провозгласивъ
11	14	св. Гамульяръ (Hamuliar)	Гамальяръ (Hamaliar)
15	12	— 24 марта	24 марта, 1785 года
16	1	— Теокрыта	Теокрыта
20	4	сн. Голый написалъ свои идилліи (Selanky) числомъ до пяти- десяти (1830—1835)	Голый, имѣя уже 50 лѣтъ отъ ро- ду, написалъ свои идилліи (Se- lanky, 1830—1835)
25	3	св. что	кто
27	17	— популярнымъ.	популярнымъ.“
29	20	— фразеологін	фразеологін
30	12	сн. Cechy	Cechy
31	11	св. Солопы	Солонь
32	3	сн. ни гдѣ	нигдѣ
34	12	св. слушателялѣ	слушателямъ
36	6	— института	института
38	13	сн. Kvetý	Květy
42	17	св. про	по
51	20	— cred'омъ	credo'мъ
54	10	— и центръ и	и центръ
55	3	— у Знева, а 30 января 1875 въ концѣ	у Знѣва, 30 января 1875 въ Турч. св. Мартинѣ, а 6 апрѣля того-же года въ концѣ
63	9	сн. надежѣ	надеждѣ
—	3	— ponavšit'ivt	ponavšit'ivt'
69	4	св. лицѣ	лицѣ
71	10	— pregladiatorov	pre gladiatorov
75	9	— мнимыхъ	мнимымъ

—	19	св.	композиціи	композицій
—	25	—	жизненномъ	жизненнихъ
82	2	сн.	послѣдню	послѣднюю
90	8	—	Іосифа	Іисуса
92	6	—	мы дали	„мы дали
—	1	—	павшихъ	павшихъ
94	12	—	его лиры Мысль	его лиры. Мысль
95	8	св.	Omladinam	„Omladinamъ“
97	5	сн.	газетнымъ	газетныхъ
101	19	—	тамъ	тамъ.
105	4	св.	саяу	саяу
109	1	—	Богутъ	Богущъ
123	5	—	была	были
131	6	сн.	Seshach	Šeshach
140	18	—	автобіографин	автобіографин
142	2	—	находитя	находится
161	10	св.	выдѣлеть	выдѣлится

891.87
V88

